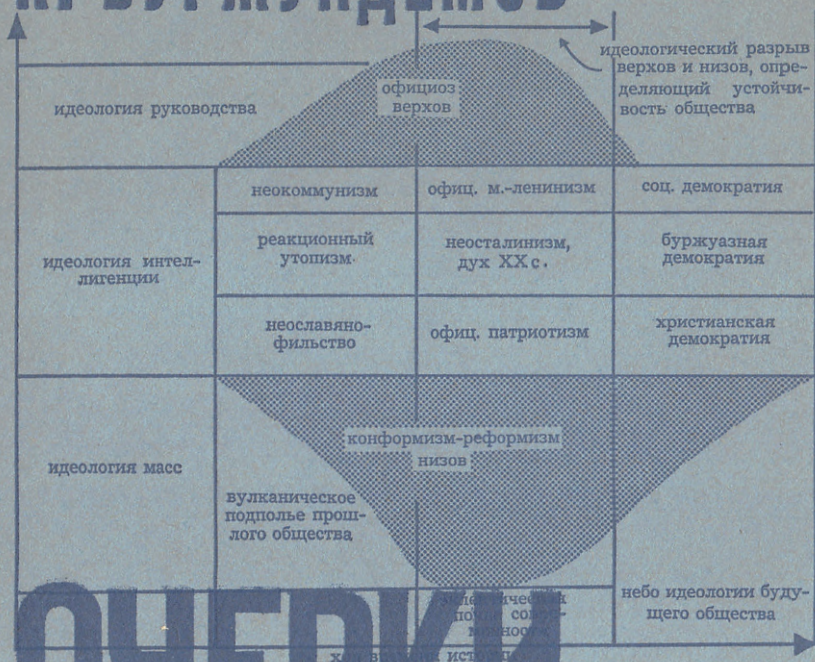

К. БУРЖУАДЕМОВ

ОЧЕРКИ РАСТУЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ

K. BURZHUADEMOV

**ESSAYS
ON A GROWING IDEOLOGY**

(OCHERKI RASTUSHCHEY IDEOLOGII)

ECHO PRESS

1974

К. БУРЖУАДЕМОВ

**ОЧЕРКИ
РАСТУЩЕЙ
ИДЕОЛОГИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

— Э Х О —

1974

Под редакцией Петра Смирнова

Copyright by
A. Neimanis Buchvertrieb G. m. b. H.
München

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Умная книга. Интересная книга. Интересна она и тем, что, в сущности, исходя из той же марксистской теории трудовой стоимости, из ряда основных марксистских посылок, ссылаясь по преимуществу на Маркса и Энгельса, приводит к прямо противоположным результатам. К апологетике современного капиталистического общества. К тому, что пресловутый Марксов «скачок из царства необходимости в царство свободы» будет в гораздо более осуществимой форме совершен именно капиталистическим строем, а отнюдь не «социализмом». Что любая демократия и буржуазный строй — близнецы, вернее даже — близнецы нерасторжимые, сиамские.

Любопытна она и той перекличкой, какая в ней обнаруживается с высказываниями некоторых персонажей «Августа четырнадцатого». Помните, у Солженицына бывший революционер-анархист, крупный инженер Ободовский спорит с социалистически настроенным студентом и студенткой:

«— Кто касался дела, кто сам что-нибудь руками делал, тот знает: не капиталистическое, не социалистическое, производство только одно: то, которое создает национальное богатство, общую материальную основу, без чего не может жить ни один народ...

— Этого 'национального богатства' народ при капитализме не видит и не увидит! Оно мимо его рук плывет — и всё эксплуататорам!

Ободовский легко усмехнулся:

— А — кто такой э к с п л у а т а т о р ? . .

— По-моему, слишком ясно. В а м стыдно задавать такой вопрос.

— Тому, кто вертится в деле — не стыдно... Стыдно тому, кто издали судит, руки сложа. Вот сегодня смотрели мы элеватор, где недавно рос один бурьян, и современную мель-

ницу. Мне не передать вам, какие там вложены ум, образование, предусмотрительность, опыт, организация. Это всё вместе, знаете, почему стоит? — *девятьюстами процентами* будущей прибыли! А труд рабочих, которые камни клали и станки подтаскивали — *десять процентов*, и то можно бы кранами заменить. Они свои *десять* и получили. Но ходят молодые люди, гуманитаристы . . . и разъясняют рабочим, что они получили мало, а вот инженерушка там в очках ни одной железки сам не передвинул, неизвестно, за что ему платят . . .»

И на вопрос о том, откачнулся ли он, Ободовский, от социализма и революции, резоннейше отвечает:

«— Раньше меня больше всего беспокоило, как *р а с п р е д е л я т ь* всё, что без меня готово. А теперь меня больше беспокоит, как *с о з д а в а т ь*. Лучшие головы и руки страны должны идти на это, а распределяют головы послабей. Когда много создано, то даже при ошибках распределения без куска никто не останется».

Автор данного труда превосходно показывает всю не только практическую, но и теоретическую несостоятельность теории построения социалистического планового хозяйства. Не только опыт хозяйственных катастроф в СССР и «странах народной демократии», но и сама теория централизованного социалистического государственного планирования не выдерживает критики.

При этом он остроумно доказывает, что если под коммунизмом понимать максимальное высвобождение человека от тяжелого не-творческого труда и приближение к полностью, впрочем, недостижимому идеалу распределения народного дохода: «Каждому по потребности», — то к коммунизму приведут как раз не социалистические режимы, а капитализм, буржуазная демократия и наука. И уже в развитых индустриальных странах буржуазной демократии сделано немало шагов к этому давнишнему идеалу человечества.

И — что особенно важно — автор рассматривает все вопросы, стоя отнюдь не на так называемых «идеалистических» или «субъективно-идеалистических» позициях. Он исходит, повторяю, с позиций, принципиально не отличающихся от основных положений Маркса и Энгельса.

Как — в свое время — Махайский-Вольский, исходя из основных положений марксизма, логическим путем пришел

к выводу, что марксизм — не идеология пролетариата, а идеология, направленная *против* пролетариата, так сейчас и К. Буржуадемов (довольно забавный псевдоним!) хорошо показывает — исходя из тех же основных позиций Маркса-Энгельса, — что социализм, как переходная ступень к коммунизму, — отнюдь не обоснован основоположниками «научного социализма»; что социализм может лишь вконец подорвать производительные силы страны и всего мира . . . Мало того, автор «Очерков растущей идеологии» убедительно доказывает стихийное, а иногда и сознаваемое руководителями партии и правительства СССР проникновение капиталистических элементов в советскую хозяйственную жизнь.

Но пусть книга говорит сама за себя.

Петр Смирнов

НЕКОТОРЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ

- Б.С.Э., БСЭ, БС — Большая Советская Энциклопедия, Москва, издание 2-е
- ВАЗ — Волжский Автомобильный Завод, построенный итальянской фирмой «Фиат»
- Г.К., ГК — Государственный комитет
- Зек, зеки — заключенные лагерей и колоний НКВД-МВД
- ИТР — инженерно-технические работники
- КБ — конструкторское бюро
- Ленин, С., — Вл. И. Ленин. Сочинения
- М. Э., Соч., М-Э, С., — Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. Издание Института Маркса-Энгельса-Ленина (-Сталина) при ЦК КПСС
- НИИ — Научно-исследовательский институт (институты)
- НЭП — новая экономическая политика (1921—1928)
- Совмин, СМ — Совет министров СССР
- ФРГ — Федеративная Республика Германия (Западная Германия)
- ЭБМ, ИБМ — электронно-вычислительные машины

К. БУРЖУАДЕМОВ

**Очерки
растущей идеологии
(Антигэлбрейт)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я должен сразу предупредить: речь пойдет о буржуазно-демократической идеологии нашего народа. «Вот так новая — удивитесь вы, — мы же с детства ее знаем как пережиток капитализма!»

Тем не менее в приводимых ниже очерках я пытаюсь доказать, что именно она идет на смену официальной коммунистической идеологии, которая является по форме — пережитком первобытного коммунизма (см. работу «Сущность коммунизма» в Приложении 1), а по сути — пережитком феодально-самодержавного общества. Как решает буржуазно-демократическая идеология проблемы настоящего и что она предполагает в будущем? Какова идеологическая настроенность моих современников, и каковы шансы защищаемой мной идеологии на дальнейший рост? — На это я пытаюсь ответить.

А главное — я защищаю ее, как могу, от нападков социалистически настроенной интеллигенции, от аристократического чистоплюйства и романтического антимещанства. Я пытаюсь хоть немного рассеять тьму великого социалистического (по сути — феодального) мифа о греховности буржуазии. Не мне судить — удалась ли эта попытка. Я, во всяком случае, стараюсь быть объективным.

Должен сознаться, что я сейчас нахожусь под большим влиянием философии кибернетики (хоть и являюсь явным дилетантом), что именно ею вызваны многие основные положения этой работы. Знаки равенства, которые я щедро ставлю между рабочим и машиной, монополией и животным, государством и организмом, рынком и природой — это все прямой результат смелого проникновения кибернетики в научно нетронутую целину обществоведения.

И еще одно признание: уже в процессе вымучивания этих очерков, по обыкновению копаясь в Марксе на предмет авторитетного подтверждения своей точки зрения, я обнару-

жил, что безжалостно осмеиваемые и ругаемые Марксом концепции так называемой «вульгарной и пошлой» буржуазной политэкономии достаточно сходятся с истиной в моем понимании. Сперва это меня обескуражило, и я зябко ежился под ругательствами Учителя, но потом решил, что тем хуже для Маркса: он был не только неправым, но и нетерпимым.

Конечно, я — дилетант в области общественных наук. И тем охотнее в этом признаюсь, поскольку считаю дилетантизм в мировоззренческих вопросах скорее достоинством, чем пороком. Он позволяет мне избежать перегрузки частностями и скорее найти общий язык с другими дилетантами. Тем более, что мое дилетантство в частностях не исключает объективности и, может, даже научности общего взгляда, не в пример тысячам сегодняшних так называемых ученых-обществоведов, для которых глубокое знание частных случаев служит только средством искажения общего.

Очерки прямо направлены читателям Самиздата. Единственный результат, на который я рассчитываю — это сильное расширение обсуждения в Самиздате экономических сторон нарождающегося демократического мировоззрения.

Вот и все мои признания. Я честно предупредил о своих слабых силах. Оправданием же служит важность этой почти нетронутой темы.

Возможно, эти очерки помогут кристаллизации идей и появлению действительно большого, нужного всем труда о нарождающейся идеологии нашего общества. Дай Бог!

Сегодня мы только ощущаем смерть и разложение старой идеологии 20—50-х годов, вместо которой выдвигается что-то новое, до сих пор еще какое-то зыбкое и неопределенное. От своевременного раскрытия этой неопределенности зависит направление нашей активности, наших действий. В конечном счете зависит будущее.

Я думаю, что могу раскрыть эту неопределенность и именно потому обязан писать.

1970 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Непосредственным толчком к работе послужила книга американского либерала проф. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», изданная у нас полузакрытым образом, с грифом: «Только для научных библиотек». В начале такая секретность кажется оправданной — ведь предисловие в книге аттестует автора как заправского антикоммуниста. Однако, по мере чтения книги, мое недоумение возрастало: автор проводил отнюдь не защиту капитализма, а наоборот — одно за другим громоздил доказательства его неизбежной социализации, и именно в последней усматривает главный итог страшной «конвергенции». И лишь в одной из 35 глав Гэлбрейт излагает свои претензии к современному социализму. Все же, наверное, этой главки хватило цензуре, чтобы побояться открытого распространения книги.

Зато советский ученый (посетитель научных библиотек, который о недостатках социализма и так знает много больше Гэлбрейта и которого крамольной главкой особенно не удивишь) теперь может воочию убедиться, что даже американские антикоммунисты уверены в преимуществах планируемой социалистической экономики и убеждены в неизбежности движения американской экономики по проторенному нами пути.

Становится ясным подлинный смысл публикации книги Гэлбрейта на русском языке — только для научных работников. Ведь на мыслящие круги советской интеллигенции уже давно не действует официоз пропаганды, процесс демократизации и оппозиционности ее мышления идет все глубже, и вот в этой борьбе с наступлением «буржуазной идеологии» трезвый и «беспристрастный» голос американского либерала в защиту планируемой экономики прозвучал особенно веско и убедительно. Если Гэлбрейт прав, то все умственное брожение нашей интеллигенции (не исключая и высших партийных сфер), та сокрушительная критика социали-

стических беспорядков в экономике (ибо порядком назвать нынешнее состояние трудно), которой со все возрастающей силой занимаются самые разные круги нашего общества, — все это абсолютно беспочвенно! Поскольку весь мир во главе с Америкой движется к социализму, плану, отсутствию конкуренции, рынка и т. д. . . .

Я, конечно, понимаю, что сам Гэлбрейт не мог предполагать, как используют его книгу, но тем не менее нарастающему буржуазно-демократическому мировоззрению она способна нанести сильный удар. Я сужу об этом по реакции своих знакомых: они с полным доверием восприняли доводы американского профессора и как бы заново утвердились в ценностях социализма. Этому укреплению социалистических иллюзий нужно противопоставить свой анализ проблемы «социализм или капитализм». И не только с точки зрения наших внутренних проблем, но — для критики Гэлбрейта — надо использовать более общий, теоретический взгляд.

Однако это — только повод для появления этих очерков. Одна книга Гэлбрейта ничего не решает в общей идеологии нашей демократической интеллигенции и тем более — народа. А к сожалению, сегодня распространены широко именно социалистически-демократические взгляды, а не буржуазно-демократические, как следовало бы. И это тревожно.

Ведь долгий опыт истории нас научил, что социализм демократическим быть не может, что социализм — это одно из названий самодержавной диктатуры, современный облик феодализма. Сколько уже было изобретено способов, сколько сделано попыток устройства хорошего социализма, способов избегания плохого капитализма, сколько шишек набито и крови пролито. И тем не менее мы и сегодня изо щряемся в изобретении самых невероятных типов новейшего социализма, лишь бы он не был капитализмом, лишь бы избежать буржуазной скверны.

Однако дело-то это безнадежное! Капитализм и демократизм — это две стороны (экономическая и политическая) одной и той же медали (современного индустриального общества). Мы, наконец-то, поняли необходимость «демократии прежде всего, во что бы то ни стало», но продолжаем аристократически зажимать нос и отмахиваться от капитализма, как от черта из преисподней. Еще бы: разве мы можем в принципе согласиться на «эксплуатацию человека», на «безнравственную власть денег», на «звериную злобу конку-

ренции», на «бесмысленную анархию производства»? И вот гордость наших демократов — А. И. Солженицын — заявляет, что, даже не взирая на экономические и исторические проблемы, капитализм надо окончательно осудить этически, нравственно. Вот и все тут доводы: не нравится капитализм и точка!

Однако, отталкиваясь от капитализма с его реальной демократией и начиная в переломные моменты истории поиски мифической «социалистической демократии», мы реально можем прийти только к провалу и возвращению к старым привычным феодальным порядкам. И если в решающий момент народного поворота интеллигенция, этот духовный вождь народа, снова, как в 1917 г, окажется социалистической, если она не будет иметь реальных планов достижения буржуазно-демократического строя, то народ под влиянием очередных утопий опять свихнется в болото азиатского самодержавия. Так было, так может быть снова!

Такое предсказание может показаться чересчур смелым, но разве наш исторический опыт не должен нас чему-то учить, разве мало страна настрадалась, чтобы изжить фанатизм и иллюзии, чтобы набраться трезвости и реализма?

Мировая история в каждой стране идет особым путем, осуществляя в целом массу вариантов общественных устройств. Чего только нет на земле? — Нет только демократического социализма! И наоборот, нет такого зрелого и освобожденного от феодально-социалистических пережитков капитализма, который не был бы демократическим. Не только история, но и география должны были бы вразумить нас. Надо только пожелать себе трезвости и воли к избавлению от аристократических предрассудков.

Очень часто приходится слушать разговоры об особой роли интеллигенции, в противовес извечной пассивности и антидемократичности масс. Меня это приводит к недоумению или даже злобе. Недоумению — потому что я не понимаю, как можно надеяться на победу демократии при наличии антидемократического большинства, какая может быть демократия — против народной воли? Ведь даже пассивные массы — это активное оружие в руках старого порядка, это действующие солдаты и дружинники, голосующие и охраняющие без собственного желания, лишь по приказу сверху — и тем не менее очень слаженно и эффективно (сила организации)... Только активное народное большинство или еще

лучше содействие властей может осуществить демократический поворот. Теория интеллигентской исключительности — это пессимизм, т. е. отрицание правомерности и целесообразности любых действий.

Злобит же меня эта точка зрения в силу ее объективной вредности: она отворачивает интеллигентных людей от реальной идеологии простых людей, от их реального роста. Провозгласив интеллигенцию творцом истории, она вручает последней и право сотворить это будущее по собственной воле. И вот надуманные идеалы социалистической демократии могут перевесить в определенные, но важные моменты пусть незрелые и неоформленные, грубые и обывательские, но реальные и осуществимые буржуазно-демократические требования самих масс. И снова из-за социалистического прекраснодушия своего духовного авангарда наша страна упустит очередной шанс выскочить из порочного круга: диктатура—бунт—разруха — снова диктатура, и т. д.

Конечно, пока социализм еще популярен в массах, социалистическая настроенность интеллигенции может быть пока оправдана, однако, учитывая высокомерное пренебрежение к возможностям народа, нам очень легко пропустить начало своего отставания от сознания обуржуазившихся масс. И тогда наша роль окажется не менее жалкой, чем у социал-демократов в 1917 году.

Я же лично в этом участвовать отказываюсь: имея в далекой перспективе своим идеалом свободный коммунизм (см. работу «Сущность коммунизма»), я не желаю «перепрыгивать этапы», раз за разом падая в феодальное болото, и потому сегодня сознательно становлюсь на позиции буржуазной демократии. А в нижеследующих очерках постараюсь быть последовательным в ее защите.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЛЮДЕЙ И МАШИН

Технический прогресс

Сам для себя Чепурный открыл одну успокоительную тайну, что пролетариат не любит вид природы, а уничтожает ее посредством труда, — это буржуазия живет для природы: и размножается, — а рабочий человек живет для товарищей, и делает революцию. Неизвестно одно — нужен ли труд при социализме или для пропитания достаточно одного природного самотека? Здесь Чепурный соглашается больше с Прокофием, с тем, что солнечная система природы самостоятельно будет давать силу жизни коммунизму, лишь бы отсутствовал капитализм, всякая же работа и усердие изобретены эксплуататорами, чтобы сверх солнечных продуктов им оставалась ненормальная прибавка...

(А. Платонов, «Чевенгур».)

Одно из главных обвинений капитализму заключается в следующем: он эксплуатирует людей на производстве, как скот, как машины, как винтики. Признаю ли я это обвинение?

— Да, признаю! Капиталистическое производство *использует* (перевод слова «эксплуатация») как машины, так и людей. Признаю и не вижу в этом ничего ужасного. Наоборот, считаю логической нелепостью, когда люди всерьез говорят о необходимости уничтожения эксплуатации людей — властью рабочих. Ведь рабочий без работы, т. е. без эксплуатации — уже не рабочий, так же, как машина без работы, без эксплуатации — уже не машина, а металлолом.

Видимо, тут что-то не так с пониманием самого термина «эксплуатация». Действительно. БС различает в этом слове два смысла: 1) широкий, приведенный выше — по отноше-

нию к машинам и природным силам, и 2) узкий, применяемый только к людям: «Эксплуатация есть присвоение классом собственников средств производства — прибавочного, а нередко и части необходимого труда непосредственных производителей».

Примем за истину этот узкий смысл эксплуатации (лучше сказать — марксистский смысл). Признаю ли я справедливость такого обвинения капитализма?

— Конечно, нет! И сейчас я собираюсь представить вам доказательства, которые, по моим расчетам, если не убедят, то превратят обвинение в сдержанное понимание.

Для современного предприятия (в любой стране) характерно следующее приближенное соотношение необходимого и прибавочного продукта: $\frac{1}{3}$ — зарплата работников, $\frac{1}{3}$ — расходы на сырье и амортизацию машин, $\frac{1}{3}$ — прибыль. Сумма же этих третей равна стоимости всего товарного выпуска. Часть зарплаты олицетворяет количество необходимого труда, а прибыль — количество прибавочного труда. Следовательно, отсутствие эксплуатации должно означать отсутствие прибавочного труда, вернее, распределение его среди рабочих, как непосредственных производителей. Все кажется логичным — «уничтожь капиталиста и возьми себе прибавочный продукт». Таков древний лозунг социалистов, убежденных, что жалкая кучка капиталистов зря пожирает столько же продуктов, сколько и весь многомиллионный рабочий класс.

Но приглядимся поближе к судьбе этой прибыли на деле. Как в капиталистических, так и в социалистических странах половина прибыли предприятий взимается государством в виде налога, другая существенная часть предназначена для расширения и совершенствования самого производства. И только оставшиеся несколько процентов составляют те дивиденды, которые вчистую следуют в карман акционеров.

10—15% годового дохода от суммы вложенного капитала считается очень хорошей прибылью. И конечно, это немало.

Может следует именно эту часть прибыли предприятий и ферм считать прибавочным продуктом? И именно уничтожение этих 10—15% — считать ликвидацией эксплуатации?

Никто не может запретить капиталисту пустить на распыл свои 10—15%, как это делали недоброй памяти некоторые русские купцы в кабаках всего мира.

Но всем известно, что типичный капиталист, достойный представитель своего класса, имеет совсем другой характер. Жадность и скупость капиталиста, вплоть до самых богатейших, вошла в поговорку наряду с мотовством и паразитизмом феодальной аристократии.

Читая сегодня про миллиардеров, экономящих на кефире и старых туфлях, трудно не согласиться со словами Маркса о том, что капиталисты — такие же рабы Капитала (производства), как и рабочие. * Их главная цель жизни, их страсть и сама суть — в сбережении и накоплении этих самых 10—15% и обращении их в новое дело! В новые предприятия. Не в то же самое производство, откуда он вышел, а в новое, в более прогрессивные и выгодные отрасли. Капитал скряг жадно и страстно ищет применения, являясь мощным двигателем хозяйственного развития.

Трудно не признать общественную полезность такого накопления, трудно не поблагодарить капиталистов за их бережливость и экономию, за создание финансовой базы под бурный промышленный прогресс.

Однако благодарить их особенно не за что — таков естественный порядок капиталистического общества. И если кто-то захочет отступить от кодекса Скупого рыцаря и полностью тратить свои законные 10%, то ждет его не только угасание капитала, но и угроза будущего банкротства — (это не фантастически богатая старая Россия). И достаточно в момент того или иного экономического спада проявить финансовую слабость, чтобы скупердяи вроде миллиардера Поля Гетти обобрали своего более расточительного или ленивого коллегу.

Как мы видим, накапливаемая часть прибавочного труда хоть и попадает в карман капиталиста (в размере 10%), но тоже необходима для общего прогресса индустрии и общества и не должна подвергаться нашему осуждению, тем более — запрету.

Конечно, Поль Гетти — особый, гомерический жмот. Остальные же сочетают скупость в тратах капитала и доста-

---

* «Если пролетарий в глазах классической политэкономии представляет собой лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталист в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в добавочный капитал...» (см. соч. М. и Э., т. 23, стр. 608).

точную роскошь личной жизни (в сравнении с рабочими). Так может, именно эту, правда, изрядно уменьшившуюся часть прибавочного продукта, что идет на создание более высокого уровня капиталистической жизни — считать «ненормальной прибылью» и плодом эксплуатации? — Вот если бы капиталисты получали денег на жизнь не больше рабочего, или если бы они вообще жили даром, как птицы небесные, то может и эксплуатация исчезла бы?

— Но нет, даже с такой урезанной социалистической программой я не могу согласиться. Уж очень она похожа на уравниловку. Хотя, впрочем, нет. В Америке и других капиталистических странах такое «уничтожение эксплуатации» уже давно произошло. Подавляющее большинство тамошних деловых людей не является капиталистами в традиционном смысле, т. е. не владеет лично фабриками. Напротив, в качестве директоров и президентов компаний они *служат*, т. е. работают на производстве за особую определенную заработную плату. Конечно, в качестве акционеров они получают и свою часть прибыли, но так как директорской зарплаты обычно вполне хватает не только на семейные расходы, но и на дополнительные сбережения, то можно считать, что вся прибыль предприятий идет только на новое производство. И ни одной копейки — на роскошь владельцев. Наоборот, последние нередко отправляют часть своей трудовой зарплаты — в фонд будущего накопления.

То же самое относится и к социалистическому обществу, где все (исключая может самые особые правительственные случаи) живут своей зарплатой. Следовательно, в современном мире ликвидирована эксплуатация человека в узком смысле. Что и требовалось доказать.

— Что за чушь? — скажет мне сейчас же социалистический интеллигент, духовный наследник русской социал-демократии (назовем его «эздеком»), — неужели вы считаете, что умопомрачительная роскошь всяческих Морганов и Хантов может быть заработана ими лично, что она не зиждется на ограблении труда сотен тысяч рабочих? Неужели не видно, что президентские и директорские зарплаты — это только форма извлечения прибавочного труда, форма эксплуатации? И что действительно нет разницы между западными эксплуататорами и нашими руководителями предприятий. И у тех, и у других зарплата превышает минимум рабочего —

в 10—50 раз. И те, и другие — в равной степени эксплуататоры рабочего люда! И тех, и других надо обязательно стукнуть по шапке...

— А что взамен?

— Принципы Парижской Коммуны, принципы Ленина в 1917 году — всем руководителям платить не больше среднего рабочего...

— Но ведь это уравниловка, это несправедливо...

— Да? Тогда надо видоизменить: выдавать зарплату не поровну, а по труду. Но не так, как сейчас — в 20—50 раз больше, а действительно справедливо по труду.

— Как же вы практически будете измерять количество труда?

— Как? Не знаю... там видно будет. Надо еще раз устранить закравшихся эксплуататоров, мешающих справедливости, это главное, а уж дело будущих поколений — как можно устроить общество без эксплуататоров. Нельзя же быть столь высокомерным, чтобы уже сейчас решать за будущих людей их проблемы...

Такова примерно нить извечного спора, который ведет наш пылкий эсдек с трезвым защитником капиталистической реальности (назовем его по памяти кадетом — конституционалистом-демократом). На примере истории собственной страны мы узнали обманчивость и бесплодность призывов эсдеков, однако и трезвым уверениям кадета об отсутствии эксплуатации поверить трудно.

В работе «Сущность коммунизма» (см. Приложение 1) я уже обосновывал идентичность принципа социалистической оплаты по труду с принципом продажи рабочей силы. Отличия здесь лишь в форме, в пышном обрамлении фразами о справедливости, столь привычными в «отеческих устах» нынешних преемников самодержавия.

Но даже если читатель еще не может принять этот факт, как теоретически доказанный, он должен признать ущербность современной справедливости социалистической зарплаты. Как было раньше, так есть сейчас. Разница уровней жизни людей, занимающих различное место в производстве, есть! И она должна быть. Она необходима для успешного хода производства. Но создается это различие не эксплуатацией рабочих, а эксплуатацией машин.

ПРОЩАНИЕ С МАРКСИЗМОМ

Чтобы выяснить, кого же на самом деле эксплуатируют всяческие миллиардеры, миллионеры, прислуживающая им интеллигенция, широкие слои рабочей аристократии и их подголоски, — мне придется сейчас поведать о своем страшном грехопадении: отходе от позиций Маркса к «пошлой и вульгарной» буржуазной политэкономии Сея, Мак-Кулона, Милля и других.

А началось все с простого непонимания: как может неуравнительная, дифференцированная зарплата быть справедливой? Конечно, грузчик своей спиной поднимает грузы в тысячу раз меньше электрокрана, но зарплата крановщика лишь в полтора раза больше зарплаты грузчика (или даже равна). Почему?

Если судить по количеству затрачиваемого каждым труда (рабочего времени), то, наоборот, у грузчика работа не в пример тяжелее, чем управление мощной машиной — и потому должна быть лучше оплачиваема.

Если же судить по объему выполненной работы — то тогда крановщик должен получить во много раз больше (даже за вычетом амортизации крана). Истинное же соотношение зарплат этих людей не удовлетворяет ни одному виду справедливости.

Пример очень простой и грубый, но они все такие, особенно при сравнении зарплат рабочих и начальства. Много прошло времени, пока я не понял, что справедливость и количество труда здесь ни при чем, что платят на деле — за стоимость рабочей силы, которая выясняется из сравнения зарплат работников. И если на трудовом рынке предложение грузчиков будет в полтора раза больше, чем крановщиков, то в обратном соотношении установятся и уровни их зарплат.

Но еще больше прошло времени, прежде чем я понял удивительную по простоте истину: работают не только грузчики и крановщики, работает еще и *кран*. (Именно работает, и не только кран, но и лопата в руках землекопа, и почва в руках хлебороба.)

Это не крановщик в тысячу раз производительнее грузчика, а кран. Именно крану надо выплатить зарплату 999 грузчиков, оставив только одну — крановщику. *Так было бы справедливо*: ведь разница между этими людьми невели-

ка. Но так как для управления краном нужны образованные работники, а их меньше, чем необразованных, то трудовой рынок и назначает крановщику зарплату выше. Если бы случилось наоборот, т. е. людей с образованием оказалось больше, чем грузчиков, то перевернулось бы и соотношение зарплат (что сегодня у нас часто и наблюдается в уровнях зарплаты, допустим, инженера или рабочего).

Но машины не получают зарплаты. Они не получают ее и работают даром, как работали крепостные в стародавние времена. Справедливость им не нужна, ибо это прирожденные рабы и работают на износ. Вот они-то и подвергаются прямой и видимой эксплуатации со стороны всего человечества в целом — от самого верха до последнего нищего. И хоть мы говорим о великих трудовых возможностях человека, о все повышающейся производительной силе *его труда*, на деле все успехи цивилизации зиждутся на работе машин и природы.

*
*
*

Из миллиона лет человеческого существования, только шесть тысяч приходится на цивилизацию. И все эти шесть тысяч неразрывно связаны с эксплуатацией машин и орудий. Человек выделился из природы благодаря своим орудиям — этому овеществленному знанию природных процессов, управляя которыми он добился небывалого для животного могущества. Твердость камня и металла, жар огня, сила животных, плодородие земли — все облегчало его жизнь уже в течение миллиона лет.

Но только когда это знание сил природы, это умение ими управлять и средства управления (орудия труда) достигли определенного совершенства и позволили человеку устойчиво производить излишки продуктов сверх необходимого минимума существования, только тогда было создано современное общество в лице своей первой формы — рабовладельческого государства. Было изобретено рабство, человек был сам возведен в вид природной производительной силы, в род «говорящего орудия», первой автоматической машины, что дало такие преимущества «изобретателям», которые позволили им начать историю цивилизации.

От этого момента марксистская наука считает летоисчис-

ление эксплуатации человека человеком («говорящего орудия» — «изобретателем»). Но следует добавить «эксплуатация человека с его орудиями», ибо только последние дают рабу такую производительную силу, которая делает возможным рабовладение. Без них раб — гол и немощен, не сможет не только пирамиду построить, но и себя прокормить. Без них раб — пригоден разве только в качестве добавочного мяса за ужином.

Таким образом, даже при рабстве, этой первой, самой грубой и жестокой форме эксплуатации человека в широком смысле, трудно говорить об эксплуатации его в узком смысле: прибавочный продукт дает хозяину не просто рабский труд, а только соединение раба с хозяйским орудием труда, со знаниями хозяина. Или для современного общества — соединение рабочего с машинами и организацией, с *капиталом* хозяина.

Конечно, изобретение раба, как и последующее изобретение машин, было величайшим технико-экономическим завоеванием человека, придавшим огромную производительную силу и мобильность общественному хозяйству. Но виновником этого прогресса был не сам раб, а умение его использовать. Так же, как эффективность топора — не заслуга данного куска металла, и не заслуга данного человека, пускающего топор в ход, — а заслуга общественного знания (как можно сделать топор и как его эксплуатировать).

Считается, что в сравнении с первобытным обществом производительность современного человека выросла в сорок раз. Если принять, что результаты труда первобытного человека получены только его личными усилиями (что, конечно, тоже неверно), то 39 частей труда наших современников — есть результат эксплуатации накопленного человечеством знания, результат эксплуатации всего производственного организма общества.

«Человек может столько, насколько велики его знания» — это было понятно уже в XVII веке родоначальнику нашей опытной науки Фрэнсису Бэкону.

³⁹/₄₀ нашего труда — не наша заслуга, а заслуга наших предков, передавших нам свой опыт. ³⁹/₄₀ — это результат работы всевозможных машин, животных, растений, всей природы, поставленной знанием на эксплуатацию. И лишь ¹/₄₀ — результат эксплуатации самого «голового» человека (эксплуатации в широком смысле). Следовательно, чтобы

все было «по справедливости» и без всякой эксплуатации, надо, чтобы работник получал лишь $\frac{1}{40}$ от своей выработки. Однако на деле он получает целую треть — $\frac{13}{40}$, из которых лишь $\frac{1}{40}$ — его личная заслуга, а остальные 12 частей — результат «безжалостной» эксплуатации машин и природы.

Так зачем же тогда вопить о несправедливости эксплуатации человека человеком? — Ведь и те, и другие: руководители и рабочие — все живут за счет эксплуатации техники. Капитала. Почему же кормящий всех Капитал не может иметь возможности вознаградить важного для него организатора производства или ученого-новатора в 10 раз больше, чем рядового работника? Что же тут несправедливого?

**
*

Уяснение простого факта производительной работы машин и природы, работы наравне с человеком и даже много больше его (в 39 раз), шло для меня очень долго и мучительно — лет 10, если не больше. Наверное, столь же тупо люди воспринимали мысль о том, что не солнце вертится вокруг них, а они вокруг солнца. Видимо, изживание любых антропоцентрических мифов дается людям с большим трудом.

Теперь меня уже не смущают типичные производственные парадоксы: инженеры и наладчики автоматических станочных линий считаются лишь неосновным обслуживающим персоналом, а рабочий, стоящий рядом и наблюдающий только за процессом — основным и непосредственным производителем, который всех «кормит». Эти нелепые претензии разрушает простая мысль: — всех нас, не исключая и рабочего, кормит сама автоматическая линия (сравни народные выражения — «земля-кормилица» и т. д.).

Однако, как только эта — трудно сказать, истина, — эта банальность была мной понята, я немедленно попал в болото вульгарной буржуазной политэкономии. Оказывается, что я изобретал велосипед, что это очень старый вопрос, дискутировавшийся еще во времена Маркса и до него. И только необычайно прочному засилью у нас марксизма (т. е. одной только точки зрения) я обязан своими десятилетними муками творчества.

В чем же смысл этого эпохального спора?

Буржуазные «вульгаризаторы» считали, что прибыль есть прямая функция затраченного на производство капитала $C+Y$, т. е. результат работы рабочих (переменного капитала — Y) и работы машин (постоянный капитал — C). Маркс же настаивал на положении, что источником прибыли может быть только труд живых рабочих, т. е. только переменный капитал Y . Очевидно, из-за чего ломались копы: в первом случае капиталист, как представитель Капитала, имел полное право на прибыль, рожденную самим Капиталом, этим денежным выражением всей суммы производительных сил (овеществленных знаний); во втором случае — прибыль рождалась только трудом рабочих, а основной капитал (машины и природа) при этом только присутствовали (сопутствующие элементы), капиталист же объявлялся ненасытной пиявкой, паразитом, которого надо немедленно свергнуть — и вперед! На штурм неба коммунизма!

И потому нет более сильной ругани и желчи, которые бы не обрушивал Маркс на головы своих научных оппонентов. Однако реальная практика образования прибыли свидетельствовала за буржуазную точку зрения, и потому гнев Маркса становился еще неистовее. Любимым его обвинением стало — вульгаризаторство, поверхностность, т. е. описание наблюдаемых явлений, как они наблюдаются в самой жизни (на ее «поверхности»), а не в метафизических «глубинах».

Дело в том, что прибыль предприятия определяется на рынке, после продажи всего товарного выпуска, по следующей формуле (см. любой учебник политэкономии):

$$T = C + Y + P$$

где

C — основной капитал, затраченный на машины.

Y — переменный капитал, затраченный на зарплату.

P — прибыль, которая прямо пропорциональна $C+Y$.

По Марксовой же теории трудовой стоимости товаров место прибыли P замещает член — прибавочная стоимость, прямо пропорциональная переменному капиталу Y . Однако на деле, на рынке товары продавались и продаются по первой формуле, и предприятия получают не прибавочную стоимость, а именно прибыль, пропорционально всей сумме за-

траченного капитала! — Чтобы обойти эти «некоторые трудности», Марксом была разработана специальная теория средней прибыли, получающейся на рынке в результате конкуренции капиталов и образования рыночных «цен производства». Концы с концами были искусственно связаны (как искусственно связывала свои концы теория Птолемея в сравнении с вульгарной простотой системы Коперника). Зато был спасен основной принцип революционной идеологии, основной предрассудок — «рабочие руки — все. Капитал — ничто».

**
*

Высказанная выше аналогия между трудовой теорией Маркса и звездной системой Птолемея неточна тем, что вторая на полторы тысячи лет опередила Коперника и была необходимой ступенью познания истины.

Теория же Маркса родилась в борьбе с «обычной», «вульгарной» политэкономией и обозначала собой не очередной этап научного познания, а подведение «научной базы» под массовую идеологию классовой борьбы.

Эта теория не получила научного признания ни в прошлом, ни в нынешнем веке, и только в марксистских странах она приобрела силу официальной догмы, избавиться от которой много труднее, чем изжить систему Птолемея. Догмы не только пропагандируемой, но и внедряемой в практику — конечно же, невзирая на огромный вред.

Стоит только вспомнить, с каким ожесточением боролись марксистские академики типа Струмилина за внедрение в социалистическое хозяйство «истинных» марксистских цен, какие он метал молнии в наших несчастных плановиков, которые, хоть вслепую и побаиваясь имени Учителя, но отыскивали в своей работе по ценообразованию — зависимость цен продуктов от породившего их капитала:

В поисках этих критериев эта практика пыталась нащупать некую золотую середину между идеями Маркса и вульгарных экономистов, предлагая за норму рентабельности принять отношение $\Pi : (C + Y)$. В отличие от нормы прибыли $\Pi : K$, предполагающей, что накопление создается капиталом, и нормы накопления... по которой оно создается только живым трудом, мы в этой эк-

лектической отсечьяине находим примирение этих противоположных концепций, ибо, принимая за меру рентабельности отношение прибыли к себестоимости, мы тем самым молчаливо допускаем, что эта прибыль создается и живым, и мертвым трудом (машин). А поскольку из прибыли при этом исключается весь налог с оборота, то для исчисления полной стоимости продукции и этот убыточный критерий теряет всякую определенность. . . . Теперь, с признанием закона стоимости, все это уходит в прошлое . . . (Струмилин, «Очерки по экономике СССР», стр. 340.)

Однако в прошлсе уходит — но не требование практики ценообразования, а, наоборот — (с признанием в 1965 г. понятия прибыли) ушла в прошлое часть догматики Маркса-Струмилина, оставив за собой только ругань на вузовских лекциях.

Наши бухгалтеры, отказываясь в конце концов в своем учении от чуждого нам понятия «капитал», бережно, как зеницу ока, сохраняют в нем и доньше, вот уже более 40 лет, теснейшим образом связанное с капиталом понятие «прибыль». Капитал и прибыль — это основные категории капиталистического общества, отражающие в себе отношение эксплуатации труда. Прибыль исчисляется на капитал, как ее прямое порождение. Капитал и прибыль неразлучны; как сиамские близнецы, в условиях капитализма они не способны пережить друг друга. Капитал, не приносящий прибыли, — это уже не капитал. Прибыль, не образующая капитала, — это уже только доход, и в условиях СССР, где уже нет капитала, понятие прибыли становится явным пережитком (там же, стр. 383).

Как хорошо, что мы пережили не только академика, но и его «идейки».

Интересно, что, завершая публикацию последнего тома «Капитала», Энгельс посчитал необходимым поместить в конце его дополнение, посвященное именно защите упомянутой теории Маркса. Причем, ругая по обыкновению оппонентов самыми последними словами, Энгельс вынужден был признать, что даже самые благожелательные из критиков, товарищи по социал-демократической партии, не совсем понимают дело и называют стоимость товаров по Марксу — «необходимой фикцией».

Энгельс сердился на слово «фикция», но сам берется доказать реальное существование такой стоимости товаров

лишь в средневековой торговле ремесленника и крестьян, когда орудия труда еще можно было бы не отделять от человеческих рук и ног и не учитывать в ценах (но, конечно, это также неверно), когда орудия труда принадлежали каждому человеку отдельно и их производительную силу можно было приписывать непосредственно хозяину. В нашу эпоху технического прогресса машинное производство так выросло и переплелось, что такое разделение по технике людям стало невозможно (и существует только в марксистском сознании). Производство теперь существует на рынке самостоятельно — в виде капитала.

Когда появляется новая, более совершенная машина, изготавливающая те или иные товары в десятки раз быстрее и дешевле, чем шло изготовление старым способом с помощью человеческих рук, то здесь конкуренция труда машин и людей выступает на рынке в самом прямом и обнаженном виде. Владелец новой машины получает избыточную прибыль, подавляя конкурентов.

Правда, когда изобретения были очень редкими, конкуренция капиталов раз за разом сбивала старые цены товаров до нового уровня, выравнивая все прибыли и распространяя применение новых машин на все предприятия, делая эффект новой техники достоянием всех капиталистов, всего общества. Однако, сегодня, когда применение новых машин и рационализация стали обычным ходом производства, выравнивать стало нечего, и избыточная прибыль от новых машин просто приплюсовывается в карман все тех же капиталистов и . . . рабочих, которые своими периодическими забастовками и подъемом заработной платы добиваются изрядного куска от эксплуатации новых машин и новой организации труда.

Рассматривая заново сумму $C+Y+P$, мы видим, что C — это необходимый продукт капитала, фонд амортизаций, без которого производство просто не может существовать, а $Y+P$ — это общая прибыль, национальный доход от эксплуатации народного хозяйства, где Y — доля рабочих, вернее — людей, а P — доля самого капитала, идущего на дальнейший рост.

На этом и кончаю рассказ о своем вероотступничестве, которому, впрочем, рад, как радуется человек рассвету после тьмы. Конечно, это звучит кощунственно, но на деле не так страшно. Ведь, как и большинство моих сверстников, я никогда не был по-настоящему убежден в марксизме. Мы просто были в нем воспитаны. Выросшие в послевоенные годы, когда угасли даже отзвуки былых идеологических битв с их мощным физическим отбором на предмет верности марксизму-ленинизму, мы воспринимали это учение некритично и почти бессознательно, просто, как естественную форму нашей жизни. Но любое собственное наблюдение, логическая мысль или просто осознание реальных фактов выводило нас из-под власти «учения». В условиях научно-технической революции и медленного буржуазно-демократического развития такое размывание марксизма неизбежно. И я убежден, что стоит любому из нас подойти к марксизму серьезно, проанализировать его положения на предмет применения в нынешней обстановке, как выявится его неверность и непригодность . . . Конечно, марксизм — великое идеологическое учение, и сегодня у него больше сторонников, чем раньше. Но . . . сфера его действия ограничена главным образом слаборазвитыми странами, где переход от феодализма-социализма к буржуазной цивилизации еще только начинается. С завершением этого перехода упадет и роль революционной идеологии вообще, марксизма в частности. А во-вторых, с самого начала марксизм не был верен как научная, в частности экономическая теория.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА

Миф о классовой борьбе эксплуататоров и эксплуатируемых предстает теперь перед нами, как борьба различных слоев общества за дележ национального дохода, результатов эксплуатации Капитала, работы народного хозяйства. Наши поиски правды перевертывают марксистский тезис: не Капитал эксплуатирует труд, а, наоборот, — *Труд эксплуатирует Капитал* — раньше, и сейчас, и во веки веков. Не надо понимать этот тезис буквально, ведь термин «эксплуатация» я применяю здесь в узком, марксистском смысле слова. В широком же смысле люди до сих пор эксплуатируются в

производстве в качестве самых необходимых и совершенных машин.

Но вопрос об освобождении людей от такого рода эксплуатации ставится и решается не теориями Маркса, Ленина и др., а ежедневной практикой ученых и ИТР в ходе технического прогресса.

Я имею в виду, конечно, постепенное вытеснение людей машинами из нечеловечески тяжелого и неестественного производства. *Освобождение производства от людей — это и есть освобождение труда от эксплуатации.* Труда рабочих и труда капиталистов. Труда торговцев и труда инженеров. Выражаясь языком политэкономии, речь идет об увеличении органического строения капитала, т. е. уменьшении отношения $У : С$. Когда это отношение уменьшится до нуля, наступит действительный коммунизм — общество совершенно отличное от нынешнего.

В этом тезисе — вся суть моей коммунистической убежденности.

Она — производная от моей веры в бесконечность технического и научного прогресса, от моего знакомства с кибернетикой.

Кибернетика — произвела подлинный переворот в наших представлениях о мире окружающем. И я уверен, что это первая комплексная наука о системах общество—человек—машина станет в будущем подлинной научной базой для новой идеологии.

Парадоксально то, что, развеяв многие мнимо-коммунистические догмы, утвердив великую ценность технического капиталистического развития, кибернетика несет с собой ясную и реальную перспективу полного освобождения труда от принудительной производственной эксплуатации, т. е. настоящей коммунизм.

Все это было бы невозможным убеждением, если бы кибернетика не выдвинула и не решила положительно вопрос: «Может ли машина заменить любого человека на производстве?» Или: «Может ли машина стать умнее человека?»

Пока еще очевидность этих ответов не всем понятна, но это временное явление. Совсем недавно такие словосочетания, как разум или эмоция машин — казались чудовищными нелепостями, сейчас об этом спорят миллионы людей с высшим образованием. Завтра, с дальнейшим прогрессом кибернетики, выводы будут сделаны всеми. В bestолковых

дискуссиях об умных машинах происходит переоценка ценностей, иллюзия уступает место научному реализму, создается новая духовная почва будущих поколений. Даже самая консервативная часть нашего общества — высшее руководство — научилась воспринимать такую мысль, как самостоятельное существование умных машин. Любопытным подтверждением служит одна из последних речей Брежнева, где он так обосновывает необходимость ведения переговоров с США об ограничении гонки стратегического оружия:

Есть и другая сторона дела, которую также нельзя не учитывать в долговременной политике государства. Она связана в значительной мере с тем, что системы контроля за оружием и управления им становятся, если можно так выразиться, все более автономными от людей, их создающих. Человеческий слух и зрение не способны точно реагировать на современные скорости, человеческий мозг уже подчас не в состоянии достаточно быстро оценить показания множества приборов, и принимаемое человеком решение в конечном счете зависит от выводов, которые ему даются счетно-решающими устройствами.

Правительства должны сделать все от них зависящее, чтобы быть в состоянии определить развитие событий, а не оказаться в роли пленников этих событий...

Кибернетика вскрыла относительность всех понятий о жизни, разуме, организации, эксплуатации и т. д. Она поставила на одну доску машину и человека, и в этом ее великое историческое значение.

Машина не только может стать умнее человека, она уже сейчас в некотором смысле умнее (больше запоминает, быстрее считает, точнее и т. д.). Мало того, все машины только тогда и появляются, когда начинают превосходить в чем-то человека. И никаких границ для такого моделирования человека на производстве нет и быть не может. Вплоть до полного воспроизведения всей человеческой природы.

Но последнее не нужно. Если судить по современному демографическому взрыву, то перед человечеством стоит не задача создания искусственных людей, а возведение искусственных препятствий для естественного создания людей. Совсем другая задача — замена *всех производственных функций* человека, освобождение его от машинообразного, принудительного труда. Решена же она будет окончательно толь-

ко после полного раскрытия закономерностей человеческого мышления и моделирования функций головы.

Вопросы исчезновения товарных отношений, обязательного труда и т. д. обсуждались уже мною (см. Приложение 1), здесь же будущий коммунизм затрагивается только в связи с проблемой ликвидации эксплуатации человека.

Еще совсем недавно мысль о возможности полного разделения сферы производства и сферы человека казалась невероятной утопией. Сегодня — это доказанная кибернетической перспектива. Осуществится ли она? Не будет ли «кибернетизация» производства означать уничтожение человеческого осмысленного труда, всеобщую нивелировку досуга, деградацию человечества? — Не думаю.

Мы много говорили об относительности термина эксплуатации: если капитал несомненно эксплуатирует людей (в одном смысле), то люди эксплуатируют капитал уже в обоих смыслах. Производство существует для людей с тем же основанием, с каким люди — для производства. И все же в этом двуединстве ведущей стороной, первопричиной являются люди, а не машины; труд, а не капитал.

Именно человек активно меняет и формирует эту в общем-то пассивную систему. Изменяет неосознанно, стихийно, но всегда под влиянием своих глубоких потребностей, главная из которых — инстинктивное желание избавиться от невольной роли производственной машины (отчужденный труд) и вернуться к свободному, естественному образу жизни. Все тысячелетия цивилизации человек не перестает мечтать о золотом веке первобытного коммунизма (при сохранении технических завоеваний). Эти мечты часто выливались в социалистические утопии и коммунистические восстания за возвращение к золотому веку. Но восстанием можно только разрушить производство и возвратиться к исходной точке развития. Истинный же путь — в труде всего человечества, в его постепенной переделке своего хозяйства и приспособлении к себе. Путь технического прогресса — очень медленен и труден, но единственно реален.

Реконструкция происходит в мирной конкуренции машин и людей на трудовом рынке: в конкуренции, где человек уступает не все области деятельности, а только себе несвойственные — механические, тяжелые, нетворческие и т. д. Но ведь это не все!

А производство использует все способности человека, в

том числе и его свободное, радостное, самозабвенное творчество. Не только принудительный труд «от звонка до звонка», от которого, по выражению Маркса, «бегут как от чумы», но и тот труд, который есть «первая жизненная потребность человека» (Маркс).

И мне кажется невероятным, что такой труд будет когда-либо заменен машинным. Ведь для творчества надо обладать всем набором человеческих качеств и даже недостатков — надо быть просто человеком.

Так определится производственное разделение функций: «человеку — человеческое, машинам — машинное». Та радость свободного творчества, которая сегодня доступна лишь самостоятельным ученым и художникам — станет участью каждого. Так будет, потому что человек именно этого желает и над этим работает — ежедневно, ежечасно.

Такая творческая «эксплуатация» человека в производстве, несомненно, останется, пока жив человек со своей «первой потребностью». Возможно, что будущее производство будет работать в основном ради удовлетворения именно «первой человеческой потребности», а питание, одежда и прочее — займут лишь небольшой процент его.

**
*

Заканчивая теоретическую часть этого очерка, подведем итоги обвинения капитализма в эксплуатации. Это обвинение не признано справедливым. «Узкой» эксплуатации нет, а «широкая» присуща любому существующему общественному строю. Главный итог же заключается в выяснении реального процесса освобождения человечества от принудительной производственной эксплуатации. Он весь — в успехах технического прогресса, в промышленном развитии страны.

Для людей, стремящихся «приблизить момент освобождения человека от эксплуатации», или «отдать свои силы и жизнь ради свободного будущего», нет другого более прямого пути, как борьба за научный и технический прогресс. И не столько своим личным участием (ведь для науки и дворники нужны), сколько своей общественной позицией научно-технического прогресса во что бы то ни стало. Своей защитой общественных условий, которые способствуют тех-

ническому развитию страны. Именно ведь в этом — нарождающееся будущее, и по нему мы должны судить себя и свое время.

И прежде всего решить наш главный вопрос: «Какой строй лучше обеспечивает технический прогресс, в каких условиях будущему легче появляться на свет?»

Капитализм или социализм?

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

С техническим развитием, как главным показателем успеха страны и народа, согласны в общем все, вне зависимости от веры и классовой принадлежности. От Ленина с его тезисом: «производительность труда есть самое главное в победе нового строя», до Гэлбрейта с его утверждением, что только крупное плановое хозяйство способно обеспечить технический рост.

Как раз по этому решающему и общепризнанному критерию до сих пор большинству из нас было ясно, что социализм не выдерживает конкуренции с капитализмом. Каждый чувствует это на собственной шкуре, особенно тот, кто имеет пагубную страсть заниматься наукой лично.

Однако, ясно на практике, непонятно в теории. Может, виноваты конкретные бюрократы, а совсем не сама система?

Конечно, положение о том, что при социализме — все принадлежит народу, и потому последний поднимает науку на небывалую высоту, не привлекает интеллигентных скептиков. Но вот положение о социализме, как самом крупном, плановом, рациональном, научно организованном и потому самом прогрессивном хозяйстве имеет среди нас большую популярность. Сегодня, после окончания космической гонки, этот тезис снова утерял свою доказательную силу, но остался в качестве теоретического лозунга на будущее: «Вот если бы социализм стал менее бюрократическим, более демократическим, лучше организованным . . . — вот тогда бы он показал свои несомненные преимущества в науке и технике».

И в укреплении этого тезиса помогает Гэлбрейт, обосновывая превосходство над капитализмом своего «нового индустриального общества», которое очень похоже на «очищенный и исправленный социализм». Правда, Гэлбрейт не

много сил тратит на доказательства технической отсталости капитализма, излагая свою позицию, как само собой разумеющуюся аксиому, — на стр. 70 своей книги:

В тех областях, где применяется наиболее сложная и передовая техника, рыночный механизм полностью замещается, а планирование становится поэтому наиболее надежным . . .

Затем он приводит мнение одного из своих противников, некоего Грея, и свои возражения:

Большой бизнес — идет только на такие нововведения, которые сулят ему увеличение прибылей и силы или же укрепление позиций на рынке . . . Истинными же новаторами были и остаются свободные предприниматели. В условиях местной дисциплины конкурентной борьбы они вынуждены вводить новшества для того, чтобы процветать и выжить. — Подобные рассуждения, грубо говоря, отражают полнейшую путаницу в умах. Размеры предприятий — это обычный спутник технического прогресса, и никакой особой связи с объемом прибыли он не имеет . . . Любой свободомыслящий человек не должен требовать, чтобы реактивные самолеты, атомные электростанции и даже современные автомобили производились в их нынешнем объеме фирмами, которые действуют в условиях немуссированных цен и неуправляемого спроса. Он должен был бы потребовать в этом случае, чтобы они вовсе не производились . . . и вообще отказаться от технического прогресса.

Вот, примерно, и все, что посчитал необходимым сообщить Гэлбрейт, укладывая эту основную аксиому в фундамент всего своего построения. Думается, что он слишком надеялся на самоочевидность своих соображений. Ниже я попытаюсь показать и в теоретическом, и в практическом смысле, что «полнейшая путаница понятий» имеет место именно у Гэлбрейта, что именно ложность данной основной аксиомы-предпосылки и обуславливает ложность всей концепции будущего планового (социалистического или «индустриального») общества.

ОРГАНИЗОВАННОСТЬ НАУКИ

Принимая форму и величину гигантских современных предприятий и лабораторий — за суть современного научно-

технического прогресса, мы впадаем в весьма распространенное заблуждение. Ведь кажется вполне естественным, что там, где делаются современные ракеты и машины, — там-то и движется мир вперед.

На деле же это не совсем так, вернее, совсем не так. Крупнейшее производство может стимулировать технический прогресс и использовать его достижения, но — лишь в очень ограниченном смысле — двигать его дальше. Для этого необходима наука. Именно наука является основной причиной и становым хребтом технического прогресса. Именно она дает новые знания и овеществляет их в первые образцы новых производительных машин. Поэтому прежде всего следует задать вопрос: а как влияют организованность и планирование вообще, и социализм в частности, на успехи науки? Недвусмысленный ответ на этот вопрос дает статья советского философа М. К. Петрова «Некоторые проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции» («Вопросы философии», № 10, 1968 г.) Как это обычно делается, статья написана в основном по американским материалам, но выводы без обиняков распространяются и на нашу науку. Прежде всего Петров ссылается на общепризнанные результаты исследований американского ученого Прайса и отмечает, что за последние 300 лет (т. е. время бурного технического и капиталистического развития) национальный доход развивающихся стран удваивался через каждые 20 лет при удвоении численности населения за 40—50 лет. Достигалось это еще более быстрым развитием науки — удвоением числа ученых и расходов на исследования каждые 10—15 лет (а после второй мировой войны — через каждые 5—7 лет). В настоящее время появилась так называемая «большая наука» — огромные научно-исследовательские институты, специальные заводы, лабораторные цехи, координационные центры, даже министерства науки . . . Но странное дело — одновременно со всем этим стоимость затрат на единицу научной продукции (открытие или статья) растет, а производительность научного труда снижается так же вдвое через каждые 10—15 лет, «т. е., примерно, в том же самом темпе, в каком растет объем научной деятельности. Таким образом, сама идея организации научной деятельности приходит в явное противоречие с результатами» (стр. 37).

Далее автор убедительно показывает, что главная при-

чина этого явления заключается в смешении методов научного творчества с методами работы поточного производства. Смещение, навязывающее науке чуждые ей формы организации. Порабощение ученого узкой тематикой организации и неизменностью ведомственного оборудования, подчинение строгой производственной дисциплине, самоторможение идей в узком кругу данного коллектива и другие «эффекты» научной организации резко снижают результативность ученых в любой стране. Вот мнение американца Фридмана: «Все типы научных коллективов появились не по требованию самих ученых, а по требованию их патронов, т. е. правительственных чиновников, дельцов, предпринимателей и вообще тех джентльменов, которые, не являясь учеными, считают, что им лучше знать, как именно должны быть организованы научные исследования. Что до патронов, ответственных за эти нововведения, то их отношение понятно. Они видят, что сотни рабочих на обувной фабрике могут производить не в сто, а в тысячу раз больше, чем один сапожник, это верно для всякого производства, от газет до сосисок». Фридман, продолжая Петров, говорит: «Перенос в науку методов массового производства дает, как известно, прямо противоположный эффект. Если сто сапожников на обувной фабрике производят не в сто, а в тысячу раз больше, чем один, т. е. производительность их труда резко возрастает, то сотня ученых научной фабрики типа НИИ... производит не в сто, а только в три с небольшим раза больше, чем один ученый: производительность научного труда, по подсчетам Прайса, падает пропорционально четвертой степени от числа сотрудников». Последнее соотношение, известное как закон Прайса, является прямым и уничтожительным ответом на все сказки о преимуществах организованности и концентрации науки. Если же к этому добавить еще специфические пороки социалистической науки, то закон Прайса будет выглядеть еще безжалостнее.

Далее Петров ясно и резко вскрывает причины этого закона: «Массовое производство и наука противостоят друг другу... Если основной метод производства... штамп, и основная задача — выдать как можно большее количество одинаковых изделий, то задача науки — выдать как можно больше совершенно непохожих идей (штамп или плагиат здесь абсолютно недопустимы), а метод науки — индивидуальное творчество человека, широко контактирующего со

всем миром». Поэтому единственной правильной формой организации науки Петров считает «невидимый колледж», где ученый работает самостоятельно и может легко связаться с любым из своих коллег. Единственно правильной формой стимуляции научной деятельности является не строгая организация, а, напротив, — развертывание свободы научных поисков и расширение контактов ученых. Не упорядочение хаоса научных идей и контактов, а, наоборот, повышение температуры этого научного варева. — Но ведь это есть «полная анархия, стихия капиталистической науки», когда каждый себе хозяин!

Правильно, так оно и есть!

Петров, ограничившись своим определением, что наука есть «упорядоченная во времени система частной деятельности», конечно, не делает столь простого и логичного, но слишком резкого вывода. Однако ничто не мешает сформулировать этот вывод нам.

Наука, как и всякое другое человеческое творчество, прежде всего требует свободы и демократии. С самого начала она меньше всего подверглась мертвящей социализации, и тем не менее сейчас больше всего нуждается в демократических нормах жизни. И потому именно ученые сегодня так широко и настойчиво включаются в демократическое движение. Это для них жизненная необходимость, ибо настоящая наука неотделима от настоящей демократии.

НАУКА И КАПИТАЛИЗМ

Конечно, закон Прайса действует в условиях капитализма, вызывая свои отрицательные эффекты. Действует, поскольку там пытаются организовать и запланировать науку, поскольку и там действуют государственно-монополистические и социалистические тенденции. Чем больше капитализм будет заорганизованным и бюрократическим, чем больше он похож на социализм, тем больше расширится и углубится действие закона Прайса, тем больше он будет загнивать и отставать в науке и технике от других конкурентов.

Сегодняшние капиталистические фирмы тоже не могут обойтись без организации НИИ и крупных лабораторий, тоже не могут дать науке полной свободы и пустить на самотек. Видимо, это осуществимо будет в далеком коммунизме.

Но сегодня, в эпоху быстрого конкурирующего роста фирм, когда научные открытия являются одним из главных преимуществ в коммерческой борьбе, фирмы не могут не вкладывать деньги в научные поиски, сознательно допуская издержки закона Прайса и вообще риск безрезультативности всех поисков. В этом отношении можно сослаться на статью С. Пейя и У. Бернетт «Новаторство против застоя», опубликованную в журнале «Америка» (июль 1970 г., № 164):

Если потребность в новаторстве в наше время стала «жизненной необходимостью» для коммерческого предприятия, то она еще не является гарантией его коммерческого успеха. Путь от открытия до окончательного внедрения опасен и труден, он полон препятствий и связан со значительным риском. На это требуются большие средства и много времени... Даже у самых крупных компаний порой не выдерживают нервы, и тогда новаторская работа гибнет на корню. В наш век быстрого технического прогресса известны случаи, когда самые компетентные работники огромных фирм энергично возражали против внедрения какого-нибудь открытия, которое впоследствии приобрело огромное практическое значение... Сколько фирм за последние годы на личном опыте убедились, что изделие, еще вчера сулившее огромный успех на рынке, сегодня оказывается вытесненным другим, более совершенным!... Фирму к разорению могут с такой же легкостью привести как оторванность от действительности ее руководителей и бюрократизм, так и ее устаревшая продукция. Поэтому молодые управляющие отказываются придерживаться закостенелой иерархической структуры, не дающей свободы действий, а в своих сотрудниках они больше всего ценят творческий образ мышления и способность создавать новые, лучшие изделия...

Капиталистические фирмы вынуждены планировать науку, мирясь с ее, в этом смысле, колоссальной непроизводительностью: по подсчетам Берта Кросса из 100 лабораторных исследований только 33 заканчиваются техническим успехом, а из них только 3 приносят коммерческий успех. (Эти цифры не означают, конечно, непроизводительности науки вообще, а только по отношению к данному заказчику, вложившему деньги в выполнение определенной, часто неправильно поставленной задачи. Однако фирмам не будет легче от сознания, что в результате поставленных на их день-

ги опытов получены решения не их, а чужих, общих научных задач.)

И все же, мирясь с неизбежными издержками от планирования науки, фирмы, конечно, стараются создать в своих организациях наилучший рабочий климат для науки и свети к минимуму эффект закона Прайса.

... Наилучший принцип руководства исследовательской деятельностью — это децентрализация и независимость. ... Злейший враг новаторства — бюрократизм, который неизбежно появляется на каждой крупной фирме и который отрывает ее от экономической реальности. При американской системе свободной конкуренции необходимо жестоко и упорно бороться с бюрократизмом, мешающим техническому прогрессу. Иначе предприятие не выдержит натиска своих конкурентов. Если на производстве всё строжайше контролируется и все требуют логического объяснения, создается целый бюрократический лабиринт, который во всякой перемене, во всякой оригинальности и изобретении видит угрозу своему существованию. В таких условиях новаторство задыхается...
(Там же.)

Можно представить, как задыхается наше «планируемое новаторство» в лице героических одиночек среди полнейшей, тотальной заорганизованности. Оно просто не живет.

Конкуренция капиталистических фирм просто заставляет постоянно распахивать окна для науки и новаторства, ибо иначе она сломает двери этой фирмы вместе со стенами. Великое преимущество капитализма — в этой спасительной жестокости конкуренции. Иначе застой. Иначе фирма «Юнайтед эркрафт» до сих пор бы выпускала только поршневые авиодвигатели, а мы — до сих пор бы катались на паровозах.

С другой стороны — только наука и новаторство позволяют мелким фирмам конкурировать с крупными и препятствовать монополизации производства и ликвидации конкуренции. Это — самоспасающее явление. Ведь обычно научное открытие — это продукт времени, носящийся в воздухе. Тот, кому посчастливится уяснить его первым, запатентовать, — становится полноправным владельцем добычи. По закону Прайса три независимых изобретателя-ученых с той же вероятностью могут сделать открытие, как и 100 ученых какой-либо крупнейшей фирмы. И вот результат — в сто

раз меньшая по капиталу фирма получает возможность потеснить на рынке своего конкурента, более сильного. Жизнь продолжается. Мне хочется привести здесь только один пример, рассказанный советским журналистом на страницах «Иностранной литературы» 1970 г. — о своей встрече с американским типичным миллионером и о его истории: способный инженер нашел интересную модификацию важного ходового товара, ушел со службы и основал новую фирму на свои личные сбережения — 300 тыс. долларов, имел успех, и сейчас эта компания выросла в разряд крупнейших, с капиталом в миллиарды долларов. И еще раз сошлемся на статью в том же журнале «Америка»:

В американской деловой жизни по-прежнему огромную роль играет индивидуальный изобретатель. Проведенные за последние годы обследования показали, что на независимых изобретателей (включая изобретателей-одиночек) и небольшие конструкторские бюро приходится очень значительный процент сделанных в XX веке открытий, намного более высокий, чем можно было ожидать от их скромных капиталовложений. Из 149 открытий в алюминиевой промышленности, например, только $\frac{1}{7}$ была сделана сотрудниками крупных компаний. То же наблюдается и в сталелитейной промышленности: из каждых 13 важных открытий семь было сделано независимыми американскими изобретателями, и 4 — европейскими...

...Безусловно, США не могут полностью зависеть от исследовательской работы мелких фирм. Для экономического и технического прогресса ее должны вести крупные предприятия, большая часть капиталовложений которых идет на *основные улучшения, а не на основные открытия*. В результате удается добиться тех крупных достижений, которые не под силу независимым изобретателям, лишенным необходимых капиталов или дорогостоящего оборудования...

В последнем абзаце ясно очерчены различия роли мелких и крупных фирм в техническом процессе. Первые рискуют своими небольшими средствами на крупный научный выигрыш. Крупные же получают достаточный выигрыш уже только за счет одного усовершенствования устоявшегося производства. Чем крупнее фирма, тем труднее ей пойти на рискованную перестройку своего производства в духе нового научно-технического открытия, тем меньше она хочет

рисковать и бороться, тем с большим желанием она удовлетворится мелкими улучшениями (в этом и состоит загнивание крупных фирм).

Когда же государство становится единой производственной фирмой (социализм), тогда эта тенденция доходит до своего логического завершения: ему не нужен никакой прогресс и никакой риск. И только военная и экономическая конкуренция соседних государств заставляет руководство такой «социалистической фирмы» идти на неудобства пересроек и работу ученых.

НАУКА И СОЦИАЛИЗМ

Совершенно случайно мне попал под руку сборник-журнал Комитета по делам изобретений и патентов при Совете министров СССР — «Патентно-лицензионная служба», № 21 и № 22 за 1970 г., в котором излагается множество интересных фактов о положении новаторства в нашей стране. В том числе и из выступлений председателя этого Комитета, тов. Мансурова. Вообще говоря, очень жаль, что у нас так мало печатаются деловые выступления ведущих руководителей. Кроме данного сборника, мне лично удалось прочитать только статью в «Правде» председателя Комитета цен при Совете министров СССР, тов. В. Ситнина, и статью главного специалиста Комитета по науке и технике при том же самом Совете министров, тов. И. Куракова («Вопросы философии», № 10, 1968 г.). Однако уже этих трех откровенных источников достаточно для освещения проблем научно-технического прогресса в нашей стране.

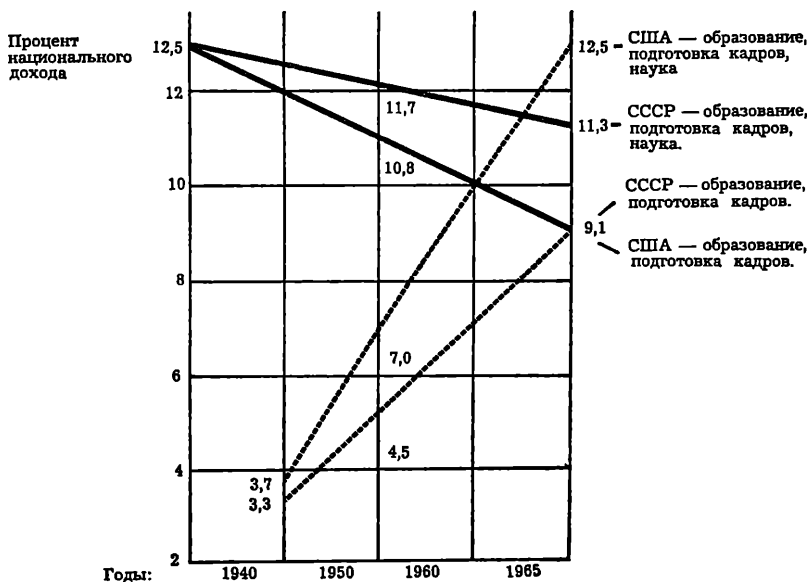
Состояние науки:

Капитализм в соревновании с социализмом начал шире использовать самое могучее средство развития общественного производства — знания и науку. В этом заключается новая особенность соревнования, обязывающая нас принять соответствующие эффективные контрмеры. В новой обстановке социализм отнюдь не утратил своих огромных преимуществ перед капитализмом. Наоборот, наши возможности в соревновании значительно увеличиваются. Мы имеем более чем двукратное преимущество в численности дипломированных инженеров, занятых в народном хозяйстве, и четырехкратное преимущество

в выпуске молодых специалистов, что позволяет в короткие сроки создать значительное превосходство в научно-технической базе народного хозяйства. Однако для этого...

(«Вопросы философии», № 10, 1968 г.)

Для этого И. Г. Кураков предлагает увеличивать расходы на науку и образование на 20% в год — хоть мы и имеем уже сейчас 2-х и 4-кратное преимущество. Но не надо забывать, что это говорит главный специалист Комитета по науке, который не может не печься о средствах отрасли своего ведомства. Правда, Кураков прав и по существу: если в 30-е годы СССР отличался широким размахом образования и науки, то сейчас отстает. Вот цифры, взятые из двух разных статей в «Правде» за 1970 г. — если в Америке на научно-технический прогресс тратится около 24 млрд. долл., то у нас — 11,2 млрд. рублей в год, т. е. в два с лишком раза меньше по официальному курсу, а если взять рыночный курс доллара (6 рублей) — то в 12 раз. А в статье И. Г. Куракова приведена еще более любопытная диаграмма, в следующем виде:

Эта диаграмма любопытна не только тем, что показано как круто «капитализм догоняет социализм» (в абсолютном выражении он всегда был впереди), но тем, что привычные для всех нас кривые развития науки и образования в СССР здесь показаны падающими вниз — пусть медленно, но верно. Это потрясающая откровенность! Правда, она маскируется немного тем, что кривые социализма только недавно стали ниже капиталистического уровня, но об этих «белых нитках» нетрудно догадаться. На следующей же странице данной статьи приведены данные о размерах национального дохода США и СССР (по данным ЮНЕСКО и ЦСУ СССР в 1965 г. они составляли соответственно 430 млрд. долларов и 203,4 млрд. рублей). Если учесть, что население США примерно на 20% меньше населения СССР, то затраты на образование одного русского окажутся в 2,5 раза меньше затрат на образование одного американца. А если вспомнить, сколько переезжает в США людей, привлеченных великолепными условиями для творческой работы, то станет понятен истинный масштаб разрыва (я уже упоминал о курсе рубля), и о перспективах сокращения этого разрыва диаграмма говорит достаточно красноречиво.

Перейдем теперь к рассмотрению более важного вопроса — к эффективности социалистической науки и ИТР в деле технического прогресса. На это лучше всего дают ответ данные Комитета по делам изобретений и патентов (упомнутые сборники Комитета).

В 1968 г. было зарегистрировано в США — 45 782 патента, в СССР — почти в два раза меньше авторских свидетельств. Не будем придираться к приравниванию нашего свидетельства к американскому патенту, хотя неравенство здесь несомненно. Даже отвлекаясь от этого, мы получаем, что на 4 советских инженера приходится столько же изобретений, сколько на одного американского. Это вполне согласуется как с меньшими расходами на образование советского инженера — в 4—5 раз, так со следующим заявлением Комитета: «В СССР одно изобретение приходится на 100 инженеров-разработчиков. Между тем, в ФРГ одно изобретение приходится на 4 разработчика, во Франции — на 6, в Англии — на 8, в США — на 18».

Сборники Комитета буквально пестрят обвинениями в

адрес научно-исследовательских институтов, вроде следующего:

НИИПТМАШ — 900 разработчиков получили за 2 года работы лишь 21 автор. свидетельств.

ЦНИМК приборостроения — 1500 разработчиков (в том числе 60 канд. науки и докторов наук) за два года работы не дали ни одного изобретения для патентования за рубежом.

Все 50 научно-исследовательских и проектных институтов Министерства черной металлургии за все время запатентовали за границей лишь 20 изобретений (3% всех заявок).

То же самое происходит во всех отраслях промышленной науки: «За 1968 г. на долю научно-исследовательских и проектных институтов и КБ, в которых сосредоточена не одна сотня тысяч разработчиков (подавляющее большинство), пришлось лишь 12% заявок и 24% всех изобретений, признанных в стране. Причем эффективность последних непрерывно падает: в 1966 г. эффект от внедрения изобретения составлял 40 тыс. руб., в 1967 г. — 33 тыс. руб., в 1968 г. — 21 тыс. руб.

Эти цифры: 12% и 24% новаторской продукции страны (всего лишь) — воочию показывают, как свирепствует в нашей стране закон Прайса, сводя на нет труд сотен тысяч высокообразованных людей. И очень показательно, что даже у нас при социализме, при полном отсутствии всех условий для успешной «частной деятельности» (даже в науке), 88% всех заявок и 76% всех изобретений выполняется именно индивидуальным, «частным» изобретателем. Именно последние двигают вперед научно-технический прогресс — даже у нас!

При этом надо учесть, что индивидуальному изобретателю гораздо труднее быть признанным, т. е. добиться признания изобретения самим Комитетом. Последний, по идее, должен быть доброй повивальной бабкой и крестным отцом всякого изобретения, но бюрократический характер искажает его природу. Красноречивое тому свидетельство появилось в «Правде» от 11. 11. 1970 г. в письме кандидата технических наук Шепетова «Изобретение и эксперт». Автор описывает множество случаев, когда эксперты многократно и необоснованно отклоняют изобретения только потому, что процедура отклонения намного более проста и удобна для них, чем

оформление признания. Так, изобретение автором станка для изготовления сеток и решеток отклонялось трижды по самым разным причинам, но было принято благодаря упорству изобретателя. А упорство это действительно феноменально. За признание изобретением электроимпульсного способа обработки металлов автор бился 21 год (с 1948 года) — и все же добился победы. Понятно, что большинство изобретателей не обладает и десятой долей такого упорства в казуистической борьбе с профессионалами, и потому так чрезмерно велик процент отклоненных заявок. Это результат спешки и бюрократизма.

Однако это все только присказки. Главное — внедрение!

Даже те изобретения, которые с таким трудом родились где-нибудь в НИИ и прошли процедуры Комитета по изобретениям, как правило не внедряются в производство и гибнут на корню. Тут не надо даже примеров — это общее правило. И вроде даже необходимого закона.

Понимание этого обстоятельства дает обсуждение работы Академии наук СССР в Комитете. Вот что заявил заместитель президента Академии:

Патентный отдел Президиума АН совместно с институтами отобрал из числа патентуемых 72 (всего лишь!) наиболее перспективных изобретения для продажи на них лицензий. Каждое из этих изобретений является крупным вкладом как в науку, так и в производство и несомненно вызвало бы интерес у иностранных фирм. Однако по тщательной проверке состояния внедрения этих изобретений в промышленность, в качестве лицензионных объектов можно было рекомендовать только 18. Но и по этим изобретениям продажа лицензий задерживается из-за медленного освоения их в производстве, которое целиком зависит от отраслевых министерств, ведомств и их предприятий.

Понятно, что ученые, которые хотят работать, а не проживать свои дни впустую, уходят в чистую науку, не связанную с внедрением нового в производство. Вот пример Сибирского института земного магнетизма, который за все время своего существования подал только 7 заявок на изобретения и получил всего лишь два авторских свидетельства. Вместе с тем, только в 1967 г. сотрудниками института сдана в печать 131 статья, а в период 1963—67 гг. сделан 41 доклад о новейших достижениях института на симпозиумах в

ФРГ, США, Англии, Югославии, Италии, Норвегии, Индии и т. д.

Вот так и получается, что огромное число ученых и инженеров страны Советов (в два раза больше, чем в США) работает на весь мир, но только не на себя. Хотя очень хотят последнего... Грязные выдумки приключенческих фильмов и романов о происках империалистических разведок по выкрадыванию научных советских секретов не идут ни в какое сравнение с социалистической действительностью, где не один-два, а большинство результатов оказывается полезным лишь для иностранных специалистов в промышленности. Недаром служащие западных патентных организаций так любят копаться в московских журналах, где «так много интересного и невнедренного»... А затем, покупая иностранное оборудование, мы спохватываемся, что идеи, в него вложенные, высказаны тем-то и тогда-то из наших ученых неудачников.

Однако — это не самый худший вариант, когда ученый приносит пользу если не стране, то миру. Большинство же ученой «серой скотинки» предпочитает тянуть свое существование верной службой, перебирая раз за разом по заданию начальства заграничные технические решения и образцы. Вот что замечает по этому поводу председатель Мансуров:

Около 70 процентов разработок продукции нельзя назвать новыми, т. к. они не защищены авторскими свидетельствами... Обязанные давать отечественной промышленности новейшие машины и оборудование, машиностроительные министерства используют только 11—20 процентов от всех внедренных в стране изобретений. А это значит, что наша промышленность продолжает оснащаться в основном морально старыми машинами и оборудованием, имеющим меньшую производительность, чем в ведущих зарубежных странах... Однако министерства выплачивают за них премии без учета технического уровня созданной «новой» техники. В частности, в 68 г. было выплачено свыше 300 млн. руб. Недостатки в разработке новых высокоэффективных машин, оборудования и приборов, неудовлетворительное состояние с их промышленным освоением и являются главными причинами отставания СССР от промышленно развитых стран в патентовании, изобретениях, торговле лицензиями и экспорте машин и оборудования...

ПРОИЗВОДСТВО

Нашему хозяйству наука и новаторство не нужны — они мешают его застойным порядкам и рутине. Сборники Комитета по изобретениям буквально «вопиют» об этом на каждой странице: не внедряют! запаздывают! медленно внедряется! и т. д.

Я приведу только одну типичную внедренческую историю, рассказанную сотрудником Комитета Сергеевым Р. П., под названием «Изобретение внедряется медленно».

11 лет назад, в 1958 г., было выдано авторское свидетельство на протез рук с активной кистью — для инвалидов без двух рук, легкий, удобный и более дешевый и надежный. Комитет выдал рекомендацию к внедрению и, наконец, в 1966 г. Институт протезирования изготовил десять протезов. Но так как изготовлены они были некачественно, то идея была опорочена и заброшена. Однако на этом автор не успокоился, лично исправил 4 протеза и на практике доказал свою правоту. Дело дошло до газеты «Известия», которая в том же году опубликовала громовое осуждение волокитства. В 1967 г. на статью отреагировало Министерство социального обеспечения, приказавшее своему заводу изготовить 30 комплектов. Однако приказ не был выполнен. В 1968 г. тот же Комитет снова устроил проверку внедрения изобретения и выяснил, что 30 комплектов были снова изготовлены некачественно, на основе чего Институт протезирования вынес отрицательное заключение о возможности эксплуатации протеза. 1968 и 1969 годы — прошли в неоднократных обращениях Комитета, направленных Министерству социального обеспечения о более тщательной проверке протезов и о внедрении, но безрезультатно: время идет, приказ министра не выполняется, «заводской Васька слушает и ест», хотя, как заключает автор, «... эти протезы с нетерпением ждут в первую очередь инвалиды Отечественной войны. Кроме того, это изобретение может быть с выгодой реализовано за рубежом».

В общем, и сверхморальные соображения помощи героическим защитникам Отечества, и сверхматериальные стимулы долларов и фунтов, и грозные приказы власти в лице комитетов и министерств — не могут разжалобить и

сломить заводских бюрократов и бракоделов с их простым и ясным: «Не хочу!»

Таких историй очень много и мы даже привыкли читать о них в центральных газетах. Но преподносятся они всегда как чудовищные исключения бюрократизма конкретного Ивана Ивановича или Петра Сидоровича. Мы даже привыкли к такой исключительности. На самом деле все гораздо проще. И в Главпротезе, и во всех других ведомствах сидят самые обычные простые люди, не злодеи и не преступники. Они искренне сочувствуют безруким инвалидам, очень тоскуют по иностранной валюте и боятся грозных приказов, но выполнить их не могут: так поставлено дело, такова экономическая система, что внедрение нового ничего хорошего или выгодного предприятию не несет, а только прямые убытки денег и нервов на всяческих перестройках. Это знают все — от директора до простого рабочего.

Уходит старая технология, привычные приемы труда, которые и дают большую выработку (план и премия). Уходят привычные и отложенные годами приспособления, машины, знание их капризов, запасы деталей . . . В общем, уходит очень многое — и не столько для дирекции, сколько для рабочих. Взамен же они получают только галочку внедрения в планах новой техники, да может еще маленькую однократную премию по новой технике. И понятно, что если директор будет твердолобым новатором, будет настаивать на внедрении нового, то он сорвет план, в конце концов будет снят за невыполнение плана. Он будет последним дураком, если согласится на внедрение чего-нибудь сложного и нового. Только под страхом снятия или под видом липы, когда внедряемое новое — на деле всем знакомое — старое, — и только премия за новую технику — новое.

То же самое с покупателями новой техники. Предприятия готовы под нажимом сверху покупать новую технику, но не использовать ее. Вот что пишет по этому поводу главный специалист по новой технике Кураков: «Некоторые колхозы и совхозы покупают излишнее количество с/х техники и машин, которые они не могут рационально использовать (это в нашем отсталом с/х?) . . . в результате чего выработка на одного человека снижается . . . Угольщики требуют сложных подземных агрегатов, которые, однако, используются только на 15—20%». А вот еще один яркий при-

мер из фельетона «Правды» — «За каучуковой формулировкой», от 11. 9. 1970 г.:

Харьковский ин-т разработал технологию получения наполнителя для каучука, вместо дорогого импортного продукта — по договору с химкомбинатом. Но, как утверждает газета —

после того, как ин-т представил заказчику искомую технологию, началась чистейшей воды алхимия. Потому, как договаривающиеся стороны после продолжительного сотрудничества вдруг договорились до того, что... видят друг друга впервые. Иными словами, вместо того, чтобы протянуть руку и сорвать спелый научный плод, работники комбината оставили его нетронутым на древе познания и заключили с институтом новый договор, которым предусматривалось, что научные изыскания будут проведены с самого начала. Вроде бы раньше ничего не было посеяно и ничего не произрастало.

Спустя год, институт предоставил комбинату научный отчет, который означал, что технология разработана заново. После этого обе стороны снова сделали вид, что видят друг друга впервые, и подписали третий договор о разработке того же самого наполнителя.

Сравнивая последнюю технологию с двумя предыдущими, комиссия специалистов пришла к выводу: они решительно не отличаются друг от друга. Иными словами, комбинат трижды платил институту за одну и ту же работу... Производство наполнителя для каучука, увязшее в многочисленных договорах и разработках, не налажено. Затратив больше 150 тыс. руб. на научные изыскания, комбинат не вернул себе ни единой копейки... Зато директор комбината, заключая очередной договор на давно исполненную разработку, мог сохранить видимость, что шагает по магистральной дороге века...

В общем, все были довольны — и комбинат и институт. И не одни они. Там же отмечалось, что в подобном состоянии находится только на химических заводах Украины 50 научных разработок. И тут такая случайность. Что же дало это неприятное вмешательство грозного народного контроля? — Да ничего. Только следующий приказ директора института: «Принимая во внимание, что начальник сектора кремнеземистых соединений... в сравнительно короткий срок решил важную научно-техническую задачу, объявить ему строгий выговор!»

Вот это да! Коротко и ясно! И, видимо, только такая об-

наженность мысли и откровенность побуждений и вызвала фельетон «Правды».

Конечно, трудности внедрения омрачают жизнь и капиталистических предприятий, но там они умеют выкручиваться, ибо отставание — означает простую гибель фирмы — для администрации, и безработицу — для рабочих, а успех нового внедрения — дает небывалое преимущество, карьеру и деньги. Но мучения все же есть, и потому, если фирма крупная и крепко стоит на рынке, то она постарается обойтись без крупных нововведений (что упускает из вида Гэлбрейт).

Завершая рассмотрение технического прогресса в социалистическом производстве, мне хочется еще отметить пагубное влияние самой марксистской теории трудовой стоимости, по которой применение новых машин не может дать новой стоимости — только облегчение труда и увеличение производительной силы труда. Поэтому внедрение новой техники не дает никакого денежного эффекта, а повышением производительности труда считается даже применение очень дорогих и неэкономичных машин. Это считается социалистическим гуманизмом в сравнении с буржуазной бессердечностью, которая допускает к эксплуатации только экономически выгодные машины!

Переход от погрузочно-разгрузочных работ вручную к выполнению этих работ с помощью крана «ДИП» или «Пионер» снижает трудоемкость работы на 43 процента, но ведет к повышению себестоимости работ на 24 процента . . .

. . . К сожалению, в нашей статистической практике, вопреки этой азбуке, и донныне еще господствует требование в учете производительности труда считаться только с затратами живого труда, совершенно не учитывая ни экономии, ни перерасходов в издержках труда прошлого (на создание машин). А производительность труда, как известно, — самое главное. И при такой трактовке этого понятия статистиками и экономистами немудрено и инженерам заблудиться в своих расчетах. Подсчитав, что, скажем, производительность марки «ДИП» повышает производительность труда грузчиков на целых 43 процента, они скорее спешат внедрить ее в производство, как одно из пионерных орудий технического прогресса. Кстати сказать, марка «ДИП» расшифровывается «лозунгом» «Догнать и перегнать».

Но делая при этом заведомо лишь шаг вперед и два назад, такие пионеры технического прогресса никогда никого не догонят.

(Струмилин, Соч., т. 4, стр. 800.)

О КОСМИЧЕСКОЙ ГОНКЕ

Читая все вышеизложенное, иной читатель может усомниться: уж очень мрачно все обрисовано! Непонятно, как мы вообще развиваемся и догоняем Запад. Ведь страна пережила неслыханные для других испытания войны и разрухи, и стала первой космической державой.

Я готов согласиться, что подобное недоумение продиктовано очень естественным и благородным чувством боли за свою страну, чувством причастности, не терпящим фальши и напраслины. Понимаю людей, которые лишь с трудом выносят большие дозы критики, даже справедливой критики. Сам сумел преодолеть это и пройти весь путь «критиканства» лишь за 10—15 лет. Прекрасно помню свое праведное негодование против бюрократов, с одной стороны, и фарцовщиков — с другой. Помню свое недоумение перед хорошими людьми, которые не ужасались мерзостями капитализма. И помню свою твердую веру в то, что, несмотря на все «извращения» — лучше социализма ничего быть не может на сегодняшней земле.

Избавиться от таких кардинальных иллюзий сразу невозможно, и потому заранее знаю, что согласятся со мной только те немногие, кто и сам уже много продумал и пришел к аналогичным выводам и убеждениям. Те же, кому эта книга может быть полезна, сразу со мной не согласятся. Ни за что! Ну что же — пусть спорят, пусть думают и даже молчат.

Мне показалось необходимым это сказать, прежде чем перейти к болезненной теме нашей технической зависимости от Запада и нашего полуколониального положения. И, конечно, разобрать основательность двух расхожих аргументов официальной пропаганды о причинах наших успехов и неудач.

Первый аргумент — о разрушениях Отечественной войны, как главной причине сегодняшнего отставания.

Правда, известно, что многие европейские страны были

разрушены много сильнее. Например, ФРГ потеряла половину всех своих зданий и почти все промышленное оборудование (разрушенное и вывезенное). И тем не менее, достигнутый уровень развития ФРГ и темп ее развития на много превьщает наши. И еще сошлюсь на мнение того же академика Струмилина, который в годы войны был одним из ведущих наших экономистов:

Проблема восстановления народного хозяйства после войны в странах, подобных Польше, Франции и мн. др., где разрушения были особенно широки и глубоки, а внутренние ресурсы крайне ослаблены, она стояла прежде всего как проблема о займах и помощи извне... В особом положении находится СССР. Ему не было нужды решать столь затруднительных головоломок. Разрушение в нем коснулось только одной сравнительно ограниченной полосы, где побывали фашисты. Вся остальная страна, несмотря на военное напряжение, продолжала наращивать свои производительные силы даже в годы войны и становилась сильнее прежнего, смогла даже и сама после капитуляции врага обратить достаточные внутренние ресурсы на восстановление разрушенных своих окраин. В промышленности уже в 1948 г. было выработано 118 процентов от 1940 г., а в 1944 г. (т. е. в годы войны) — 102 процента.

(Там же.)

Второй аргумент — наше первенство в космической гонке.

В этой связи мне хочется рассказать вкратце, как эта эпопея представляется людям на Западе (конечно, это только мое мнение).

В 1956 г. Международный геофизический год. США объявили о своем намерении в ближайшее время (год-два) осуществить важный научный эксперимент — запуск искусственного спутника Земли. Тема была чисто научной и технической (ибо прежде всего требовала резкого увеличения в мощности ракет), интересовала прежде всего специалистов-астрономов и ракетчиков, а в широкой печати об этом появились лишь небольшие отклики. Интерес публики и руководства страны к объявленной программе был явно невелик, а отношение — прохладное. Эксперимент, так эксперимент: не лучше и не хуже других... Судить об этом можно хотя бы по известному факту: руководитель программы фон Браун пытался выпросить у президента Эйзенхауэра средства на ускоре-

ние программы и запустить спутник уже в конце 1956 г., на год раньше, но у президента были более важные дела, чем ускорение каких-то экспериментов.

В это время, совпавшее с эпохой некоторой либерализации в СССР, известному в 30-х годах инженеру-ракетчику С. П. Королеву, сравнительно недавно вышедшему из многолетнего заключения (говорят, что на новосибирском тюремном предприятии он был известен как технолог по кличке «Сережка — косой кумпол»), удалось встретиться с Н. С. Хрущевым. Такая встреча — уже сама по себе была редкой удачей, но, что важнее, — Королеву удалось заинтересовать «Коммуниста № 1» своим проектом и этим «начать космическую эру человечества»,

Несмотря на все свое невежество и авантюризм (а может, благодаря им), Хрущев обладал большой падкостью на новые проекты (вспомним хотя бы кукурузу) и отличным нюхом на их пропагандистское значение. Надо отдать ему должное — в случае с Королевым Хрущев проявил гениальную интуицию пропагандиста.

Он сделал ставку на бывшего зека — дал ему под начало один подмосковный завод — и не прогадал. Не социализм явился лучшей стартовой площадкой, а индивидуальный талант бывшего зека и смелый риск «большого хозяина». Мы все помним, что первое сообщение о первом спутнике Земли было очень скромным и незаметным даже в центральных газетах. Но постепенно пропагандистская шумиха разворачивалась все величественнее (наверное, своего апогея она достигла, когда Хрущев дарил Эйзенхауэру лунные вымпелы: «Знай Кузькину мать»).

Речь уже шла не об интересном научном эксперименте, а о начале космической эры, о несомненном техническом и научном лидерстве СССР, о потрясающем отстаивании капитализма (США — на 5 и более лет) и т. п. Поистине, в организации этого пропагандистского превращения одного случайного научного достижения в главный критерий сравнения капитализма и социализма, Хрущев проявил даже больше таланта и искусства, чем Королев на своем заводе, где «из ничего клепал» космические ракеты.

Ему не стало легче и после первого триумфа. Шумиха Хрущева подействовала на нервы американских обывателей и, следовательно, избирателей, и, следовательно, политиков, и заставила страну принять вызов в «космической гонке». Теперь американским правительством бы-

ли предоставлены значительные средства — уже не на «научные эксперименты», а на «космическую программу страны».

В этой гонке на нашей стороне было только некоторое время и талант Королева и его сотрудников, на стороне же американцев — все остальные козыри, вроде передовой науки, умеющей работать с новыми заказами промышленности и т. д. Конечно, теперь к услугам Королева была вся промышленность Союза, но многое ли она могла? Основной проект Королева — корабль «Союз», с которого он и собирался начать программу, — не мог быть выполнен из-за неумения нашей металлургии дать нужный сплав металла (известный еще в фашистской Германии). Королев не мог и мечтать об идеальном топливе космических ракет — водород-кислород, хотя знал, что американцы намереваются использовать его в лунных кораблях «Аполлон». Ибо научиться работать с огромными количествами жидкого водорода и кислорода могла только технологически передовая индустрия. Знаменитая же шумиха о секретном русском топливе оказалась очередным изданием андерсеновской сказки о големом короле: использовались обыкновенные жидкостные ракетные двигатели с топливом типа керосина с азотистым окислителем. Соединенные Королевым в связки, они поднимали в космос сначала 80 кг, потом сотни кг с Лайкой, затем тонны с Гагариным. Все решила гениальная интуиция Королева, его умение найти правильный вид соединения стандартных ракетных двигателей.

Но требования к Королеву все росли и росли. Он как бы вызвал пропагандистский дух, который теперь требовал все новых и новых «космических свершений». Бросив США вызов в этой узкой области научно-технического прогресса, Хрущев теперь не хотел уступать и требовал опережения по всем основным пунктам американской космической программы (благо, последняя не скрывалась от мира). Уже посылка в космос Гагарина — не на «Союзе», а на «Востоке» — была вынужденным техническим решением. Но дальше — больше. Ослушание приказаний «Верховного пропагандиста» грозило бывшему зеку опалой и гибелью дела всей жизни. И он шел на технические авантюры. Верхом этой авантюристности в космосе был полет в космосе наших трех космонавтов — в тесном, одноместном «Востоке», где было убрано все лишнее, с огромным трудом размещены уменьшенные кресла и посажены трое — без скафанд-

ров, без нормальной защиты — просто на русское «авось».

Каждое из этих «достижений» наша пропаганда возносила до небес, позорно замалчивая или даже высмеивая неспешные, но истинные успехи американцев: спутники, насыщенные легкой и сложной аппаратурой; метеорологические спутники, наблюдатели-спутники, спутники-связи; освоение мощных двигателей типа ракеты «Сатурн», снимки Марса и Луны, стыковка кораблей в космосе и многое другое.

Однако сколько веревочке ни виться, конец все равно придет. Пришел конец и нашей демагогии. На осуществление действительной фантастики — полета перелетом о гуманной и полезной роли автоматов в космосе. Как будто не американцы первыми начали делать упор именно на полезную работу спутников, и как будто не мы неоднократно рисковали жизнями своих космонавтов. Как будто не у нас была первая и, слава Богу, пока единственная смерть в космосе.

Прошло уже 2 года после памятного полета «Аполлона-8». Всем надеждам на то, что «наши» поднажмут и снова «переплунут» американцев — пришел конец. Голая правда о неспособности нашего хозяйства конкурировать даже в избранном направлении технического прогресса — вылезла наружу. Умер бывший зек. Его дело переходит в руки уже не бывших зеков, а делег от науки — и, естественно, хиреет на корню.

Знаменитый лозунг «Перегоним Америку» уже не ставится, всем стала ясна его бессмысленность. Гонка безнадежно проиграна — и вот деловые американцы уже урезают средства на своей «космической программе», и она медленно, но верно снова входит в русло обычных «научно-технических экспериментов», интересных только для специалистов.

Но весь мир теперь знает, что если СССР снова попытается «обогнать» Америку в каком-либо направлении технического прогресса, то он снова будет бит: выражаясь языком Хрущева.

Такова история космической гонки СССР—США — с западной точки зрения. Но такова же, на мой взгляд, и горькая правда.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Не секрет, что послевоенный период мирового развития характерен особым видом колониализма (его можно назвать технологическим колониализмом), так, напр., Англия, Франция, Япония и прочие смогли развить свою экономику преимущественно путем закупки научно-технических достижений в США, что, естественно, вело к экономическому привязыванию этих стран к США.

(Кураков И. Г., «Вопросы философии», № 10, 1968 г.)

Мы уже обрисовали, какое непобедимое отвращение имеет любое социалистическое предприятие к техническому прогрессу. Даже сверху ломать это упрямство очень трудно. И все же, если мы и движемся технически вперед, — то благодаря только работе партии и правительства. Сейчас я вкладываю в эту юмористическую фразу вполне серьезный смысл: только благодаря волевому понуканию со стороны ЦК и Совмина, осуществляются промышленные перестройки и повышается производительность труда. Почему же это верхнее звено социалистической иерархии проявляет такую бешеную активность в сравнении с инертностью всех остальных звеньев? Почему его поведение столь отлично от других? — Конечно, это понятно — благодаря конкуренции капиталистического окружения.

Руководство страны уже не имеет над собой всезнающего и за все отвечающего начальства, зато оно имеет рядом с собой расторопных и наглых в своей самостоятельности конкурентов — капиталистические государства. Уступить им в экономике, значит уступить в военной подготовке, значит поставить под удар свои методы господства и свое будущее. Вот почему «догнать и перегнать» — наиболее популярный экономический лозунг. Весь наш технический прогресс посвящен выполнению этой сверхзадачи, этого концентрированного выражения капиталистической конкуренции.

И в то же время вся история этого лозунга — история поражений. Если в 30-х годах рост национального дохода страны доходил до 15—16 процентов, то сейчас он снизился

до 5,5—6,6 процентов. В то время, как в США в 60-е годы рост национального дохода составил 4,5 процента против 2,5 процентов в предыдущие годы (данные Куракова И. Г.) *

Пользуясь знаменитой аналогией академика Сахарова, приравнявшего США и СССР к двум лыжникам, один из которых пытается догнать другого по проложенной перво-лыжне, можно представить, что скоро наступит момент, когда разрыв между лыжниками стабилизируется в определенное отставание. Можно сказать, что именно наше время определяет величину постоянного отставания советского лыжника. В последнем письме к руководству страны академик Сахаров и другие уже прямо констатируют это явление, говоря, что сокращение «дистанции» грозит перейти в ее увеличение.

Причина этого неизбежного явления кроется в сравнительной индустриальной развитости страны. Легко было «догнать» патриархальной России 30-х годов нашего века, или еще лучше и быстрее — в 90-х годах прошлого века, когда каждый построенный с иностранной помощью крупный завод увеличивал производство чуть ли не в несколько раз. И даже при низкой организации и культуре труда, при феодальных и социалистических пережитках и т. д. Но когда промышленное производство нашей страны достигло уже 60% от американского уровня, то тут больших процентов роста — только постройкой новейших заводов — не нагонишь: они могут устаревать еще в период стройки. Интенсификацией труда и низкой зарплатой — большого увеличения производительности труда не добьешься, огром-

---

* Однако, приведя эти данные, Кураков добавляет на следующей стр.: «Социализм не утратил своих преимуществ также в области использования рабочей силы и роста нац. дохода. Отсутствие в нашей стране безработицы и обобществление средств производства позволяют выделять на развитие производства на 9—10% больше национального дохода, чем в передовых капиталистических странах, а это, при прочих равных условиях, повышает темп роста национального дохода минимум на 4—5 процентов». Следовательно, если учесть, что большая степень использования рабочей силы, т. е. эксплуатации нашего населения, позволяет взять из его национального дохода лишние 9—10% и обеспечить дополнительный рост на 4—5%, то на сам технический прогресс останется только 6,6 — 4,5 = 2,1% вместо 4,5 в Америке!

ными природными богатствами все дыры материального снабжения не заткнешь, отсутствие внедряемой науки — приказами не заменишь.

Естественные пороки становятся непреодолимыми.

В этих условиях хронического отставания руководство, не желающее отказаться от социализма (т. е. от своего самодержавия), с одной стороны, идет на робкие экономические реформы (не достигающие своей цели в силу своей половинчатости), — а с другой стороны — на более широкое использование научно-технического опыта западноевропейских стран (что, впрочем, тоже не достигает своей цели).

Само по себе сотрудничество экономически развитых стран, даже в виде технологического сотрудничества, как его определил Кураков — вещь хорошая! Западные страны все больше понимают это и успешно избавляются от ложно понимаемого экономического патриотизма. И потому растут на американском техническом опыте, как на дрожжах, Япония, ФРГ, Бельгия, Италия — мало ли тому примеров. Вне зависимости от своего отношения к морали или политике США, сотрудничество с ними — выгодно. И не только для каждой конкретной страны, но и для всего человечества в целом. Ибо со своей мощной индустрией, географическими и геологическими богатствами, и особенно — с предприимчивым и высококвалифицированным населением и учеными со всего света — США представляют собой идеальное опытное поле, экспериментальную лабораторию и мастерскую для производственного развития знаний всего человечества. Это подлинное благо для остальных маленьких, но высокоразвитых стран с их узкой производственной базой.

И вот к этому ряду «пользующихся стран» пристраивается и СССР. Начиная с 1965 г. — это последовательный и ясно различимый курс правительства. Добывание иностранной валюты любыми способами, особое внимание экспорту всего, что возможно, особенно уникальных природных богатств, вроде пушнины, минералов, леса, рыбы и т. д., — все это делается ради убыстрения технического прогресса. Ведь если разработка проекта крупного предприятия своими силами осуществляется в 8—10 лет, то внедрение лицензионного объекта по всем мировым стандартам осуществляется не более, чем в 1,5—2 года. По тем же мировым стандартам общепризнано, что производство продукции по лицензиям уда-

ется наладить на 13—14 месяцев раньше, чем собственными силами, при этом достигается: экономия средств — 50—70 процентов, качество получаемого продукта составляет 93—95 процентов от идеального образца, вместо 70—80 процентов, если осваивать производство продукта своими силами.

В общем, все экономические доводы — за! Так в добрый час! Счастливого пути, на котором у страны с такими богатствами и населением есть все шансы самому занять место учителя.

Но вот вам первый минус: из-за политических соображений технология перенимается не у самой Америки, а лишь у ее технических сателлитов — западноевропейских стран. Уже здесь кроется большая потеря времени, т. е. прямое отставание от США. Но это еще полбеды. Главное — чтокупаемый на полноценную валюту и золото зарубежный опыт и оборудование внедряются в социалистическую промышленность почти с таким же скрипом, как и собственная наука.

Даже когда на нашу почву переносят целиком весь производственный механизм, вроде автомобильного гиганта ФИАТ-ВАЗ, где все отлажено итальянским опытом и должно работать как часы, — эти часы неизбежно будут ломаться и портиться хотя бы из-за некачественной работы смежников. С ВАЗ'ом это происходит уже сегодня — достаточно почитать «Правду». Оказывается, промышленность не может дать нужных качественных пластмасс, резины, металла, труб и многого другого. Теперь становится понятно — чтобы получить у нас автомобили ВАЗ'а такой же низкой стоимости и высокого качества, как автомобили ФИАТ, необходимо реконструировать и отладить *всю промышленность*. Что невозможно. Сейчас ВАЗ пытается переделать под себя всю промышленность, но постепенно, в условиях своей (вернее, общей) монопольности и острodefицитности своей продукции, он будет мириться с ее плохим качеством и, соответственно, плохим качеством деталей своих смежников. Советские же граждане несомненно смиряются с плохим качеством дорогих автомобилей. Что же касается зарубежного покупателя, на которого и рассчитан в основном 600-тысячный выпуск автомобиля ВАЗ'а (ибо, при отсутствии в стране дорог и станций обслуживания, а массовом автомобиле и говорить не приходится), то даже снижение цен на 15—

20 процентов в сравнении с мировыми ценами — вряд ли заставит его купить этот итальянский плод в социалистическом исполнении.

ВАЗ находится под непосредственным контролем самых-самых верховных руководителей. Что же касается более рядовых закупок иностранного опыта, то промышленность расправляется с ними не менее решительно, чем с отечественной наукой.

Во-первых, просто отказывается от покупки каких-либо выгодных лицензий. «Не треба!» Если, например, западные страны закупают для себя в год несколько сотен лицензий, то в огромной стране Советов — до 1966 г. было куплено только 7 лицензий, в 1966—1970 гг. — только 29. Таким отраслям, как станкостроение, приборостроение, средства автоматизации, электротехника, с/х машиностроение, химическое и нефтяное машиностроение и т. д., — вообще удалось избежать пагубного беспокойства от зарубежных закупок.

Если же сверху все-таки заставляли тратить валюту на технический прогресс, то ведомства и предприятия стремятся истратить ее прежде всего на покупку машин, которые можно где-нибудь установить и использовать дедовским способом без особых перестроек. А еще лучше — покупать год за годом за валюту устоявшиеся знакомые типы машин: и нам нехлопотно, и капиталистам выгодно устаревшую продукцию сбывать (говорят, в Японии продолжают выпускать паровозы для экспорта).

И наконец, если от покупки неприятной лицензии на ценную технологическую документацию отвертеться невозможно, то остается последнее испытанное средство: безбожно затянуть ее внедрение, несмотря на всю иностранную помощь. И после этого появляются очередные сентенции правительственного «Повара» (Комитета по делам изобретений), выговаривающего заводским «Васькам» за медленное освоение лицензий, за задержки на 3—3,5 года и т. д.

Ни предоставление ГК или Советом министров возможности изучить современное положение промышленности в Англии, Франции, Японии и других странах, ни многочисленные поездки представителей министров за границу не привели пока к желаемому обмену идеями на паритетных началах. Зато представители иностранных фирм пользуются такими же возможностями гораздо эффективнее...

Еще печальнее обстоит дело с практикой продажи наших лицензий за границу, без чего, конечно, не мыслится нормальная научно-техническая деятельность страны: ведь именно возможность оплатить приобретенную технологию встречными поставками технологии сокращает затраты валюты и позволяет вести обмен действительно на уровне современного опыта.

Сошлемся снова на сборник Комитета по изобретениям:

Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с продажей советских лицензий за границу. По суммам валютных поступлений Советский Союз намного отстает от промышленно развитых стран. Министерства не предлагают лицензии на продажу и планируют получение в 1970 г. исключительно низких валютных поступлений от продажи лицензий. Так Мин-во станкостроения — всего 97 тыс. руб. (патентует за границей 15 изобретений), приборостроение — 50 тыс. руб., а с/х машиностроение, энергетика, строительство — вообще ничего не планируют... В результате в 1968 г. было заключено только 17 лицензионных соглашений, из них только 9 — по машиностроению...

Однако даже заключение лицензионного соглашения еще не означает поступления денег. Так «Мин-во станкостроения заключило в 1968 г. пока единственное лицензионное соглашение с французской фирмой». «Однако, поскольку в течение нескольких лет не было произведено никаких усовершенствований изобретения, фирма потеряла к нему какой-либо интерес».

А вот выписка из обсуждения причин снижения вдвое валютных поступлений от Мин-ва черной металлургии:

В последнее время основные темы: «Установка непрерывной разливки металла» и «Доменные печи» встречают серьезную конкуренцию. На рынке предпочтение стали отдавать установкам радикального типа, так как они имеют более высокие скорости разливки и прокатки. Для того, чтобы вернуть популярность установкам вертикального типа, необходимо ускорить их усовершенствование, особенно в отношении увеличения скорости разливки. По теме «Доменные печи» был заключен ряд выгодных соглашений. Однако оказалось, что наш лицензиат — японская фирма «Фуджи» — справился со строительством объекта и с ведением самого процесса лучше лицензиата. Для поддержания конкурентоспособ-

ности этой темы, необходимо совершенствовать конструкцию домен большого диаметра, опережая поиски японской фирмы в этом направлении.

Приведенные примеры достаточно наглядно показывают не просто наши научно-технические провалы, а ту социалистическую яму, в которой сидит наука и техника страны, и из которой никакими редкими удачами и находками выбраться невозможно.

Приведем еще одну цитату из нашего откровенного сборника:

Экспорт машин в стране достигает лишь 21% всего объема экспорта. В мировом же экспорте машин и оборудования советский экспорт составляет около 3,5% (хотя наше производство составляет свыше 21% от объема мирового производства). При этом наибольшая часть советского экспорта машин и оборудования приходится на комплектные поставки в социалистические страны и развивающиеся страны... (т. е. в виде политических подарков и помощи — К. Б.)

Фактически — это признание полной неконкурентности нашей промышленности, это признание аграрного и сырьевого характера нашего экспорта (на 79%) и, следовательно, характера участия в мировом производстве. Это признание нашей слабости и полуколониальной зависимости от передовой техники Запада.

В сборнике № 22 помещены ответы правительств ряда западноевропейских стран и социалистических стран Восточной Европы на анкету Европейской экономической комиссии о перспективах технологического кооперирования между Востоком и Западом, его достоинствах и недостатках.

Социалистические страны (Польша, Венгрия, Болгария и др.) жаловались на высокие пошлины на свои товары и ограничение в торговле (из-за мощной конкуренции), но нас интересует больше мнение западных партнеров о нас:

Австрия: «Австрийские предприятия заинтересованы в расширении экспорта и создании стабильных рынков, их партнеры из социалистических стран — в получении технологии и расширении экспорта на твердую валюту!»
Бельгия: «Преимущества для бельгийских фирм заключаются в расширении их экспорта, трудности — в том, что более низкие цены на части, поставляемые из соц-стран, съедаются высокими транспортными расходами, переговоры о заключении соглашений очень длительны:

приходится тщательно контролировать качество получаемых из социалистических стран технологий и частей; труден процесс увязки кооперированных поставок и планов предприятий в социалистических странах. Многие предприятия не откликаются на предложения наладить кооперирование».

Англия: «Трудности в том, что опыт еще невелик, трудно установить контакт с непосредственным партнером — промышленным предприятием. Наконец, партнеры из социалистических стран часто настаивают на оплате получаемой технологии встречными поставками продукции, а не в денежной форме, в чем британские фирмы не всегда заинтересованы».

ФРГ: «Трудностей много, так как нет достаточного опыта, переговоры обычно длительны... качество получаемых узлов и частей не всегда соответствует требованиям».

Нидерланды: «Фирмы в принципе относятся к кооперированию с интересом, предпочитая, однако, его простейшие формы...»

Вот вам беспристрастное и вежливое мнение людей Европы о социалистическом производстве: не умеют работать надежно и качественно, не умеют вести дело рационально и быстро, не умеют разрабатывать и продавать свою технологию, любят навязывать всем свою скверную продукцию, хотя бы и за низкие цены, могут дать ценное сырье.

Наши деловые связи с Западом возрастают, но какой ценой? От нас к ним идет на 80% сырье, а от них — машины и технология: самые обычные колониальные связи, именуемые в марксистской литературе *вывозом капитала*.

Я думаю, в этом отношении будет любопытно привести пример обсуждения этого вопроса в обычном кружке политпросвещения (тема: глава о вывозе капитала в ленинской работе «Империализм как высшая стадия капитализма»).

Вопрос к пропагандисту: «Являются ли наши стройки и займы в отсталых странах — вывозом нашего капитала?»

Ответ одного из участников: «Нет, мы просто им помогаем, хотя бы и за проценты даже — но ведь не из-за своей выгоды, а ради дружбы...»

Ответ пропагандиста: «Вопрос задан сложный. Раньше мы, например, не признавали прибыль, теперь признали. Может, в будущем и наши займы будут называться вывозом капитала. Но теперь не принято так называть нашу помощь, тем

более, что, действительно, мы преследуем только интересы дружбы и помощи. Конечно, мы помогаем не безвозмездно, и вот даже Китай недавно (1969 г.) выплатил нам до конца свои 80 млрд. рублей».

Второй вопрос: «Являются ли представленные нам займы от ФИАТ — на строительство автозавода и фирмами ФРГ — на строительство газопровода 'Северное сияние' из Тюмени — вывозом капитала в СССР?»

Ответ одного участника: «Нет, это просто взаимовыгодная сделка. Ведь это не может быть эксплуатацией, потому что нам эти займы выгоднее, чем строить самим».

Ответ другого участника: «Нет, потому что они не получают от этого никакой особенной выгоды. Как те иностранные фирмы, которые продают нам нейлоновые рубашки за копейки, а мы продаем в магазинах по 20 руб., забирая разницу в государство...»

Контрвопрос: «Неясны объективные критерии того, что считать вывозом капитала. Ведь в торговле официально все считается взаимовыгодными сделками: и для того, кто дает капитал, и для того, кто этот капитал получает. И как же различать займы капиталистических фирм — допустим, в Индию — это вывоз капитала, а в соцстраны — нет, просто выгодная экономическая связь?»

Ответ пропагандиста: «Несомненно, с точки зрения капиталистов все равно, куда вкладываются деньги, с их точки зрения займы Советскому Союзу являются вывозом капитала, но...»

Несомненно, связи с западными странами приносят определенный экономический эффект. Но выигрываем ли мы в своем техническом развитии — в более широком, историческом плане? Т. е. ведет ли это сотрудничество в будущем к нашей технической самостоятельности и прогрессу? — Вопрос этот не так прост, как может показаться сначала, и мне трудно ответить на него утвердительно.

Те, кто работал в промышленности, знают, с каким остервенением доводят контролеры экспортную продукцию до блеска неимоверной массой ручного труда — и для чего? — Чтобы продать где-то на 18—20% ниже своей нормальной цены. Разве нельзя это назвать неэквивалентным обменом, или еще хлеще: колониальным грабежом?

Те, кто бывал в Сибири или на Севере, знают, как свире-

по охраняют охотничьи и рыбнадзорные охранители пушнину и красную рыбу с ее черной икрой, предназначенных идти исключительно лишь на экспорт. Разве нельзя назвать этих служителей на деле наемниками западного капитала, стерегущими экспортные уголья, как самую неприкосновенную западную собственность?

Те, кто работает в нашей науке, знают насколько въелась в нас (и в наше начальство) традиция и привычка не доверять собственным решениям и следовать зарубежным решениям, как экономически надежно апробированным (апробированным на рынке). Что это — как не потеря всякой надежды на первенство в конкуренции, как не признание в душе нашей вечной научной и технической второстепенности? Что это, как не питательная среда для раздумий о национальных особенностях русского народа — раздумий, которые так легко могут привести к расистским заблуждениям. Хотя, ей же Богу, виноват здесь не национальный, а социальный характер.

Я думаю, что все это — правда.

Правда! Хотя руководство страны субъективно желает совсем иного: всемирного развития производства, укрепления независимости страны, улучшения благосостояния народа. Но на деле оно не знает, что творит . . .

Стоит ко всем этим пожеланиям присоединить тезис типа: «Социализм — превыше всего!», — и субъективно хорошие желания превращаются в свою противоположность при их исполнении. Наши руководители — такие же люди, как и мы с вами, и их вина — одновременно и их беда. Беда непонимания.

Желая добиться технической независимости любыми средствами, они увязают в погоне за иностранной валютой. Бросая все средства на рост производства, на технический прогресс, мобилизуя все силы и деньги, они доводят страну до чрезвычайно низкого уровня производительности труда, тормозят развитие науки и техники. Желая помочь трудящимся в повышении их уровня жизни, руководство создает в стране один из самых низких в развитых странах уровней жизни.

Поистине все выскальзывает у них из рук.

Подведем итоги.

Ленин писал о монополиях, что они технически «загни-

вают» и стараются избежать научного прогресса. И он был прав!

Потом он говорил, что социализм — это государственная монополия («обращенная на пользу народа»). И это (без скобок) тоже правда.

Не Ленин — сама жизнь соединила эти две ленинские правды в одну: — социализм — эта «высшая» стадия монопольного хозяйства — есть и высшая стадия технического загнивания. И если бы социализм стал действительно абсолютным, обратя в свою веру все страны без исключения, то столь же абсолютным и полным стало бы и техническое загнивание. Т. е., собственно, уже не стало бы технического прогресса в царстве всеобщего порядка и устойчивости. Все застыло бы на одном уровне.

Наверное, Гэлбрейту не таким представляется его будущее новое индустриальное общество. Однако сейчас мы судим не его представления, а выдвинутую им модель общества. Она основана на тех же критериях, что и социализм. И потому судьба социализма — и его судьба. В самом главном — в техническом освобождении от эксплуатации человека — социализм проявляет свое явное отставание, свою тормозящую роль. И уже по одному этому является негуманной общественной системой.

ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА. ГОСПОДСТВО КАПИТАЛА. ЗАСИЛЬЕ МОНОПОЛИЙ

... Человеческим искусством создан тот великий *Левиафан*, который называется государством, и который является лишь *искусственным человеком*, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан! В этом Левиафане *верховная власть*, дающая жизнь и движение всему телу, является искусственной душой; магистрат и другие представители судебной и исполнительной власти являются его искусственными *суставами, награды и наказания* (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к сидалищу верховной власти и побуждаются исполнять свои обязанности) представляют собой *нервы*, выполняющие такие же функции в *естественном теле*; благосостояние и богатство всех частных членов представляют себе его *силу*; *безопасность народа* — его занятия; *советники*, внушающие ему все то, что необходимо ему знать, представляют собою *память*; справедливость (законы) представляют собою искусственный *разум и волю*; *гражданский мир* — *здоровье, смута* — *болезнь*; и *гражданская война* — *смерть*.

(Гоббс, Левиафан, 1657. Упомянуто Винером в его «Кибернетике».)

Второе страшное обвинение против капитализма — это «власть денег», «презренного металла», «Желтого дьявола», Его Величества Капитала, Молоха.

«Грязная страсть к наживе убивает в человеке все святое, все естественные чувства, человеческую красоту и мораль, заменяя все это — дешевым расчетом и жадной только денег — ради денег!»

Такие обвинения родились еще на заре цивилизации, с

развитием промышленного капитала стали крепко битым предрассудком. Статья «рабом капитализма» — кажется ужасным, низменным, постыдным, бездушным и т. д. И, конечно же, власть денег никак не вписывается в светлые идеалы нашей романтической интеллигенции, согласной только на полную свободу и гармонию, и не меньше.

Немало места этой теме — власти монополий над людьми — посвятил в своей книге и Гэлбрейт. Он подробно описал механизм контроля корпораций над людьми, вроде рекламы и государственной пропаганды, и даже основной задачей своей книги определил следующее:

Я прихожу к выводу, который, я надеюсь, будет признан обоснованным, что в наших мыслях и действиях мы становимся слугами той машины, которую мы создали для того, чтобы она служила нам. Во многих отношениях такое порабощение вполне устраивает нас: на того, кто предложил бы избавиться от него, некоторые смотрели бы с удивлением и, может быть, даже с возмущением... Некоторые же с этим порабощением так и не примирились. Задача, которую я ставлю перед собой, состоит в том, чтобы наметить некоторые пути избавления. В противном случае сложится такое положение, при котором экономические цели будут неправомерно господствовать над всеми сферами нашей жизни и над иными, более важными задачами. И ведь дело не в количестве товаров, а в том, как мы живем. Крайне опасно осваивать передовую технику так, как мы это делаем сейчас. Это может поставить под угрозу само наше существование...

(Стр. 41.)

Мне не хотелось бы оспаривать значение и даже некоторую справедливость обвинения капитализма в господстве «власти денег» или «экономических целей». Здесь же мне хочется понять природу этой власти и господства, выяснить ее сходство и различие с властью, допустим, государства, а затем — причины их существования. Так сказать, исторически и кибернетически оправдать капитализм. Одновременно я хочу сказать, что предполагаемые Гэлбрейтом пути «избавления» — увеличение активности интеллигенции, университетских кругов и т. д. — будут утопичны и реакционны, если не сольются с главным путем — дальнейшим техническим прогрессом. Власть денег и «экономические цели» монополий сегодня необходимы — как средство осуществления производственной эксплуатации людей. И потому

путь избавления от эксплуатации есть одновременно путь избавления от власти денег и экономики. А этот путь состоит не в уничтожении Капитала, а в его всемерном росте.

Но прежде всего следует разобрать природу власти вообще. Ее корни, уходящие в глубокую, вернее, далекую биологию человечества.

ВЛАСТЬ ОРГАНИЗМА

Человек, конечно, существо общественное, но в этом плане — не единственное. Много параллелей и аналогий можно найти, сравнивая общества различных животных и человека, в том числе — и по организации власти.

Например, власть вождя племени исторически прямо происходит от роли вожака предыдущего проточеловеческого стада. С другой стороны, власть племенного вождя — исходный пункт всех форм современной государственной власти.

Противоречие формулы «Свобода, как осознанная необходимость» — в некотором смысле свойственно всем животным обществам, познавшим необходимость коллективных действий для защиты своей жизни (свободы). Любое общество, человеческое и животных, это целостный и активно действующий организм, требующий от своих членов необходимой дисциплины, ограничения свободы, специализации функций (разделения труда). Поскольку человечество, выйдя из животного состояния (относительно, конечно), отнюдь не потеряло свои биологические черты (скорее, сохранило в неприкосновенности), постольку и свойства животных обществ остаются неизменной основой, на которой покоится разнообразие человеческих коллективов. И, наверное, общественные отличия стада обезьян от пчелиного улья являются не более разительными, чем отличия, скажем, конфедерации первых 13 американских штатов от типичной азиатской деспотии.

И если власть вожака стада, основанная на его видимой силе и превосходстве, так же понятна каждому, как власть царя в племени, то сила анонимных традиций и инстинктов, направляющих и регламентирующих жизнь пчелиной семьи, так же непонятна ее членам, как и странная сила денежной власти или бюрократической организации.

Это мне кажется особенно важным: такая важная и интересная черта современной власти, как ее непонятность, таинственность и даже божественность — находит свою аналогию в животных обществах. И, следовательно, может быть понята с рациональных позиций.

С тех пор, как кибернетика вскрыла общность законов передачи и переработки информации, по которым функционируют и существуют живые организмы в обществе, биология достаточно далеко продвинулась в изучении надорганических коллективов — обществ, популяций, биогрупп. Стало общепринятой позицией признание относительности различий между обществом и организмом: живой организм можно рассматривать, как устойчивую форму общества клеток, в то время, как общество можно рассматривать, как целостный организм.

Древний гилозоистский взгляд, одушевляющий живые сообщества (вроде приведенной в эпитафье к этому очерку догадки Гоббса о государстве-человеке); практика простонародного языка, твердящего о человеческих организациях, как об организмах — все это сегодня получает научное обоснование.

Причина таинственности власти любой человеческой организации заключается в развитости и самостоятельности от людей существования этой организации и от наших иллюзий на этот счет.

Когда мы говорим о какой-либо реальной организации, то представляем ее не в виде особого организма, где люди — лишь винтики, совсем не похожие на себя самих, а только — в виде суммы отдельных людей. Когда я говорю — партия, то мне представляются все знакомые члены партии, а потом уже воображение рисует какое-то пространство, в котором находится совокупность всех членов этой партии. А вот когда я говорю — Иван Иванович, то я представляю себе его целостный облик, и при этом совсем не собираю в кучу клетки костей, мозга, мускулов и всего прочего, из чего состоит мой Иван Иванович.

Конечно, партия — такой организм, который нельзя увидеть глазами зараз целиком. Нужно знание ее жизни и организации. И только по этим данным, (как криминалисты — о разыскиваемом человеке) можно составить себе ее истинный облик. Но во всяком случае не смешивать облик членов

организации с самой организацией. Как жизнь организма не сводится к жизни его клеток, так поведение организации не сводится к сознанию и целям его членов. Наоборот, зачастую именно организация определяет жизнь и сознание своих членов, — и не столько по программе и уставу, сколько по обычным принципам биологических организмов — адаптации к среде, стремлению к самосохранению и развитию своей власти над средой.

Например, борьба партии за влияние в массах, за свой численный рост, исключение опасных для себя членов — оппортунистов и т. д. — все это естественные реакции живого организма. И их нельзя понять, учитывая только желания и действия суммы членов этой партии.

Несомненно, сложность любой человеческой организации или общества неизмеримо меньше сложности самого человеческого организма (и в этом упрощении можно упрекнуть Гоббса), но тем не менее организации так же реально существуют, как и люди. Именно как реальные и независимые от нас существа. Я повторяю: они могут быть самыми примитивными — вроде разъяренной толпы на улице — этого хаотического человеческого стада, способного действовать по инстинкту или случайному внешнему влиянию, так и наивысшей сложности — вроде замкнутой и централизованной партии с ее мозгом — руководством, голосом — печатью, специализированными органами и т. д. (аналогия Левиафану). Однако и в том, и в другом случае люди — члены организации — действуют и выполняют не свою волю, а волю организации, партии.

Они это прекрасно знают, но думают, что эта воля — есть суммарное общее желание всех членов партии, или, по крайней мере, выражает личную волю их вождя. На деле же общее желание формируется пропагандистским аппаратом организации, и воля вождя «определяется» потребностями борьбы, т. е. интересами организации в целом.

Достаточно вспомнить яркие примеры Сталина и Гитлера, всю историческую обусловленность их действий, все многочисленные обстоятельства, по которым они обязаны были действовать именно так, а не иначе, или, говоря высоким стилем, — выполнять «социальный заказ эпохи». Все люди — члены организации — становились пленниками данной

организации, и уже никто не мог понять — кто же отвечает за действия данной организации.

Разберем эту тему моральной ответственности на примере Гитлера. Член гитлеровской партии был по уставу беспрекословным исполнителем воли фюрера, винтиком фашистской машины. Все преступления свершались именем Гитлера и якобы по его воле. Однако его приближенные не без основания считали, что во многом он уступал давлению своего окружения, был спровоцирован уступчивостью Запада, следовал логике событий, хотя сам был хорошим и добрым человеком (в представлении эти приближенных). Он просто был вынужден поступать иногда жестоко во славу Германии и ради спасения ее народа и идеалов фашизма. Ведь если бы он так не поступал, то его бы убили собственные соратники. Наверное, адвокаты Гитлера, если бы он не отравился, могли бы иметь некоторый успех.

Все осужденные в Нюрнберге тоже резонно оправдывались тем, что выполняли присягу, приказы, неисполнение которых грозило смертью. И они формально тоже были правы, ибо ведь в партии они не были людьми, а только винтиками этой преступной организации.

Негодование против этих послушных исполнителей так же нелепо, как возмущение руками, ногами или глазами преступника отдельно от его личности. И тем не менее, наказывая преступника, мы тем самым наказываем и его органы (хотя и не возмущаемся ими). Убивая преступную организацию, мы караем и ее членов, обезвреживая возможность их объединения в новый преступный организм. Так же поступали и союзники в Нюрнберге. Они запретили (т. е. уничтожили) нацистскую партию, и одновременно карали ее членов, от главарей до рядовых. И пусть формально это неверно — пусть истинным преступником является только сама организация. Зато такая нелогичность отлично служит предупреждению преступлений в будущем и потому целесообразна, как говорят прагматисты — работает.

Но прежде всего должен быть наказан истинный виновник в подобных обстоятельствах — сама организация.

Понимание этого может помочь преодолению неразрешимости проблемы ответственности человека за деятельность современных организаций. Хотя он чувствует себя, и является на деле, лишь слабым винтиком всемогущего организ-

ма, человек должен отвечать за его действия своей шкурой, как отвечают удушьем невиновные в общем-то клетки тела повешенного бандита. Так было всегда и это необходимо. Как клетки не могут выпрыгнуть из преступного тела, даже если б сознавали обстановку, так зачастую и члены-люди не могут выйти из состава преступнейшей организации или преступного народа. И потом, в конце концов, будут расплачиваться.

Какой же выход может быть в этой ситуации для «человека разумного»? — Только в осознании своей «нелогичной» ответственности! В стремлении к контролю своей организации! А если она поступает неверно (преступно), то следует или прибегнуть к уходу из нее (рenegатство) или к борьбе за изменение ее политики (ревизионизм). В активности таких ренегатов и ревизионистов и состоит профилактическая деятельность того возмездия, которым человечество грозит членам преступных организаций.

Человек — существо общественное, т. е. прирожденный член какой-либо организации. Перестать быть таковым он не может, ибо Робинзоны обезчеловечиваются. Но ради сохранения своей личной шкуры (и одновременно в интересах всего человечества), человек должен контролировать свою организацию.

ГОСУДАРСТВО КАК МАШИНА

Отношение к государству — этой важнейшей человеческой организации — является одной из центральных проблем любой идеологии. Раньше марксизм решил ее приведением к нулю: государство есть машина, созданная эксплуататорами для подавления эксплуатируемых классов, и потому с уничтожением эксплуатации оно тоже отомрет. Нынешний официальный марксизм, напротив, ведет речь о всемерном усилении государства в собообществе — без эксплуатации и эксплуататоров. Это явное несоответствие обходится ссылками на «пережитки» (т. е. наличие у нас буржуазно-демократической идеологии), на капиталистическое «окружение», на положительную роль государства и т. д.

Видимо, оба эти определения правильны, но односторонни. В первом подчеркивается роль полицейской машины по

обеспечению порядка и дисциплины, во втором же — организаторская и конструктивная роль государства. На деле же одно без другого невозможно. Гигантские скорости современного прогресса, работоспособность и слаженность человеческих рук невозможны без мощной машины управления и подавления. Это понятно.

Но непонятно только — отомрет государство в будущем или нет?

Правильным ответом будет: не отомрет, а видоизменится.

Действительно, если появление государства в человеческой истории связано с появлением эксплуатации людей, то с окончанием эпохи принудительной эксплуатации оно должно исчезнуть. Но это формальное рассуждение не учитывает того, что у современного государства это только одна из многих функций, и с отмиранием ее после второй промышленной революции все остальные останутся живыми и необходимыми. Правосудие, управление, организация и т. д.

Тем более, что функция принуждения к работе, к эксплуатации уже в настоящее время играет очень небольшую роль в обязанностях государства. Она была ведущей функцией в рабовладельческих государствах, где войнами захватывались рабы и силой приводились к работе. В средневековые крепостных лишь изредка приходилось силой приводить в повиновение господам, в капиталистических же странах к труду принуждает не столько государственная власть, сколько сами товарные отношения (власть денег), при которых жизнь без денег, этих свидетельств о добропорядочной работе, невозможна. Полиция занимается изысканием преступников, армия — обороной, но никому из правительственных чиновников нет дела, занимается ли тот или иной гражданин полезным трудом или нет. Голод и так заставит.

В нашем социалистическом государстве положение несколько иное.

Официально провозглашено в качестве закона положение: «Кто не работает, тот не ест», закон против туенядцев, закон о молодых специалистах, о принудительных работах и т. д. — все это функционирование государства в качестве классической машины для принуждения людей к труду на производстве.

Следовательно, если сравнивать оба типа современных

государств — социалистическое и капиталистическое, то, с точки зрения старого марксизма, именно капиталистические государства отошли дальше от классического смысла государства и больше стали походить на «самоуправляющиеся ассоциации свободных людей» коммунизма.

Однако, кроме этих марксистских тонкостей в разбираемом понятии, существует еще одна трактовка отмирания государства, гораздо более созвучная желаниям наших людей. Это понимание обосновано Лениным в работе «Государство и революция». Беря марксистский тезис о государстве как машине подавления, Ленин добавляет: эта машина отличается от обычного общественного управления племени в прошлом и коммунистической ассоциации в будущем — лишь своей *излишней сложностью и отдаленностью от народа*. Эти отличия выражаются в существовании специализированных органов власти: правительства, армии, судов, полиции и т. д. Ленин обосновал ту мысль, что с уничтожением эксплуатации человека в узком марксистском смысле, отпадет и необходимость в сложной, самостоятельной и отдельной государственной машине-организме, и потому люди снова вернуться к примитивной демократии племенного типа, а потом и ее изживут. Армия будет заменена всеобщим вооружением народа, правительство — поочередным исполнением общественных обязанностей («каждая кухарка будет управлять государством»), суды — самосудом толпы (суды Линча??) и т. д. Эта книга, написанная в дни, предшествующие Октябрьской революции 1917 г., была теоретическим обоснованием программы действий большевиков. Однако все попытки претворить ее в жизнь в годы гражданской войны и после нее кончились неудачей. Только обычная, регулярная армия, со старыми спецами в штабах, смогла выиграть войну, только старый аппарат власти (под новым названием) смог обеспечить управление страной, только трибуналы, тюрьмы и расстрелы могли установить гражданский порядок после периода «смуты». В последних своих маленьких статьях Ленин ставит задачу уже гораздо менее грандиозную: постепенное медленное совершенствование государственного аппарата, овладение культурой, избавление от худших традиций азиатчины царского аппарата, борьба с бюрократизмом.

Известное ленинское высказывание: «Если мы и погиб-

нем, то прежде всего от бюрократизма» — явилось в последующие периоды своеобразным заветом для последующих советских поколений. Все недовольство против хозяев страны, все промахи и все недостатки — списывали на бюрократию. Под знаком борьбы с бюрократизмом — иногда действительной, но большей частью мнимой — прошли все наши пятьдесят с лишним лет. Уничтожение бюрократизма в государственных органах заменило ленинскую тему отмирания государства.

Но что такое бюрократизм?

В переводе — это власть бумаги, письменного стола, а на деле это прямой результат чрезмерной самостоятельности государственного аппарата, это власть организации, которая только по видимости выполняет полезные функции управления, а на деле занята лишь обеспечением своего спокойствия и самосохранения. Это результат сбоя управленческой машины, выхода ее из-под контроля общества, которому она призвана служить.

В какой-то степени бюрократизм неизбежно появляется в любой крупной организации. Поэтому, чем сложнее становится в условиях растущего человечества государственный аппарат, тем больше тенденция его обюрокративания: вне зависимости от общественного строя. Примеров даже при капитализме достаточно.

Как же можно действительно бороться с бюрократизмом?

Ленинский план перехода к примитивной демократии оказался нереальным. Люди не могут вернуться к патриархальной идиллии. Мало того, технический прогресс сулит нам в будущем только автоматизацию и усложнение управления. Конечным пунктом такого развития может оказаться огромная государственная машина, которая управляет всем обществом, т. е. людьми, — и без обязательного участия людей в этом управлении. Отделение здесь будет наиполнейшим. Однако это совсем не означает, что люди обязательно попадут в рабство к такой огромной машине, что ее бюрократизм обеспечен. Ничего подобного: выход машины из-под власти зависит не от ее величины, сложности и отделенности, а от ее контролируемости.

Можно быть рабом самой примитивной управленческой машины какого-либо примитивного азиатского царька, а можно держать под действенным человеческим контролем

сложнейшую машину современного буржуазно-демократического государства.

Действенный контроль народа над государственной организацией — вот главное и основное условие сведения бюрократизма к минимуму.

Этот механизм контроля давно уже выработан и заключается он в максимальной гласности и подотчетности всех органов, в свободе печати и слова для обсуждения всех сторон государственной деятельности, выборности и т. д. — т. е. весь тот комплект буржуазных свобод, которые записаны у нас в Конституции, но выполнение которых третируется как буржуазная распущенность и пережитки.

Трудно предполагать, что Ленин не понимал действительности этого механизма борьбы с бюрократизмом (его письмо Мясникову по этому поводу очень показательно). Но принятие этого механизма на вооружение ставило под вопрос неизбежность партийного руководства, а допустить этого никто из партийных руководителей не мог и не может. (Бюрократизм — это власть, которая заботится прежде всего о своей сохранности и только об этом.) Начиная с ответа Ленина — Мясникову, и кончая ответом Брежнева — Дубчеку.

Поэтому борьба за искоренение бюрократизма есть борьба за демократизацию нашего общества и государства, за постановку государственной машины под контроль настоящего хозяина — народа!

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ МАРКСИЗМА

У Маркса есть очень много метких замечаний о власти безличных нечеловеческих сил — государства, капитала, денег и т. д. Ему принадлежит обвинение капитализма в том, что, обесчеловечивая рабочих, он наделяет самостоятельной жизнью надчеловеческие сущности. Даже свой главный обвинительный документ, труд своей жизни, Маркс направил не против совокупности капиталистов, а против самого «Капитала», как бы подтверждая вину всей системы в целом.

Но наряду с этим Маркс резко возражал против попыток рассматривать организации, как действительно самостоятельные, отдельно живущие организмы. В первом очер-

ке я уже рассказывал, как Маркс не признавал самостоятельной способности машин к производству прибыли, везде усматривая только эксплуатацию людей, только производственные отношения людей.

Отвергая правомерность «надчеловеческого», организованного подхода, Маркс резко сужал тем самым поле своего видения.

Он уже не мог видеть борьбу и существование надчеловеческих систем, он видел только действия людей, объединяя их по формальным признакам в классы («кучи») и оперируя в своем сознании этими абстрактными образованиями. Этот подход можно сравнить с попыткой биологии объяснить поведение взрослого человека анализом взаимодействия различных групп его клеток: мозговых, мускульных и т. д. Смело можно сказать: это попытка с негодными средствами.

Системный кибернетический подход Марксу, видимо, не был свойственен.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГ

Если господство общественных организаций проявляется конкретно, грубо и прямо, то власть денег не зависит от конкретных лиц. Подобно инстинктам пчелиной семьи, она незримо носится в воздухе общества. Это — власть традиций народа, власть его морали, что бы там ни говорили об аморальности торговли.

Ведь вся сила денег — в том, что никто не желает передавать друг другу подукты труда безвозмездно — без денег, этой оценки эквивалентности. Вся сила денег — только в нежелании всех людей помогать тем, кто не может или не хочет работать. «Кто не работает — тот не ест» — этот неписанный закон капиталистического строя (в отличие от *писанного* социалистического правила) составляет главную силу денег.

Конечно, эти традиции и мораль совсем не равны естественной коммунистической морали. Но и не противоречат ей. В работе «Сущность коммунизма» я уже говорил, что в первобытном обществе существовали не только внутриплеменные коммунистические отношения, но и внешние враж-

дебные отношения, где было все основано на равенстве возмездия и силы: «око за око». Наследником этих отношений враждебного, вернее, равнодушного равенства и является власть денег. Только сегодня традиции оценки всяческого богатства и силы — в деньгах, переводят всю человеческую конкуренцию в область производства, в область накопления и прибылей.

В отличие от банальных проклятий в адрес наживы ради наживы, денег ради денег, я перевожу эти формулы, как «производство ради производства», или «труд ради труда», и считаю их весьма моральными моментами (помните: «Труд — это дело чести, славы, доблести и героизма!»).

Сколько же нужно иметь таланта к самообману, чтобы всю силу этих моральных буржуазных традиций приписать злым козням одних капиталистов, персонифицировать деньги в одном классе людей, обвинив их во всех смертных грехах. Однако марксизм это сделал. Капитал воплотился в совокупность капиталистов, а главной причиной власти денег была объявлена частная собственность на фабрики и заводы.

Неправильность этих представлений доказана не только преимущественным развитием акционерных компаний — без определенного владельца, но и таким грандиозным социальным экспериментом, в ходе которого ликвидация частной собственности несколько не поколебала силы денег, необходимости материальных стимулов для производительного труда и т. д. Объективный историк этого эксперимента не может не признать вывода, что не класс капиталистов обуславливает власть денег, а, наоборот, именно производительные силы. Капитал требует нормальных полновесных денег и предприимчивых нормальных руководителей-капиталистов. Ленин понял это — правда, как временную необходимость, — и дал стране золотой рубль и обычных капиталистов-нэпманов.

Его величество Капитал — это вполне реальная, самостоятельная сущность, включающая в себя все производство с его неживыми станками и живыми рабочими. Это те же самые производительные силы, но в денежном эквиваленте. Они живут, должны жить и заставлять людей на себя работать: иначе совместная гибель-разруха.

И только при коммунизме деньги потеряют свою принудительную силу, а Капитал превратится в автономную производительную базу и перестанет давить на человека.

ВЛАСТЬ КОРПОРАЦИЙ-МОНОПОЛИЙ

В согласии с современным развитием, Гэлбрейт считает основным хозяином производства и представителем Капитала — не лично капиталистов (владельцев акций), а саму фирму — корпорацию. В этом он противоречит официальным положениям марксизма, что только подтверждает его убедительность.

Вызывает возражение другой тезис Гэлбрейта о непрерывном росте корпораций и их будущем преобразовании в плановое, почти социалистическое общество. Преувеличивая силу корпораций, как организаций, Гэлбрейт тем самым преуменьшает силу капитала, как общественных отношений, как морали.

Вот пример. Показывая действие регулирования рекламной общественной спроса на товары, Гэлбрейт приходит к выводу о господстве корпораций над волей и свободными желаниями потребителей, о планировании, или возбуждении новых человеческих потребностей, о замене демократии рынка деспотией плана.

Вслед за потребителем корпорации подчиняют себе государственную власть (пример военно-промышленного комплекса в США).

Конечно, возможности, описанные Гэлбрейтом, существуют. Взгляд, свободный от марксистского антропоцентризма, позволяет ему ясно видеть стремления и развитие надчеловеческих организаций типа монополий (Гэлбрейт называет это — техноструктурой).

Однако логические возможности еще совсем не означают осуществленной реальности. Тем не менее Гэлбрейт делает эту грубую ошибку. Действительно, планирование потребностей, а тем более уничтожение рынка требуют монополизации производства и сбыта, что Гэлбрейт и пытается доказать ссылкой на современное полумонополистическое производство. В предыдущем очерке уже было показано, что укрупнение фирм, и особенно их монополизация, в об-

щем неизбежно приводит к техническому застою, загниванию. На их место выдвигаются новые, более передовые фирмы, тесня на рынке сбыта старые компании и уничтожая тем самым их монополию.

Гэлбрейт ссылается на то, что современные корпорации ведут конкурентную борьбу только в суженных рамках, например, в пределах соглашений о фиксированных ценах на определенные товары. Таким образом, конкуренция цен переходит в конкуренцию качества товаров и рекламы. Но что ж из этого? — конкуренция все же продолжает существовать! И потом нигде, даже в животном мире, не существует неограниченной конкуренции — всегда она идет в известных рамках.

Главное, что наличие конкуренции опровергает существование полной монополии. И наоборот.

Полвека существования объявленной Лениным «монополистической стадии капитализма» показывает, что хотя конкуренция производства и капитала в абсолютном выражении действительно происходит, но относительно корпорации становятся все менее «монопольными». Непрерывно идет процесс «децентрализации» капитала. Общее число компаний-фирм растет год от года, хотя и в меньшей степени, чем рост объема производства. Но нам важен именно рост самостоятельных конкурентов на рынке. Теперь даже трудно представить существование таких действительно почти монополистов отраслей, каковыми являлись в начале нашего века Рокфеллеры в нефти, Форд — в автомобилях, и т. д. Ленин, например, приводил пример, что более 60% всего американского капитала контролировали тогда два крупнейших банка — Морганов и Рокфеллеров. Сегодня же 2 банка обладают немного меньше, чем 8% американского капитала.

Принимая рост концентрации и монополизации капитала за аксиому, Гэлбрейт совершает несомненную и грубую ошибку. Однако она ему необходима — для обоснования отмирания рынка, свободы экономических отношений, для обоснования необходимости перехода к планированию и господству государственно-монополистического комплекса, для обоснования необходимой социализации экономики и общества. В этом он выступает прямым продолжателем ленинской теории империализма, как монополистической и *высшей* (т. е. переходящей в социализм) стадии капитализма.

Я не согласен с этой теорией, считаю, что только демократический капитализм способен самостоятельно создать материальные условия коммунизма и перейти непосредственно в коммунизм. Я потому и возражаю Гэлбрейту.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОНОПОЛИЙ

Определение БСЭ гласит: «Монополия есть исключительное право на что-либо», дословный перевод с древнегреческого: «Единственный продаю».

Надо признать: довольно точно выражает это древнее слово современные отношения. Даже слишком точно. Потому что в капиталистической торговле полная монополия осуществляется сегодня очень редко. На первых порах же стадии развития производства (до современного капитализма и современной массовой промышленности) монопольное право осуществлялось наиболее часто и в наиболее чистом виде.

По сути дела, монополия — это феодальная привилегия ремесленников и купцов. Государь-феодал даровал тому или иному купцу исключительное право на ту или иную торговлю в своих владениях. Город предоставлял ремесленным цехам монополию на изготовление и продажу определенных товаров. Наконец, само государство-казна в последний период осуществляло монопольное производство и торговлю (вроде оружейных заводов и торговли водкой).

Борьба нарождающегося капитализма, мануфактур и фабрик, была борьбой за свободу торговли — против всяческих монополий, перегородок и привилегий. В этой борьбе свободного капитализма с феодальной монополией критике и натиску подвергались даже таможенные тарифы, которыми государства, допустим, континентальной Европы в прошлом веке облагали английские товары с целью защиты национальной промышленности. Взрывались все барьеры и границы — перед самым передовым производством, взрывались вместе с ними и техническая отсталость и застой. И этот процесс, особенно бурный в прошлом веке, приветствовался даже Марксом и Энгельсом.

Однако уже тогда различали монополии феодальные и монополии капиталистические, рожденные уже в ходе «ча-

стной» конкурентной борьбы. Последние основывались не на традициях и неэкономических привилегиях, а на победе самого ловкого, оборотистого и богатого капиталиста, сумевшего устранить всех соперников и установить монопольное право самого сильного. Конечно, такая монополия — рациональна и естественна, потому что она образовалась на рынке, потому что монополиста предпочли сами покупатели, а не потому что «так король или иной начальник приказал». Потому что — это просто венец отбора самого совершенного в конкурентной борьбе, доведение отбора до монопольного конца.

Но, как мы уже много раз говорили, движение технического прогресса делает любую монополию, в том числе и буржуазную, неустойчивой, готовой пасть под натиском более совершенного и удачливого конкурента, вынырнувшего из-под земли.

МОНОПОЛИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Отношение конкуренции, буржуазной и феодальной монополий было разобрано в виде гегелевской триады еще в ранней работе Маркса «Нищета философии», в его полемике против Прудона:

Мы радуемся вместе с Прудоном, что ему посчастливилось один раз применить свою формулу тезиса-антитезиса. Всем известно, что современные монополии порождаются самой же конкуренцией... Г-н Прудон говорит только о современной монополии, порожденной конкуренцией. Но всем известно, что конкуренция была порождена феодальной монополией. Следовательно — первоначально конкуренция была *противоположностью монополии, а не монополия — противоположностью конкуренции*. Поэтому современные монополии не есть простой антитезис, а являются, наоборот, настоящим синтезом.

Тезис: феодальная монополия, предшествующая конкуренции;

Антитезис: конкуренция;

Синтез: современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собой отрицание феодальной монополии

и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает монополию.

В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополии и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение.

Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу. (Соч., т. 4, стр. 165.)

При первом чтении эти выражения могут показаться абстрактно неясными, но мы уже видели раньше содержание этих формул и легко понимаем мысль Маркса: буржуазные монополия и конкуренция — нерасторжимы. Одно вызывает другое, одно заменяется другим. Монополия, как победа, не дается на рынке раз и навсегда, она завоевывается каждый раз заново.

Еще важнее для нас вторая мысль Маркса: современная буржуазная монополия немислима без конкуренции, полностью отрицает своего давнего предшественника, на которого походит лишь внешне, — феодальную монополию. Монополию грубую, неэкономическую, национальную, реакционную, неконкурентоспособную, установленную лишь государственным принуждением (не могу удержаться, чтобы не привести еще одну цитату из той же работы Маркса: «Можно даже установить в качестве общего правила, что чем меньше власть руководит разделением труда внутри общества (планирование), тем сильнее развивается разделение труда (технический прогресс) внутри мастерской... Таким образом по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в обществе *обратно пропорциональны друг другу*»). (Стр. 153.)

Эти положения молодого Маркса мне кажутся весьма злободневными и направленными прямо против теорий Ленина и Гэлбрейта.

Правда, Гэлбрейту эта прошлая критика может показаться неавторитетной, но для Ленина кажется удивительным игнорирование ясных положений очень известной Марксовой работы. Видимо, это можно объяснить тем обстоятельством, что Ленин формально не нарушил приведенных указаний Учителя.

В главной своей работе по этому вопросу, «Империализм как высшая стадия капитализма», он полемизирует с теорией К. Каутского об ультраимпериализме. Подобно давно умершему Прудону и еще не родившемуся Гэлбрейту, К. Каутский рассуждает о концентрации капиталистического производства, росте влияния монополий и постепенном втягивании капитализма в единую фазу единой всеобщей абсолютной монополии *ультраимпериализма*, который своей почти абсолютной властью и связью с государством является фактически государственным капитализмом. Ленин же, вслед за Марксом, опровергает эти монополистические претензии и пишет о невозможности существования капитализма без конкуренции, о необходимости сосуществования монополий и конкуренции.

Однако, если Маркс четко показал ограниченность и частный характер буржуазных монополий, их происхождение и противоположность грубой феодальной (государственной) монополии и теоретическую никчемность всех выводов о возможности перехода от конкуренции к полной монополии, то Ленин, напротив, принял это движение «конкуренция-монополия» за целостный переход, за настоящий исторический период, за высшую стадию капитализма. Его отличие от позиций Прудона, Каутского, Гэлбрейта только в том, что он не признавал возможности доведения процесса полной монополизации до конца — в условиях капитализма. Он полагал, что это может произойти только в условиях социализма.

Известно, что понятие истинного, настоящего социализма — неясно и туманно даже сегодня, когда целая треть человечества утверждает, что проживает при социализме. Тем более неясным и зыбким оно казалось в 1916 г. — году написания и выхода в свет ленинской работы об империализме. Если сегодня о коммунизме известно только то, что это «светлое будущее», то о социализме тогда было известно не больше. Тезис же Ленина был на удивление конкретным и понятным. Он явился необходимой теоретической подготовкой заявления большевиков о том, что они представляют будущее и знают, как братья за его осуществление. Заявления о том, что они знают, как развивается современная экономика, но что разрешение всех своих проблем она найдет только при будущем социализме.

Мало того, что сама проблема монополизации капитала была мнимой (как это выяснено еще Марксом в 1846 г. — раздутым преувеличением лишь одной стороны в единстве «конкуренция-монополия»), мало того — решение этой мнимой проблемы было отложено на неясное мнимое социалистическое будущее. И вот оказалось, что именно эта нерешенность мнимой проблемы, эта мнимость в квадрате и обусловила все значение и успех ленинской теории империализма, всю ее практическую гибкость и идеологическую применимость. Именно в такой, казалось бы, теоретической «несостоятельности» Ленина и сказалась его гениальность, как революционного идеолога и будущего вождя.

Ленину еще при жизни пришлось узнать, что, конечно, никакого решения проблема растущей монополизации не имеет не только при капитализме (он это и сам отрицал), но и после социалистической революции, если не считать решением почти полное разрушение капиталистических производительных сил и государственную монополизацию времен «военного коммунизма». Ленин еще смог лично в этом убедиться, и может потому он не стал объявлять в стране построенным социализм. Зато его преемник не постеснялся объявить свое феодально-монопольное, государственно-капиталистическое хозяйство, так похожее по методам использования западного опыта на создания Ивана Грозного и Петра I, — объявить его *социализмом*, положив тем самым начало новой эре в употреблении этого слова. Теперь социализм — это не синоним светлого будущего, а обозначение странной, непонятной и все же давно нам известной азиатчины.

Конечно, Гэлбрейту антипатичны любые революционные переходы. Видимо, ему антипатичен и сегодняшний социализм. Но ведь, если бы воскресли погибшие революционеры, усилиями которых была создана современная идеология, то вряд ли бы большинство их признало свои идеалы осуществившимися! Важен объективный смысл проводимой линии, а «добрыми намерениями вымощена дорога в ад». Сейчас для нас важно прежде всего, что Гэлбрейт снова возрождает старую мнимую проблему гибели конкуренции, гибели рынка, гибели капитализма, а в конце своего «гибельного» перехода снова рисует человечеству нечто очень похожее на старый монопольный и «планово-устроенный» феодализм.

АНТИТРЕСТОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Говоря о мнимости антимонopolьной проблемы в целом для судеб капитализма, не следует забывать о ее значительности в частном аспекте здоровья капиталистической экономики.

Проблема несомненно есть, но столько же несомненно, она находит свое разрешение в рамках капиталистических отношений, обычного буржуазного демократического общества.

Как мы уже выяснили, буржуазные монополии возникали и в прошлом, и позапрошлом веке. Это естественно. Любой изобретатель нового продукта становится временным монополистом на его изготовление и продажу. Конечно, в последующей конкуренции со стороны менее изобретательных, но более оборотистых и «экономичных» дельцов это право он утрачивал, или последние так организовывали производство старого известного товара, что могли подавить всех своих конкурентов и поддерживать свою монополию. Конечно, тоже временно.

В те начальные времена машинной эры эта временность, ограниченность буржуазных монополий была особенно явной. Предприятия и капиталы были очень небольшими, техника несложной, что очень облегчало появление новых конкурентов на рынке в любой момент и поэтому делало любую монополию не только неустойчивой (это само собой в любую эпоху), но и недолговременной, мало живущей. Вред от временного закрепления на рынке монополий почти не ощущался, если даже и был.

В наш век положение стало меняться. И первой его смутила еще в конце прошлого века самая развитая страна мира — Америка.

Добыча нефти, железные дороги, сложное машиностроение — в таких и подобных им отраслях стали возникать монополии, способные временами подавить даже способных и перспективных, но, скажем, пока мелких конкурентов. Это могли быть и отдельные компании-гиганты, захватившие подавляющую часть сбыта определенного продукта (тресты), но чаще — это были сговоры нескольких компаний о взвинчивании цен и удушении других конкурентов.

Такая неустойчивая монополия пыталась продлить свое существование не трудным путем постоянного технического и организационного неравенства, а более простым и «дешевым» способом подкупа государственных чинов, подавлением конкурентов на рынке и собственным техническим спокойствием, т. е. загниванием.

Конечно, даже устойчивый успех подобной монополистической практики все равно не мог продолжаться вечно: пусть не в этой, то в другой стране, но всегда находилась конкурент, способный обратить спокойствие и загнивание монополии во вред ей и одолеть ожиревшую на легких хлебах монополию цен компанию.

Но все дело в том, что пока дело дойдет до подобных мировых проверок, монополии успевали нанести существенный урон хозяйственной отрасли или даже стране — тем, что обслуживали техническую отсталость данной отрасли и соответственно и всей страны; — и главная беда, что монополии начинали смыкаться с государственным аппаратом путем подкупа чиновников и тем самым укреплять свое монопольное положение. Естественные буржуазные монополии прямо переходили к практике феодально-государственных полных монополий. Владельцы очень крупных капиталов уже превращались в новых помещиков и господ — уже не над своими только деньгами, а над всей страной. Это уже было не временным, а устойчивым состоянием, оно приносило существенный вред народнохозяйственному и оборонному состоянию страны, и потому становилось нестерпимым. Потому-то и было принято *антитрестовское*, т. е. антимонопольное законодательство, суть которого свелась к запрету концернов, способных единолично контролировать рынки, подавлять конкуренцию и грабить потребителя монопольными ценами. Автор первого такого закона, принятого в Америке в 1890 г., сенатор Шерман так убеждал законодателей:

Никогда прежде у нас не было таких гигантов, как сейчас. Перед нами, господа, поставлен выбор: либо мы следуем требованиям народа и запрещаем тресты, либо должны быть готовы принять социализм. Наше общество будоражат силы, которых раньше мы не знали. Только конгресс может покончить с трестами...

Антифеодалная и антисоциалистическая направленность закона Шермана несомненна!

Наша литература часто пишет о слабости и недействительности антитрестовских законов в капиталистических странах, предлагая взамен решение полной социализации (т. е. монополизации) производства. Совет, напоминая мне рекомендацию тушить пожар дома цистерной бензина. На деле же, американская, например, юстиция проводит огромную работу по контролю промышленности, претворяя в жизнь антитрестовские законы. Огромное количество дел, проверок и решений, миллионные штрафы и даже тюремные заключения для упорствующих монополистов — эти меры позволяют держать в узде любителей возводить свою временную победу на рынке в вечную привилегию неэкономическими путями.

Так же, как борьба с обычными преступниками не может не быть длительной (если не вечной), так и борьба с монопольными традициями в рамках современного производства не может быть решением одного акта «уничтожения буржуев». Тем более, что эта упорная и постоянная борьба ведется не против самих людей — администраторов и бизнесменов, а против истинных виновников — самих организаций, самих компаний, склоняющихся к легким средствам подкупа и диктата.

Сегодня Америка и весь мир говорят о происках военно-промышленного комплекса, который несомненно «имеет место быть». «Литературная газета» недавно поместила даже очерки о бесхозяйственности в Америке (выдержки из журн. «Тайм»), где описывают факты, удивительно похожие на нашу отечественную практику государственных работ, обслуживания, транспорта, торговли, производственной дисциплины и т. д. «Литературная газета» приводит все это, как злорадную сумму примеров недостатков американской действительности, но «Тайм» ясно видит и причины этих необычных для Америки явлений: «Изобилие и отсутствие безработицы — враг деловитости и организованности». Рост больших городов и соответственно бюрократизация обслуживания с помощью ЭВМ и государственных чиновников — все это говорит о том, что Гэлбрейт в какой-то мере прав, и Америка действительно чересчур вползла в монопольно-государственный механизм, о чем и свидетельствуют тре-

важные сигналы безхозяйственности и чрезмерной власти «комплексов». Но вывод здесь может быть только один — налаживание в новых условиях обычных норм конкуренции рынка.

МОНОПОЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА В ОТСТАЛЫХ СТРАНАХ

Антитрестовские законы, подобные американским, в конце концов были приняты в большинстве капиталистических стран только полвека спустя после второй мировой войны. На первый взгляд кажется странным, что Америка — эта самая технически передовая и демократическая страна с полным отсутствием феодальных традиций — вдруг первой открывает проблемы антимонопольной борьбы с современным промышленным феодализмом.

Однако эта «странность» лишь результат неправильно заданного вопроса. Неверно, что в Америке впервые появились капитал, монополии, но верно, что эта страна впервые объявила им серьезную борьбу, опираясь на свои демократические традиции. Не в том дело, что обычный нормальный капитализм вдруг стал «загнивать» и пользоваться феодальными методами подкупа и спекуляции, а в том, что он всегда пользовался этими приемами, всегда был феодально болел, пока его не стали лечить американскими методами.

Справедливость этого утверждения подтверждается фактом широчайшего развития монопольного капитала именно в слаборазвитых, недавно вышедших из феодального средневековья странах.

Самые типичные азиатские деспотии — Россия и Китай — представляли собой картину полного господства, если нельзя сказать — хищничества, монопольно-капиталистических объединений, тесно связанных с полуфеодальным государством. И если сама сила феодальных традиций обуславливала простор действия монополий, то, с другой стороны, монополии своим хищничеством, мотовством и корыстной поддержкой реакционных режимов способствовали отставанию страны и ее внешнеполитическим поражениям. Примером осуществления опасности, которой грозит обществу необузданность промышленных гигантов, служит история фашистской Германии. Известно, что наряду со значи-

тельными остатками юнкерской и крестьянски-покорной психологии, боязни красной опасности и прочими факторами, главное значение в приходе фашистов к власти имела поддержка их крупным капиталом, который при Гитлере сделался практически полным монополистом (национал-социализм). К какому краху привело это Германию, известно. Но правда, произошло это довольно быстро, и потому экономическое и техническое загнивание Германии не успело воочию проявиться.

Более классическим примером гибели страны от хищничества феодально-капиталистических монополий служат Россия начала нашего века и Китай, но последний мы рассматривать не будем.

В своих работах Ленин постоянно подчеркивал, что в России существует самый крупный монополистический капитал, что «сахарные и угольные синдикаты» сливаются с царской бюрократией, пользуются государственной казной, как своей мошной, чувствуют себя безнаказанными господами (см., например, т. 13, стр. 406).

Всяческие Коноваловы и Путиловы не столько перевоспитывали бывших дворян в капиталистов, сколько сами перерождались в новых помещиков. Если мы обратимся к книге Погребинского «Государственно-монополистический капитализм в России», то найдет в ней любопытную историю развития капитализма в условиях азиатского самодержавия. С самого начала здесь не компании подчинялись законам рынка и обслуживали общество, а, наоборот, общество в лице царской казны и правительства бесстыдно служило монополиям: оно освобождало их от налогов, снабжало казенными ссудами, зачастую безвозвратными. Причем ссуды давались не действительно передовым, но мелким фирмам, а, наоборот, — разоряющимся и убыточным, спасая завтрашних банкротов (и тем самым — отсталость страны), списывая затем ссуды в казну «за безнадежностью их поступления». Так, например, спасли от разорения сахарозаводчика Харитоненко, ссудив ему 20 млн. руб.. Еще больше сорились казенные деньги, когда помощь шла тем предпрятиям, где участвовали известные вельможные фамилии. Ведь даже царская семья не довольствовалась прямым монаршим побором, выбивала деньги еще сахароварением.

Русское правительство под диктат заживевших и обнаг-

левших синдикатов закрывало собственные казенные предприятия, конкурирующие с монополиями, соглашалось на непомерно высокие цены товаров для казны (особенно оборонного значения). В таких условиях прибыли русских синдикатов держались на фантастическом уровне — за 50%. И в то же время высокие разорительные акцизные поборы с продукции мелких предприятий подавляли всякую возможность действенной конкуренции.

Но этого им было мало! Синдикаты прибегли к самому неприкрытому грабежу, предприняв специальное снижение производства с целью организации товарного голода и взвинчивания монопольных цен на свою продукцию. Таково было положение с добычей нефти, которая в 1900—06 гг. выросла до 9 млн. тонн (первое место в мире), а в 1906—13 гг. топталась на месте. Такова же была природа и топливного и металлического голода в стране. Такова же была природа и самого страшного и преступного — взвинчивания цен на боеприпасы и вооружение и дезорганизации материального снабжения русской армии в 1-й мировой войне.

Здесь, в военном крахе царизма, было разорвано порочное феодально-монополистическое кольцо отсталости, когда царь охранял магнатов капитала от конкуренции, боясь надвигающейся буржуазно-демократической свободы, а монополисты цеплялись за царя, как гаранта своих бешеных прибылей и своего процветающего загнивания. В 1917 г. была еще раз конкретно показана невозможность полной монополизации хозяйства в условиях капитализма, еще раз продемонстрирована несостоятельность теорий Прудона, Каутского, Гэлбрейта.

В своей работе «К вопросу о том, что делать» я уже писал о метаморфозе революционной России, когда старинное самодержавие было в ходе гражданской войны заменено самодержавием новым, свежим, как будто вышедшим заново из недр уставшего в первобытной разрухе народа.

Революция разбила старые самодержавие и монополии, но вместе с ними — и всю буржуазию и рынок, а вместе с последним и все развитое хозяйство. В 1921 году прямых врагов уже не осталось и разрушать уже было нечего. В этих условиях НЭП — возврат к рынку и нормальной конкуренции — был лишь кратким возрождением капитализма из пепла. В массах были еще очень сильны любовь к са-

модержавной власти и ненависть к буржуазной демократии, делавшие тщетными все надежды и попытки постепенного перехода от революционного первобытья — сразу к нормальному капитализму. Страна на деле перешла к новому феодализму, где старые методы сочетались с социалистической фразеологией. Дальнейшее истребление в 1937 г. почти всех носителей революционного фанатизма, неспособных приспособиться к «новому порядку», повернуло людей к постепенному и медленному развитию хозяйства и буржуазных привычек.

Говорят, клин вышибают клином: с этой точки зрения протекшие 50 лет сражений и чисток — необходимый перед буржуазной эрой период самоочищения России. По аналогии вспоминается террор французской революции, уничтожившей как надменность аристократии, так и идеализм санкюлотов. Или еще более древний период уже английской истории, когда в результате долголетней войны Алой и Белой Розы почти самоистребилось родовитое английское дворянство, уступив место под солнцем новым: дворянам по названию — буржуа по душе. Так и в результате нашей войны красных и белых, Россия сперва потеряла фанатизм старых монархистов, а потом — руками Сталина — фанатизм самих революционеров.

Конечно, новое поколение власти и народа тоже заражено старыми традициями и идеями, особенно сталинского периода. И, может, нам предстоит еще не один цикл чисток. Но все равно, повторений 1917—37 гг. будет несомненно меньше, и главное покарают и своих инициаторов, приближая тем самым переход страны к стойкому отвращению от всяческого экстремизма, к нормальному современному обществу буржуазной демократии.

ВЫВОДЫ ОЧЕРКА

Безличная сила власти организаций над человеком (партий, государства, промышленных компаний) сегодня перестает быть таинственной. В свете кибернетики становятся понятными недостатки марксистской замены проблем организации — злой волей различных классов. На деле человек никогда не выходил из-под власти надчеловеческих органи-

заций, поскольку в основном они служат и необходимы его пользе. Однако возможны случаи выхода организаций из-под власти человека и во вред ему (случаи бюрократических и монополистических извращений). Борьбаться с этим может только действенный демократический контроль, чем и является буржуазная демократия, как в государстве, так и на рынке. Другие же рецепты, отвергающие эту живую практику существующего мирового опыта, ведут на деле к усилению власти надчеловеческих сил и отбрасывают людей к временам феодальной несвободы.

Вся книга Гэлбрейта посвящена обсуждению темы власти корпораций над человеком и проблеме освобождения от этой власти. В этом ценность книги. Однако то, что он не видит в окружающей его буржуазной действительности расширяющейся практики контроля и освобождения, то, что он возлагает свои надежды только на гуманитарную интеллигенцию, противостоящую производству, — все это делает Гэлбрейта младшим братом старых революционных утопистов, приводит в реакционный лагерь, а из его книги лепит очередное обоснование социалистических иллюзий.

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ. О ЦЕНООБРАЗОВАНИИ.
О ПЛАНИРОВАНИИ

Я знаю, что многие думают так: мы бедны, но зато у нас на первом месте распределение богатств; Однако, по мнению моему, это только одни слова... никакого распределения богатств у нас нет, да, сверх того, нет и накопления богатств. А есть простое и наглое расширение...

... А то выдумали: нечего нам у немцев заимствовать! Покуда-де они над «накоплением» корпят, мы, того гляди, и политическую экономию совсем упраздним! Так и упразднили... упразднители!

(Салтыков-Щедрин, Соч., т. 9, стр. 15.)

В этом очерке мы должны разобрать главное «преимущество» социализма, коим мы привыкли с пеленок безмерно гордиться: строгая плановость и государственный порядок в собственности — взамен расточительности частного хаоса. Анархия производства, стихия рынка — это третье, главное обвинение, предъявляемое обычно буржуазной демократии. Разобрав это обвинение, мы одновременно произведем в сознании и последний антигэлбрейт.

Суть вопроса заключена в следующем:

Все люди разные. И работают в разных коллективах на разных машинах. И потому всем им нужны очень разные по качеству и по количеству продукты — как в производстве, так и в быту. Миллиарды людей и машин и тысячи миллиардов потребностей.

Чтобы их удовлетворить, миллионы предприятий должны знать, какие именно продукты нужны (качество) и сколько (количество) — и как их потом распределить, чтоб было по справедливости.

Это вещи бесспорные. Споры же идут о том, как лучше

распределить произведенные продукты. Какой способ дележки лучше? — на этом вопросе так называемых «производственных отношений» сталкиваются люди разных идеологий и лагерей. И хоть не им одним жив человек, но истине он стоит в центре всех идеологических проблем.

Попробуем же разобрать последовательно мыслимые варианты дележки (основные), и методом доказательства от противного — попробуем показать, что на сегодня — рынок является оптимальным.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Этот принцип приходит в голову сразу же, как наиболее естественный и желательный: надо узнать нужды всех потребителей, записать их, потом сообща произвести эти продукты «вдоволь», заложить их в общественные амбары, и пусть каждый берет из них столько, сколько ему нужно — по потребности.

Таков вечный и неизменный идеал коммунистов. Его тысячи раз в течение тысячи лет цивилизации пытались внедрить, — но безуспешно. Бесконтрольное потребление приводит к быстрой трате общественных запасов до голодного уровня. После чего наши «экспериментаторы» (социальные) спохватываются, заявляют о необходимости сначала развить общественное производство до уровня «изобилия» (т.е. бесконтрольной траты) и вводят на «переходный период» суровое ограничение потребления и жесткую производственную дисциплину. (Наверное, нет более жестких и деловых эксплуататоров людей на производстве, чем утописты, стремящиеся в короткое время своей жизни навсегда вытащить человечество за воображаемую грань изобилия.)

В Приложении 1 я уже приводил примеры авторитетных коммунистических предсказаний наступления изобилия: в 1843 г., 1890, 1920, 1950, 1980 гг. Однако время идет, объем производства продуктов возрастает многократно, но никакого «изобилия» не наступает, ибо одновременно возрастает не только количество людей и машин, но и уровень их потребления. И притом так растет, что продуктов всегда хватает на минимум, но никак не на максимум!

Наверное, здесь будет уместно вспомнить знаменитого

осла, который тянется за «изобильным» клочком сена впереди своей морды и, конечно, достать его не может, но зато непрерывно бежит, работает, тянет телегу прогресса. Так и человек за время цивилизации — хоть и прошел немалый путь, и работать стал в сорок раз производительнее, но оттого жизнь его относительно не стала изобильней. Даже наоборот.

Дикарь брал у матушки-природы сколько хотел и мог — это было подлинно коммунистическое распределение, если природу вообразить производственной машиной («матушкой»).

А потом, с началом истории, становилось все хуже. По данным акад. Струмилина («Очерки экономической истории России»), в 1051 г. киевский князь Ярослав платил своим рабочим в день плату, на которую можно было безбедно прожить с семьей целую неделю. Уже через 300 лет новгородцы платили каменщикам в 2 раза меньше (полтора пуда ржи за день). Через двести лет московский царь снизил плату теперь уже в три раза. И так продолжалось вплоть до 6 коп. в день, вплоть до конца прошлого века, когда в ходе развития России относительный уровень зарплат и «изобилия» стал потихоньку расти. Но никогда оно не поднималось не только до нового уровня киевского князя, но даже и до уровня московского царя. Сегодняшний работник получает в месяц как раз столько, чтобы прожить с семьей этот месяц на минимум, может, с небольшим запасом (или с небольшим долгом).

В чем же причина такого, выражаясь марксистскими словами, «относительного обнищания»?

Причина проста — она в изменении характера производства. Если раньше человек тратил только свои личные силы, доставая продукты из природы, как из неисчерпаемой кладовой, то теперь потребление связано со сложной системой общественного производства и сетью распределения. И в этой почти замкнутой системе действует элементарный закон сохранения продукта: распределено может быть только столько, сколько было перед этим произведено. Не больше, а даже меньше (из-за потерь). И если люди работают в день 8 часов, то и потреблять на себя они могут в среднем не больше, чем было сделано за эти 8 часов (на деле же — только треть этого). Хоть убейся, а взять больше неоткуда!

Дикарь может в любой момент резко увеличить свое потребление — надо только лишний раз сходить в лес на охоту — потому он живет в изобилии (относительном), а цивилизованный человек в своем потреблении жестоко ограничен размером своей зарплаты — и потому он проживает в «бедности» (не менее относительной, конечно). И чем дальше уходит человек из материнского леса в дебри механизмов и машин, тем больше его зависимость от работы, тем ненасытнее его «нужда».

И еще один важный аспект. При первобытном изобилии не существовало существенных различий в уровне потребления разных людей. Верно, они были, но только из-за различия желаний самих людей. Сегодня положение совсем другое. Различие потребления разных слоев народа — громадное. И причины тоже понятны.

Чтобы заставить человека работать в грохочущем аде машин, нужны или очень большая палка, или очень мощные материальные стимулы (и выработанная на них жадность). Нужно человека поставить перед соблазнительным пряником современного комфорта и одновременно грозить ему кнутом нищеты и презрения, связанным с безработицей.

У Гэлбрейта есть замечательное объяснение того, как именно промышленная система цивилизации переделывает недавно еще свободных и неприхотливых дикарей в современную вымуштрованную и жадную рабочую силу:

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что, как это обнаруживается в первобытном обществе, человек по своей природе склонен трудиться лишь столько, сколько это необходимо для обеспечения известного уровня потребления. После этого человек отдыхает, занимается спортом, охотой, принимает участие в светских или религиозных обрядах, или уделяет время другим формам развлечения и духовного совершенствования. Эта склонность первобытного человека довольствоваться малым приводила и до сих пор приводит в отчаяние тех, кто считает себя носителем цивилизации. То, что именуется экономическим развитием, сводится в немалой степени к изобретению способов преодоления склонности людей ограничивать свои цели, касающиеся заработка, а тем самым и свои усилия.

Особо полезными в этом отношении долго считали товары, которые содержат наркотики и возбуждают все

усиливающуюся потребность в них. Этим объясняется большое значение, которое на ранних стадиях современной цивилизации придавалось табаку, алкоголю, кокаину и опиуму — значение, которое они не утратили полностью и в наше время. Однако более законными считаются ныне такие товары, которые своей новизной вызывают к тщеславию, стремлению превзойти или не уступить другим в отношении нарядов и украшений. Если потребность в пище и жилище — особенно в местностях с мягким климатом — довольно легко удовлетворить, то действия импульсов, порожденных соперничеством в нарядах и украшениях или хвастовством, не кончаются за какой-то четкой гранью.

До последнего времени фермеры и вербовщики рабочей силы в Калифорнии побуждают своих рабочих, филиппинцев, тратить значительные деньги на приобретение одежды. Давление долгов, в которые влезают для этой цели, и стремление каждого из них превзойти других наиболее экстравагантной экипировкой быстро превратили этих веселых и беспечных людей в современную и стабильную рабочую силу... (стр. 323).

... В промышленно развитых странах процесс внушения потребностей, и тем самым необходимости трудиться, носит весьма сложный характер, но корни его — те же... В 1939 г. доход наемных работников в США был очень близок к самому высокому из отмеченных когда-либо статистикой уровню и самым высоким в мире. В последнюю четверть века он увеличился вдвое. Если бы уровень дохода 1939 г. стал конечной целью, то в последующие 25 лет масса затраченного труда уменьшилась бы наполовину. В действительности же, однако, количество отработанных часов в неделю даже несколько увеличилось. Это явилось замечательным достижением (стр. 324)... Идеальным является такое положение, когда потребности рабочего несколько превышают его заработок. Тогда у него появляется непреодолимое желание влезать в долги. Задолженность давит на рабочего, и, как таковой, он становится более надежным...

... Рабочие и люди, причастные к техноструктуре, все чаще останавливают свой выбор на варианте «больше работы — больше дохода». А некоторые гордятся своим беспредельным и азартным стремлением работать, хотя, как правило, они физически не в состоянии воспользоваться всеми плодами своего труда (стр. 423).

Несмотря на некоторый «перехлест» (вроде утверждения, что сокращения в будущем длительности рабочего дня ожидать никак не приходится), Гэлбрейт в приведенных отрывках очень убедителен. Человек сам влезает в производственную кабалу, но ему в этом помогают. Видимо, это необходимо для производства, и потому уже — хорошо. Когда же производство разовьется до своей кибернетической самостоятельности, где не будет столь повелительной необходимости человеческого труда, тиски рекламы жизненных стандартов и относительной нищеты ослабнут, и человек из жадного и «мещанистого» современного работника сможет снова стать некорыстным и свободным человеком.

Сегодня же производству нужны деловые, инициативные, заинтересованные люди. И оно воспитывает их — посредством сильно дифференцированной шкалы зарплат и уровней жизни, посредством этого порождения зависти и неудовлетворенности, этого всепобеждающего сектора карьеризма — вверх, к наивысшему уровню зарплат и власти. Так производство формирует наше общество с его различиями социальных слоев и классов, с их противоречиями. И это тоже необходимо. Пока. Хотя и противоречит врожденным чувствам равенства и справедливости. Тот же, кто захочет установить сегодня коммунистическое распределение во что бы то ни стало (как в Китае в 1958 г.), просто разрушит производство и может кончить первобытной шкуркой.

Ни надежды на самоограничение людей в силу их «высокой сознательности», ни ставки на принудительное равенство потребностей (что уже и не является коммунизмом) не могут не быть реакционными, не могут не противоречить интересам всех людей.

ПРИНУДИТЕЛЬНО-ПЛАНОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Если коммунистическое распределение господствовало в далеком прошлом золотом веке и будет определять, может, не столь отдаленное будущее, то два рассматриваемых ниже способа распределения — 1) принудительно-плановый (феодално-социалистический) и 2) рыночный (буржуазно-демократический) — вполне реально существуют и в наши дни, и даже «соревнуются» в своей эффективности. Они оба ро-

дились на заре цивилизации. Однако, если в начале преобладал первый способ, то сегодня, выражаясь маоистским языком, «довлест ветер западного рынка над восточным планом».

Конечно, данное утверждение бесспорно только для меня, и потому я должен привести его обоснование.

Плановое распределение ведет свое происхождение еще от коммунистического первобытья, в пещерных недрах которого оно зарождалось. Те продукты, которые племя добывало сообща, нельзя было тратить «по желанию каждого», поскольку продуктов было мало.

Вождь племени распределял их — *по справедливости*. Этот сложный и неопределенный термин сохранил свое громадное значение до нашего времени, в котором уже, казалось бы, давно цивилизованные люди еще продолжают мечтать и требовать справедливого распределения богатств, и даже основывают, в результате своего революционного творчества, такое учреждение, как Госплан или Комитет по материально-техническому снабжению (которые и должны на манер древнего вождя — «распределить всем по справедливости»). В масштабах огромной страны — от многотонных машин до мелкой пуговицы.

Что же такое — «распределить справедливо»?

Если все остались довольны — то справедливо, если же кто-то жалуется — то уже несправедливо... Справедливо, если, например, сильному мужчине дадут больше, чем ребенку или старику, но будет несправедливо, если последним будет уделено недостаточно. Справедливо, если способному человеку, приносящему много пользы обществу, будут и давать больше других, но несправедливо, если он и его семья будут по уровню жизни сильно отличаться от остальных. Ко всему этому надо еще следить, чтобы каждому попало именно то, что нужно, если же этого нет, — то нет и справедливости и все ропщут.

Может, самая характерная черта такого распределения сверху «по справедливости» — это его неясность и неопределенность. А вся его эффективность — в опыте и авторитете распределяющего лица (раньше вождя), знающего всю «правду» обо всех.

Знать все обо всех — раньше такое для старшины какого-нибудь племени или рода было возможно. Теперь для

Госплана и Комитетов при СМ СССР это много труднее — видимо, просто невозможно. В любом случае, знание всего обо всех не может быть полным и объективным, поскольку оно неразрывно связано с волей одного верховного лица-органа. Отсюда неизбежный субъективизм. Один вождь-распределитель понимает справедливость почти по-коммунистически, чтобы всех по возможности удовлетворить. Другой понимает справедливость только как синоним личного трудового вклада каждого. Третий — расценивает справедливость только в свете заслуг перед самой властью. И так далее.

Сам характер данного способа распределения немислим без сильной государственной власти, способной настоять на авторитетности своих решений, принудить всех к своему пониманию «справедливости». И потому он применяется и сохраняется главным образом в странах с сильными и давними деспотическими традициями.

Конечно, в прошедшие тысячелетия применение этого способа от племени до нынешнего социализма не могло не внести в него известного разнообразия и усложненности. Но основа остается неизменной. Каждый распределитель ограничен объемом существующего производства. Он должен при распределении учитывать как потребности всех, так и их заслуги перед самой «дающей властью»; как трудовой вклад каждого, так и интересы роста производства в целом. Чтобы успешно решать такие задачи, надо переварить огромное, невообразимое количество информации.

Сегодня никакому вождю это уже не под силу. Не под силу и любому органу с любым набором вычислительных машин.

Наши планирующие и распределяющие органы фактически давно уже не следуют этой схеме, руководствуясь интуитивно угаданными тенденциями рыночного распределителя, и лишь в общих цифрах они следуют «свободной» воле ЦК.

Этот метод исторически был первым реальным способом организации коллективных человеческих усилий и распределения завоеванных в результате этого благ. В условиях примитивности и отчаянной нужды — он достаточно прост и надежен, даже эффективен, и хорошо согласуется с естественной человеческой моралью.

Но в нормальных современных условиях у распределительных органов в масштабе страны не хватает мощности для переработки всей необходимой информации — чтобы принимать своевременные и правильные решения. Они захлебываются и «врут», вызывая естественное недовольство. Поэтому им приходится больше средств уделять на распределение за «заслуги» перед ними самими — и еще больше ухудшать этим качество своей работы.

Сегодня этот принцип устарел и все больше противоречит как объективным нуждам производства, так и субъективным желаниям людей.

РЫНОЧНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Оно также возникло в первобытном начале начал. Это отмечал еще Маркс. Племя с племенем встречалось на пограничном торжище и обменивалось различными продуктами-товарами. Вместе — они осуществляли как бы единое межплеменное производство, где каждый специализировался на определенном товаре, а уже рынок-торжище распределял их совокупность всем по потребностям и заслугам.

Обмен происходил между совершенно чужими и независимыми людьми, — свободный и взаимовыгодный. И потому мерилом справедливости рыночного распределения могла стать лишь отрицающая всяческие чувства взаимовыгодная эквивалентность обмена. Участниками торгов были зачастую даже представители враждующих племен, которым была бы дикой сама мысль о возможности передачи друг другу своих продуктов — или поровну, или по нужде в них каждого, или по каким-нибудь заслугам. Для такой справедливости есть распределение внутри племени и рода. А здесь, на торгах, надо заботиться лишь об одном: подороже продать лишнее и подешевле купить нужное. Столкновение этих стремлений рождало долгие торговые препирательства, в результате которых товары обменивались по их средней стоимости, определенной таким нелегким способом. Торги, где каждый бдительно следит, чтобы не допустили к нему несправедливости, наилучшим образом гарантируют общую эквивалентность («торговую справедливость») торгового обмена.

Средняя стоимость — это количество необходимого общественного времени, затраченного на изготовление: это количество затраченного полезного труда, а универсальной мерой и выражением труда здесь служат деньги.

Справедливость рынка холодна и беспристрастна. Она равнодушна к обидам престарелых и к голоду детей, к моральным совершенствам и «заслугам» перед государством. Только труд, выраженный в деньгах, признается рынком за достоинство. Зато такая справедливость наиболее точна, определена, наиболее демократична и способна удовлетворить потребности свободных людей в условиях пока еще ограниченного общественного производства.

Ведь на рынке каждый может брать себе все, что угодно, и сколько ему нужно — как из неограниченной кладовой — но в пределах имеющейся у него суммы денег, т. е. в пределах его трудового вклада в общественное производство. В каком-то смысле рыночное распределение — это прямая модификация первоначального коммунистического изобилия, где рынок теперь выполняет роль необъятной матушки-природы. И как в природе надо приложить известное количество ума и усилий, чтобы получить от нее желаемое, так и на рынке — нужно сначала поработать, чтобы купить это желаемое.

Видимо, недаром рынок называют слепой стихией! Как и природа, он для человека мать и мачеха одновременно. Кормит и бьет, радуется победой и поражением, дает простор способностям и убивает равнодушием. Но, как и природа, рынок неотделим от свободного человека! Вернее, свободный человек в нашу эпоху растущей и все давящей экономики возможен только в естественной среде рынка.

ДЖУНГЛИ РЫНКА

Когда я слышу бесконечные попреки жадности, черствости, бессердечности и даже преступному равнодушию рынка, мне думается: «Какой в этом смысл? Не лучше ли на себя оборотиться? Может, мы и природу будем корить и изничтожать за 'равнодушие и бессердечность'?»

Да: рынок, возникший на племенных границах, где вражда, злоба, коварство, обман (и вообще все, что вошло в ло-

зунг «Око за око, зуб за зуб») лишь с трудом были заменены вежливым равнодушием (и всем, что характеризуется принципом: «Товар за товар, услуга за услугу), — не может не воспринять все перечисленные антиобщественные общества. Однако совсем не он их создал и воспитал, а, наоборот, именно эти качества равнодушия и беспристрастности стали исходной моральной предпосылкой рыночной точности и объективности.

**
*

Рыночное распределение не могло сразу стать основой и внутриплеменного распределения — для этого оно слишком точно и сухо, слишком оторвано от всяческих заветов и традиций. Те общества-государства, которые приняли рынок в качестве основного принципа (типа античных городов-республик), хоть и добились большого хозяйственного расцвета и прогресса, но внутренне были очень неустойчивыми. Независимость каждого гражданина, его свобода и эгоизм делали эти государства слабыми перед лицом варварских коммунистически-моральных племен или жестко спаянных азиатских деспотий. В конце концов они погибли и уступили место феодальным монархиям, где принудительное распределение богатств по заслугам обеспечивало устойчивость государства и его силы. Грубо говоря, средневековый феодализм победил античный капитализм. Но постепенное накопление знаний, рост достижений науки и технологии, увеличение степени влияния их на оборонную мощь государства, в новое время стали сказываться много сильнее, чем моральная «твердость» и верность его граждан. Один пулемет в руках взвода английских колонизаторов стоил гораздо больше фанатизма и самопожертвования тысяч сопротивляющихся суданцев. «Техника стала решать все» (в том числе и наиболее удобные формы своего производства). Теперь рынок, как внутриобщественный принцип распределения, стал не только обеспечивать прогресс и хозяйственное процветание страны, но и ее военные успехи. Рыночные государства получили реальную возможность выстаивать в борьбе за существование. Так началась новая эра перехода мира к буржуазно-демократическим государствам (от феодальной Азии и первобытной Африки).

Большинство современных стран сочетают в своей экономике рыночные (товарно-денежные) отношения с государственным планированием и распределением. В зависимости от того, какие элементы преобладают, мы относим страну к капитализму или к социализму.

В длительной и даже мучительной борьбе этих реально существующих принципов, деловитости и точности рынка непременно суждено одержать победу над привычками и традициями «верховой справедливости».

Слишком явны производственные преимущества, чтобы можно было до бесконечности сопротивляться собственной выгоде, только ради сохранения «отцовских заветов» и идей.

В подтверждение этой неременной победы я с большим удовольствием сошлюсь на знаменитые строчки главного документа марксизма — «Манифеста» 1848 г.

Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывные потрясения общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывающиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими прежде, чем успевают окостенеть, все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения. (М. и Э., Соч., т. 4, стр. 427.)

Правда, именно на Маркса ссылаются сегодня защитники социализма. Но вспомним. В третьем разделе этого же «Манифеста» Маркс дает краткий обзор всех современных ему направлений социалистических учений (от феодального до критически-утопического) и все их характеризует, как реакционные устремления отживающих классов. И только к последнему направлению сделано такое замечание: «Если основатели этих сект и были во многих отношениях революционерами (т. е. прогрессивны), то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата» (стр. 457).

Злая ирония истории заключена в той точности, с какой исполнилось это правило по отношению к сегодняшним ученикам самого Маркса. Видимо, прав был великий идеолог,

заявив на склоне лет, что сам он, во всяком случае, не марксист.

А уж метод объявления старых, отживших, но милых сердцу моралистов порядков — более высокой стадией развития, метод смены феодальных вывесок на социалистические — совсем не нов и может обмануть лишь людей, желающих обманываться. Да и то — непрочны.

**
*

Однако мне вправе не верить на слово. Ведь до сих пор я ограничивался лишь общими сопоставлениями рынка и плана, не прибегая к подробному разбору. Почему, собственно, плановый орган, строго направляемый хорошими управителями, — будет обязательно хуже равнодушного рынка, занятого лишь эквивалентностью торговых обменов? — Отвлечемся пока от невежества и волюнтаризма отдельных вождей, разберем дело в принципе, почему такое сознательное руководство человека своим хозяйством — обязательно хуже стихии рыночного регулирования? Почему стихия лучше разума? — Пусть даже несовершенного разума?

Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем разобраться, как пример, доводы Гэлбрейта.

ДОВОДЫ ГЭЛБРЕЙТА

Наиболее часто упоминаемая особенность рынка состоит в том, что он уравнивает предложение и спрос с помощью определенной цены. Как только возникает излишек предложения над спросом, в результате падения цены создается стимул для покупателей, ограничивается предложение, и таким образом устраняется излишек; если обнаруживаются кратковременные нехватки товаров, вследствие повышения цены стимул получают поставщики, сокращается активность покупателей, и таким образом устраняется нехватка.

Планирование, как уже отмечалось, не содержит в себе аналогичного уравнивающего механизма. Тот, кто планирует, должен сознательно обеспечить такое положение, при котором планируемое предложение равня-

лось бы планируемому спросу. Если он не сумеет добиться этого, возникают излишки и нехватки. Если еще при этом не будет использован рыночный механизм, если не будут снижены или повышены цены, возникает неприятная проблема хранения или уничтожения излишка, или же, напротив, начинается непристойная ссора между теми, чей спрос не был удовлетворен. Таковы обычные результаты планирования, и, как правило, они приводят к резкому падению престижа того, кто планировал в данном случае (стр. 79).

Гэлбрейту трудно отказать в понимании сути спора между рыночным регулированием и социалистическим планированием производства и распределения. Следует, правда, добавить, исходя из данных самого Гэлбрейта, что равновесие спроса и предложения (меновые и производственные пропорции) может устанавливаться на рынке не только колебаниями цен, но и изменением качества товаров, их рекламной и т. д. (и то, и другое влияет на цены через изменение спроса).

Однако, против всякого ожидания, Гэлбрейт делает вывод следующего содержания: «У планирования есть недостатки, но его нужно и можно улучшить». Тезис, почти полностью совпадающий с привычными нам передовицами советских газет.

В чем же эта настоятельная необходимость планирования?

По Гэлбрейту она заключается в том, что в условиях современного многосложного производства изготовление таких дорогих товаров, как реактивный самолет или космическая ракета, необходимо требует сложных расчетов и планирования производства на несколько лет вперед:

Необходимость планирования обуславливается длительным периодом времени, который занимает процесс производства, крупными капиталовложениями, которые требуются для него, и строго целевым характером этих капиталовложений, предназначенных для выполнения конкретной задачи (стр. 55).

Но ведь именно в условиях рынка, в условиях правильного ценообразования можно вести точные экономические расчеты и планировать производство. Только в условиях быстро реагирующего рынка можно находить все новые элементы для производства новой техники. Именно меняю-

щиеся условия рынка делают производство гибким и восприимчивым к новой технике, создают условия для быстрого ее внедрения.

По Гэлбрейту получается, что если для строительства сверхнового космического корабля «Аполлон» нужны 10 лет, то и все цены товаров, нужных для этого производства, и все их развитие (т. е. почти все, что изготавливает страна) должны быть заморожены. И только для того, чтобы экономические расчеты, составленные в начале строительства, были подтверждены в его конце. Конечно, такой абсурд, невозможный даже при социализме, совершенно неприемлем для быстро меняющегося капитализма. Да и как показывает практика вроде упомянутого «Аполлона», — и не нужен. Тем более, что изменчивость рынка — это в большой степени средство движения самого технического прогресса, и потому вместе с «водой» рынка Гэлбрейт выплескивает и этого «ребенка».

Конечно, планы и расчеты в условиях рынка произвести труднее, чем в условиях замороженного, мертвого производства. Ну что ж, это обстоятельство только толкает предпринимателей на совершенствование расчетов, на более точное изучение перспектив спроса и движения цен, на повышение быстродействия при составлении внутренних планов, на ускорение технического прогресса в области самого экономического управления производством. Недаром в «стихийной» Америке используется во много раз больше вычислительных машин и намного эффективнее, чем у нас.

Конечно, у Гэлбрейта были основательные причины для вышеописанных заблуждений. Одна из них — американская практика частных соглашений о временном фиксировании цен на конкретные виды товаров:

Как только цены на промышленные изделия установлены, они имеют тенденцию оставаться неизменными в течение значительного периода времени... Промышленное планирование предполагает контроль над ценами. Как мы видим, современная техника приводит к тому, что рынок становится менее надежным. Она также влечет за собой увеличение времени и капитала, затрачиваемого в производстве. По этой причине нельзя допустить, чтобы цены зависели от причуд неуправляемого рынка (стр. 240).

Конечно, цены часто и по возможности фиксируются. Конечно, так удобнее. Но делалось это не только сегодня, но и в прежние годы. А в средневековье вообще вся торговля была опутана столетними ценами различных цехов и гильдий. Но временное фиксирование цены, временное устранение игры цен вокруг устоявшейся стоимости товара совсем не означает устранения «действия» рынка, его ведущей роли. И тем более не означает перехода к плановому ценообразованию.

Что означает выражение: «Как только цены установлены»?

Комитет цен их устанавливает, что ли? — Но ведь Гэлбрейт работал во время войны в Управлении цен и знает, что его роль там сводилась лишь к оформлению и утверждению цен военного времени, предлагавшихся самими фирмами. А предложения эти у фирм появлялись только после того, как на рынке затухала первоначальная игра спроса-предложения, что позволяло определить истинную стоимость. Разумеется, фиксирование, фиксирование уже *установленных рынком цен* — удобно, оно позволяет избавиться, например, от несущественных погодных и других конъюнктурных стоимостных колебаний производства. Этим осуществляется как бы «загрубление» чувствительности рынка-прибора, необходимое для удобства пользования. Но разве *существенное* изменение производительности труда и стоимости изделий не приводит к быстрому реагированию рынка и к изменению даже фиксированной цены? — Это признает и сам Гэлбрейт:

... уровень цен, однако, имеет известное значение. И время от времени, в виде реакции на существенное изменение в издержках производства, — цены должны изменяться (стр. 241).

Фиксирование цен в основном применяется для традиционных, устоявшихся товаров, но даже там они совсем не так неизменны, как принято думать:

... в условиях современной промышленности продавец редко имеет единственную цену. Более того, часто фирма имеет бесконечно сложную систему цен на все модели, сорта, фасоны и т. д. по всем товарам, которые она продает ... (стр. 240).

Как мы видим, свобода действий рыночного механизма цен, не говоря уже о свободе действий рыночного регулирования вообще, остается достаточно полной и, во всяком слу-

чае, не меньшей, чем раньше. Условия работы Гэлбрейта в американском Управлении цен породили у него иллюзии, что именно его ведомство или фирмы-рекомендатели «образовывают» цены. Но это только иллюзия, аналогичная убежденности толстовского мальчика, управляющего огромной каретой, держась за свои игрушечные тесемки.

Сама возможность относительного фиксирования цен вокруг стоимостей товаров при наличии ожесточенной конкуренции — только доказывает высокую пропорциональность и организованность американской экономики, большую точность ее рынка, громадную гибкость системы фиксирования и изменения цен.

А к чему приводит действительное избавление от рынка и переход к тотальному планированию того, что «будет произведено и по каким ценам» (Гэлбрейт), убедительно свидетельствует наша собственная практика. К описанию ее мы сейчас и перейдем.

Но предварительно сделаем несколько замечаний по еще одному существенному обвинению капитализма, которое в книге Гэлбрейта почему-то отсутствует. Разберем еще один роскошный довод порочности рынка и необходимости планирования: — капиталистические кризисы.

КРИЗИСЫ

Как известно, Маркс утверждал, что сама приблизительность меновых пропорций на рынке, сама игра спроса-предложения, создает абстрактную возможность торговых кризисов. Однако это действительно только абстрактная возможность. Наоборот, жесткая заданность меновых пропорций в плановом хозяйстве создает постоянные и вполне реальные торговые кризисы. Социализм без очередей нам просто трудно представить.

Но не об этом сейчас речь.

В чем же причины капиталистических кризисов?

Обычным поводом для очередного кризиса было какое-либо крупное разорение: то ли сельскохозяйственный неурожай, то ли банкротство крупной компании. Есть даже предположение, что обычный для прошлого века 10-летний цикл производства между кризисами обусловлен периодиче-

скими сельскохозяйственными неурожаями, которые в свою очередь связаны с циклическими изменениями солнечной активности.

Однако во взаимосвязанном капиталистическом производстве приостановка действия достаточно крупной части немедленно бьет по всем ее партнерам, ибо они лишаются или заказов, или продукции. Поэтому они тоже вынуждены свертывать свое производство, увольнять часть рабочих и т. д. За ними начинают волноваться уже их смежники и т. д. — кризис охватывает все производство. Даже те фирмы, которые никак не связаны с истинным виновником кризиса, просто на всякий случай тоже начинают избавляться от балласта, свертывать свои планы строительства, экономить резервные капиталы. Это — уже явление кризисной паники, которая во много раз увеличивает эффект. Все притихает и приостанавливается в ожидании плохих времен, и, конечно, эти тяжелые времена банкротства и безработицы наступают. Слабые фирмы, имеющие минимум прибылей и капиталов, живущие в кредит, разоряются, как только обеспеченные кредиторы предъявляют свои счета. Их за бесценок покупают более передовые и сильные акулы, способные не только выдержать кратковременный спад спроса, но и приобрести за малые деньги ценные предприятия и оборудование.

Постепенно паника успокаивается, все явные банкроты разоряются и уходят со сцены, новые хозяева совершенствуют и модернизируют производство, спрос постепенно подымается до прежнего уровня и выше. Все входит в колею. Таким образом, кризисы играют важную положительную роль упорядочивания промышленности, удаления неумелых руководителей-банкротов и модернизации всего производства.

Однако резкость протекания кризисов, их тяжесть для рабочих в особенности, вынудили правительства капиталистических стран (прежде всего президента Рузвельта) перейти к политике государственного регулирования экономики, которая состояла в следующем:

Создается государственный сектор промышленности или частный сектор, но работающий преимущественно по государственным заказам. Таким образом, крупная часть промышленности обеспечивается твердой работой, не завися-

щей от спроса на рынке и потому не подверженной кризисным колебаниям. Наоборот, в моменты кризиса эта промышленность начинает усиленно потреблять и в большом количестве как подешевевшую от безработицы рабочую силу, так и излишнее оборудование и капитал на свое расширение. Тем самым сбивается кризисная волна и превращается в небольшой временный «спад экономики». После введения в действие политики Рузвельта, капиталистический мир уже не знает крупных кризисов, а только небольшие «спады».

Так капитализм ликвидировал, нет — смягчил кризисы, это великое самоочищение производства.

Конечно, у каждого положительного явления есть и свои теневые стороны. Конечно, теперь банкрот уходит со сцены медленнее и не с такой решительностью, как раньше, что, конечно, увеличивает сумму бесхозяйственности. Но хуже политические последствия такого регулирования.

Дело в том, что государственные законы и сектор обычно создаются в военных целях, поскольку на оборонные траты легко сагитировать налогоплательщика. Однако вооружение производится, чтобы воевать, и вот провоцируется война — не важно: для освобождения или для нападения, лишь бы оружие стреляло.

Проблема военно-промышленного комплекса — серьезный вопрос для современной Америки, например. И может быть он решен, по моему мнению, только по пути поисков других, мирных целей для государственного сектора — космос, транспорт, помощь третьему миру и т. д.

Но я убежден, что рано или поздно, но вслед за проблемой кризиса, буржуазно-демократическое общество решит и проблемы власти подобных «комплексов».

СТРУМИЛИН ПРОТИВ ГЭЛБРЕЙТА

Приступая теперь к описанию социалистической практики распределения и планирования, я буду ссылаться главным образом на уже много раз мною упоминаемые труды академика С. Г. Струмилина (1877—1965).

Маститый революционер еще с прошлого века, делегат 4-го и 5-го съездов РСДРП, публицист с 1905 г., он до самого последнего времени не потерял ни своих марксистских

убеждений, ни, что особенно для него важно, — резкости и определенности своих суждений. За исключением этого редкого и потому ценного у нас качества, Струмилин — типичный представитель «советской экономической науки», которую просто невозможно заподозрить в тайной приверженности к капитализму. Занимаясь со времен НЭП'а в основном проблемами планирования (зам. председателя Госплана СССР), он сыграл, например, большую роль в обосновании критерия раскулачивания — именно ему принадлежат «идея и доказательство» того, что крестьянин, получающий дохода больше, чем средний рабочий в городе, — является кулаком и эксплуататором (данное доказательство приведено в его последнем собрании сочинений). А вот образчик его поздней демагогии: «Вообще для социализма, где валовой доход нации служит интересам народа, предпочтительнее его именовать *народным* доходом, чтобы тем самым подчеркнуть его качественное отличие от *национального* дохода стран капиталистических, где буржуазия использует его против интересов народа» (т. 4, стр. 234), и т. д.

И вот очередная ирония жизни заключается в том, что откровенные высказывания этого ведущего советского плановика и махрового коммуниста я вынужден использовать против социалистических доводов антикоммуниста Гэлбрейта. Вынужден, потому что слова Струмилины выражают подчас голую правду практики социалистического плана, а выводы Гэлбрейта о будущей плановой индустрии — лишь неверные, хотя для многих и убедительные теоретические построения.

ЗАКОН СТОИМОСТИ И СОЦИАЛИЗМ

Общепризнано, что социализм не отменил товарно-денежных отношений, хотя «отменил» рынок, конкуренцию и эксплуатацию. С точки зрения старой марксистской теории — это логическая нелепость, невозможность. И было раньше такое бескомпромиссное время, когда официально заявили, что товары и деньги при социализме — лишь условность, пока еще не отжившая форма, под которой скрывается новое содержание. Сегодня официально утверждается и прокламируется во всех газетах: что нет, товары и деньги при

социализме — действительно есть, что они — не условность, а настоящая реальность. Тот, кто, глядя на условные товары в магазинах и не находя нужных условных денег, пытался не верить глазам своим, теперь может облегченно вздохнуть: «Ну, слава Богу, признали!»

Однако по этой длинной дороге признаний наши мудрые руководители сделали только первые робкие шаги. Конец дороги еще совсем не видно (т. е., конечно, он виден любому — признание капитализма в качестве общественной экономической системы, необходимой для современных производительных сил). Но так как «шагающие» сознательно закрывают глаза и ужасно упираются при ходьбе, то, конечно, конца столь стремительного движения им не видно.

Но сегодня они признали прибыль, а еще вчера был признан закон стоимости.

Закон стоимости — главный и основной закон не только капиталистического производства, но и любого рынка. Это закон эквивалентного обмена товаров. Закон стоимости есть экономический закон товарного производства, по которому обмен товаров совершается в соответствии с количеством общественно необходимого труда, затраченного на их производство. Закон стоимости стихийно регулирует распределение общественного труда и средств производства между различными отраслями товарного хозяйства через механизм цен (так говорится в наших учебниках политэкономии).

Считается, что при социализме закон стоимости хоть и действует, но носит, во-первых, плановый, а во-вторых, ограниченный характер: «При социализме сфера действия закона стоимости ограничена прежде всего вследствие ограничения сферы товарного производства и товарного обращения. Она ограничена также действием экономических законов социализма, и в частности законом планомерно-пропорционального развития (ППР), являющегося регулятором производства и обращения в социалистическом хозяйстве . . . Государство, исходя из интересов народного хозяйства в целом, может устанавливать цены с известными отклонениями от стоимости товаров». (Б. С. Э., т. 41, стр. 20.)

Так теория политэкономии социализма оправдывает многолетнюю практику неэквивалентных обменов и производственных диспропорций! Что значит распределять продукты, например, ниже их стоимости? — Это значит искусственно

увеличивать на них спрос и их расход вместо более дешевых продуктов, т. е. означает потерю огромного количества труда, исключаящегося как разница между пониженной и истинной стоимостью всей суммы этих товаров — в масштабах страны. Что значит продажа товаров выше их настоящей стоимости? — То же самое! Брать их будут меньше, потребляя взамен более трудоемкие продукты. И та же потеря труда на сумме всех замененных товаров.

Следовательно, отклонения любого характера продажных цен от истинной стоимости товаров — это огромная растрата, хищение общественного труда: прямой убыток всего общества, не говоря уже о тех конкретных производителях, которые вынуждены продавать свою продукцию ниже истинной стоимости (вынужденная нерентабельность).

РЫНОК — СОВЕЩАНИЕ

Но такие прямые, сверху устанавливаемые отклонения цен от стоимости являются лишь видимой небольшой частью нарушений закона стоимости. Главная, подводная часть этого айсберга кроется в самом принципе планового ценообразования, в его жесткости и произвольности.

Известно, что количество общественно необходимого труда для изготовления каждого товара непрерывно меняется: оно зависит не только от успехов технического прогресса, но и от случайных природных условий, от международной и внутренней государственной политики, от новых открытий полезных ископаемых и изменения в моральной настроенности людей и т. д. Эти изменения, неизбежные как сама жизнь, получают свое отражение в колебаниях рыночных цен и вносят коррективы в истинную стоимость товаров.

Конечно, коррективы эти запаздывают по отношению к самим изменениям производственных условий, и в этом плане можно говорить о некоторой принципиальной независимости цен — стоимости товаров. Однако, если рассматривать рынок, как некий орган, воспринимающий информацию с мест производства и постоянно ее сравнивающий и анализирующий, то известные задержки на передачу и обработку информации будут неизбежны (теорема Шемнона).

Речь может идти только о том, чтобы свести эти задержки к минимуму.

Рынок — это огромная вычислительная машина, где каждый продавец и каждый покупатель вносит в дело сравнения и анализа свою лепту информации и разбора. Только здесь, в этом великом, поистине всенародном и даже всечеловеческом совещании производителей (по-настоящему свободном и демократическом) ежечасно и ежеминутно производится оценка и переоценка товаров и труда, их создавшего. Конечно, как и в каждом собрании, должно пройти некоторое время, пока его члены перестанут колебаться и придут к твердому решению. И, наверное, этот период можно уменьшать или упрощать — то ли частичным фиксированием ряда установившихся цен, то ли совершенствованием самого рыночного механизма, увеличением сечения его каналов связи с производством, облегчением торговых операций и т. д.

Примером может служить устройство биржи — этого усовершенствованного рынка производства, где все подчиняется задачам получения и сравнения максимального количества точной и своевременной информации. В нашей печати и общественном мнении до сих пор бытуют представления о биржах, как о сумасшедших домах, где взбесившиеся буржуи лупцуют и надувают друг друга. Это дремуче мужицкое представление современного социалистического интеллигента мне очень напоминает возмущение деревенской бабы городской давкой и сутолокой.

Обычно, как на коренной пороке рынка, указывают на отклонения цен от стоимости в процессе игры спроса-предложения. И даже возмущаются этой стихийной неэквивалентностью и растратами общественного труда. Взамен же предлагают вообще отказаться от определения цен на рынке. И вот тут приходит время задать вопрос: «Ну а как же можно определить цены без рынка? — 'Ценообразовывать' волей верховного вождя? Или интуицией Комитета цен? — Но на основе чего, каких критериев? — Ведь здесь требуется определить не туманную и многозначную 'справедливость', а вполне определенную и математически точную 'эквивалентность'!»!

Чем можно заменить великое рыночное голосование всех производителей, продавцов и покупателей? Эту вычисли-

тельную машину, в которой участвует почти все общество целиком? Чем?

Единственное, что предлагают в принципе марксистские «управители капиталистической политэкономии» — это ликвидацию товаров, денег и цен и введение вместо них некоего фантастического «прямого учета затрат рабочего времени» на производство продуктов. Как будто дело только в самом учете труда, а не в быстром и повсеместном сравнении этих затрат и выведении не средней арифметической и не «прогрессивно-передовой», а именно — общественно-необходимой, истинной стоимости.

Как будто можно придумать для этой цели что-либо более эффективное и надежное, чем учет затрат и сравнение их в торге самими производителями.

Придумать можно только неизмеримо худшее. И вся длительная практика нашего планового ценообразования это убедительно демонстрирует.

Обратимся к Струмилину:

Многие думают, что если у нас плановые органы устанавливают цены, «сообразуясь» с себестоимостью, то этим уже обеспечено достаточное действие закона стоимости. Но даже это далеко не так. Анализируя в свое время отпускные цены советских трестов за 1925—26 гг, я нашел, что отклонение их от цен производства колеблется в пределах от 7,3 до 21,1%, а от трудовой стоимости еще шире — от 31 до +250%. И это в среднем для целых групп производства, а не по отдельным товарам. За последние годы у меня недостаточно сравнимых данных, но по всему видно, однако, что от цен производства за 20 лет еще дальше отошли . . . И хоть избегаются кризисы, но неэквивалентность обмена — это тоже огромные потери . . . (т. 5, стр. 133).

Конечно, советские тресты 20-х годов, действовавшие в условиях ограниченной рыночной конкуренции, еще не могли достаточно сильно исказить цены, но зато эти возможности расцвели пышным цветом после завершения строительства социализма.

О современных меновых диспропорциях можно судить хотя бы по осторожной политике другого известного экономиста, акад. Островитянова:

За последние годы наметилась прогрессивная тенденция к сближению цен по стоимости. Она выражается в сбли-

жении уровня цен на средства производства и на предметы потребления (новые цены на сельскохозяйственные продукты и т. д.) . . . но нельзя признать обоснованными предложения некоторых экономистов провести одновременно повышение цен на средства производства *примерно вдвое*, доведя их до уровня цен на средства потребления.

В два раза отличаются цены наших товаров от своей истинной стоимости (или производственные машины дешевле, или, наоборот, потребительские товары в 2 раза дороже, чем следовало бы).

Следует только вдуматься в «простые эти строки»! Они означают недопотребление в 2 раза необходимых вещей, означают в 2 раза более низкий уровень жизни, чем указывается нашей официальной статистикой. Одновременно это означает, что необходимые себе продукты население получает какими-то другими неофициальными путями, т. е. означает прямой стимул к воровству и ведению натурального хозяйства.

С другой стороны, это означает продажу машин и всей техники — предприятиям и колхозам — за половину их стоимости? Это означает увеличенную в два раза бесхозяйственность, ломку дорогих на деле машин, их плохое использование, раскулачивание на запчасти и т. д. Короче — означает гибель техники в том же самом соотношении. Плюс к тому же — хроническая убыточность машиностроительных предприятий, их зависимость от государственных дотаций; невозможность нормального, уверенного существования. Одна только эта диспропорция нашего народного хозяйства наносит ему колоссальный ущерб, снижая почти в два раза общественную производительность труда.

Можно выписывать за золото из-за границы новейшие производительные агрегаты, можно заставить всех работать от мала до велика, интенсифицировать труд рабочих до предела, завлекая их на личные рекорды превыше всех мировых достижений — все равно, общая производительность труда будет значительно ниже, чем в нормальных рыночных странах, даже со старыми машинами и бастующими рабочими, — но без подобной диспропорции. (Кажется, еще Хрущев признал, что производительность труда в нашей

промышленности в 4 раза, а в сельскохозяйственной в 9 раз ниже, чем в США соответственно.)

Я говорю здесь только о прямых материальных убытках. Но ведь они вызывают и колоссальные косвенные убытки. Хотя бы — моральные. Действительно, какому дураку будет охота надрываться на работе, экономить производственные копейки и минуты, догоняя США, если он видит, как тут же выбрасывается и валяется под заводским забором новое, еще не использованное оборудование, уже на тысячи рублей и на миллионы? Или, тем более, сознавая, что одним только волевым решением руководства труд всего общества обесценивается в два раза? Кому будет охота исполнять роль крыловского мальчишка, упустившего воду всей запруды, а потом отгоняющего кур от последней лужи? — «А, пропади все пропадом, делайте, что знаете — где бы ни работать, лишь бы не работать» — эти настроения стихийной и необъявленной «итальянской забастовки» тоже прямое следствие планового «ценообразования».

КОМИТЕТ ЦЕН ВМЕСТО РЫНКА

При социализме цены товаров не определяются и не узнаются, а «образовываются», т. е. назначаются верховной организацией — Комитетом цен при Совете министров СССР.

Принципиальная схема такого «ценообразования» очень проста. Составляется примерная калькуляция себестоимости товара (сумма затрат на амортизацию оборудования, материалы и зарплату), и к ней приплюсовывается налог с оборота (в пользу государства) и собственная прибыль предприятия — в определенном, заранее установленном процентном отношении. Несколько арифметических операций — и цена готова! Однако на деле все не так просто, как в части того, какую именно среднюю себестоимость взять за основу (ведь на каждом предприятии она разная), так и в том, какую именно заложить прибыль и налог. Это все — предмет высокой политики, а вернее — обычного волюнтаризма руководства, возведенного в ранг политики. Еще в 1927 г. февральский пленум ЦК партии декларировал, что «в проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а, следовательно, и политические проблемы советского государства»

(«КПСС и революция», т. 2, стр. 225). А заключается эта «большая политика» в поощрении то одной, то другой отрасли хозяйства, той или иной группы населения — снижением или повышением цен на различные группы товаров (т. е. созданием все новых и новых хозяйственных диспропорций).

Вот вкратце и вся работа Комитета цен. Никаких других методов научных расчетов и подробных сравнений в масштабах страны, никаких потоков информации, хоть немного способных заменить рыночный механизм, — нет! И лишь интуиция работников Комитета, давление бесчисленных просьб предприятий об изменении цен и . . . оглядка на цены мирового рынка позволяют избегать меновых диспропорций в сотни процентов.

Но обратимся к авторитетному свидетельству акад. Струмилина:

Что касается нашей практики ценообразования, то в ней ясности до сих пор не чувствовалось. Вполне понятно, что практики не имеют достаточно времени, чтобы слишком углубляться в теорию планирования цен в совершенно новых экономических условиях, когда стихия рынка уже не приходит им на помощь в этой нелегкой задаче. В таких условиях нетрудно и заблудиться в каких-нибудь идеологических пережитках, тем более, что и теоретики, игнорируя закон стоимости, не спешили им на помощь. Во всяком случае, за много лет планирования цен только один из прямых в нем участников освободился от своей нагрузки в этой практике, удосужился написать целую диссертацию о ценообразовании в СССР. Автор М. Турецкий в отображении всей кухни тогдашнего ценообразования в СССР был, несомненно, на высоте своей задачи. Он сам ведь стряпал на этой кухне. Ему, как говорится, и карты в руки. Но при всем том теоретическая ценность отображаемой им практики поражает своим убожеством. Цены планировались, по-видимому, от случая к случаю, скорее ощупью, чем следуя определенным теоретическим критериям (т. 4, стр. 340).

В условиях СССР, как всем известно, существуют обмен и цены. Но сказать, что у нас выработалась уже полная теоретическая ясность в отношении той методологии, из которой эти цены устанавливаются в нашей практике, я бы не отважился . . . По Марксу надо ориентироваться на стоимость, которая никому не известна.

Раньше ее у нас принципиально игнорировали. Теперь это уже невозможно. И ее игнорируют уже попросту, без фраз. Но хрен редьки не слаще. И беспринципное игнорирование стоимости нельзя предпочесть принципиальному.

К сожалению, экономическая теория в данной области не опережает эту весьма беспомощную практику. Еще недавно, например, имела хождение теория, по которой определение трудовой стоимости нашей продукции вообще задача неразрешимая. Эта весьма утешительная для ленивых умов теория непознаваемости стала важной для нас экономической категорией, вполне могла бы устроить некоторых из наших практиков. «Непостижимая» стоимость, которую до сих пор не знали и знать не будем, провозгласив от имени науки свое «игнорабимус» (не сможем знать), не может, конечно, стать ориентиром в практических процессах ценообразования, ибо как ориентироваться на непознаваемое? Известна, например, целая докторская диссертация, посвященная специально вопросам ценообразования в СССР, в которой, однако, нет и намека на необходимость строить наши советские цены в соответствии с требованием закона стоимости. Куда же направляет практику подобная наука? (т. 5, стр. 132).

... По какому же принципу осуществляется у нас на деле ценообразование? На этот вопрос трудно ответить сразу, ибо воздействие на наши цены переложения накоплений из первого подразделения во второе, рычагом так называемого налога с оборота, является у нас в ценообразовании пока решающим фактором. Но в исчислении его господствует голая эмпирия, не подкрепленная никакой теорией... (т. 5, стр. 135).

Вот вам выразительный очерк положения ценообразования. Поистине, здесь убожество «науки» соперничает с убожеством практики. Не забудем и о том, что теория самого акад. Струмилина, настаивающая на принятии «трудовых» цен Маркса вместо обычных цен производства (см. первый очерк), способна наделать еще более ошибок и диспропорций. Впрочем, вполне естественно, что Струмилин, осознав научное убожество вокруг себя, остановился перед аналогичной оценкой своего собственного творчества.

Чтобы показать, что картина, нарисованная Струмилиным, — совсем не прошедшие наши грехи и не брюзжание престарелого академика, рассмотрим еще более авторитет-

ное и свежее свидетельство: статью в «Правде» от 10. 7. 70 г. «Новая техника и оптовые цены» самого ценового бога — председателя Комитета цен при СМ СССР В. Ситнина. Здесь от Струмилинской резкости не осталось и следа, но суть проглядывает все та же.

Во-первых, он сообщает о реформе оптовых цен в 1966—67 гг., которая несколько исправила положение, ликвидировав «убыточность угольной, железнорудной и других отраслей промышленности». Однако установление цены уже требует нового пересмотра:

Так, например, цены на сырую нефть установлены без учета наличия в ней механических примесей, не говоря уже об ее природных свойствах... Аналогичное положение и с каменным углем. Цены на прокат черных металлов недостаточно учитывают необходимость стимулировать выпуск машин наиболее трудоемких и прогрессивных профилей.

... Уже спустя три года после введения новых оптовых цен на машины, приборы и оборудование, в некоторых отраслях машиностроения сложился явно завышенный уровень рентабельности. Причина тут в том, что цены на отдельные машины устанавливались применительно к затратам в первый период их выпуска, а по мере увеличения масштабов производства себестоимость значительно снизилась... У предприятия исчезает экономическая заинтересованность в замене выпускаемой продукции на более совершенную, поскольку старая дает хорошую прибыль. Следует вносить систематические поправки, а для новой техники вводить заранее ступенчатые цены (с определенными сроками снижения цен).

Кто же виноват в такой неповоротливости и неэффективности системы цен? — Председатель ссылается на своих коллег: «К сожалению, большинство машиностроительных министерств мало уделяет внимания этим вопросам, стремясь сохранить достигнутый уровень рентабельности, независимо от того, как он получен... и даже всячески сопротивляясь снижению цен на их продукцию» — и на Госплан СССР, который «до сих пор не разработал достаточно эффективной системы учета изменения цен в планах промышленности...»

Другая причина — в задержках разработки и утверждения новых цен со стороны различных институтов и ведомств:

Предложение, представленное предприятием, рассматривается крайне медленно. Так, например, около 2 лет велась переписка между заводом изготовителем и Ленинградским институтом электромеханики по проекту цен на электродвигатель «ДГ-ОИМ». Министерство электротехнической промышленности около года разрабатывает и до сих пор не представило проекта оптовых цен на двигатели других типов... Нередко своевременное введение цен затрудняется тем, что технические условия на новую продукцию без всяких нужд рассматривают и согласовывают во многих инстанциях. На Курском трикотажном комбинате, например, они проходили 13—15 инстанций, для чего требуются месяцы...

И, наконец, своеволие и разбой местных предприятий, которые умудряются выполнять планы по прибыли не за счет повышения производительности труда и прочих капиталистических ухищрений, а за счет простого и самовольного повышения цены на свою продукцию: ведь в условиях полной монопольности поставщика и «условности» денег потребителя это очень легко осуществляется! Председатель приводит примеры миллионных прибылей такого рода. Оказывается, такие вещи практикуются довольно часто и легко сходят с рук.

Что же предлагает председатель для исправления этой убогой и разбойной практики? Немногое. Наказывать своевольных более строгими выговорами, ускорять рассмотрение новых цен (для самих органов ценообразования — срок 10 дней), всем стать хорошими... и, конечно же, Госплану — выдать, наконец, хорошую методику своевременного изменения цен!

Бедный Госплан!

Как мы видим, если не учитывать искажения большой политики, то роль Комитета цен сводится к тому, чтобы ощупью отыскать эквивалентность продуктов, угадать их правильную стоимость. Он как бы заменяет рынок, выполняет его работу, — но несравненно более грубо и медленно.

Если на рынке сравнение товаров происходит почти мгновенно, ежеминутно, коллективной волей всех производителей, то в Комитете цен — после долгой и капитально бюрократической суетни. И, конечно, сама замена мобильного рынка на медлительный бюрократический орган Комитета

со своими десятками инстанций, есть источник огромных потерь общественного труда при социализме.

Комитет цен способен лишь исправлять уже ошибочные цены, исправлять свои собственные, но ставшие видимыми и давно назревшими ошибки, диспропорции, уже абсолютно нетерпимые.

В этом плане Комитет цен действительно является неким захудалым, несовершенным, но все же регулирующим наше производство маленьким рынком, и очень понятны заботы его председателя о повышении быстродействия, гибкости авторитетного своего органа — уж очень многое от него зависит. Но разве могут эти мелкие усовершенствования довести эффективность Комитета до эффективности природного рынка?

Конечно, нет. Только — если он станет просто рынком.

ДИСКУССИЯ МАТЕМАТИКОВ И ЭКОНОМИСТОВ

Справедливости ради надо сказать, что не вся наша наука отличается вышеописанным убожеством. Судить об этом можно по отзвукам недавней дискуссии математиков и экономистов по проблемам ценообразования и планирования — в статьях академиков Островитянова и Струмилина:

... нельзя не отметить, что есть еще некоторые математики, которые пытаются решить вопросы ценообразования с позиций, противоречащих марксистско-ленинской политэкономии и закономерностям социалистической экономики...

... Согласно марксистско-ленинской политэкономии, в основе цен лежит стоимость товаров, определяемая общественно необходимыми затратами труда, а некоторые математики предлагают при определении цен ориентироваться на дефицитность товаров и устанавливать цены в соответствии с худшими условиями производства.

... Ориентироваться на дефицитность товаров и на худшие условия производства при установлении цен, есть по существу ориентирование на игру спроса и предложения. В условиях товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства, цены устанавливаются в результате свободной игры спроса-предложения. Этот стихийный механизм действия закона стоимости связан с перепроизводством (???). В социа-

листическом обществе цены устанавливаются в плановом порядке с учетом стоимости товаров. В условиях социалистической экономики совсем не обязательно в случае дефицитности товаров прибегать к повышению цен на эти товары — можно преодолевать эту дефицитность путем подъема производства на основе передовой техники. При помощи теории спроса и предложения можно объяснить только временные колебания цен вокруг стоимости. Для того, чтобы определить стоимость товаров, Маркс абстрагировался от этих колебаний — предполагая равенство спроса и предложения. А некоторые математики оценку ресурсов, имеющихся в достаточном количестве, приравнивают к нулю, что с экономической точки зрения является абсурдным...

(Островитянов, «От социализма к коммунизму», стр. 183.)

Отчетливо демонстрируется здесь позиция двух направлений нашей науки: математиков, которые в союзе с практикой стремятся к устранению хозяйственных и меновых диспропорций построением хотя бы математической модели рыночного механизма... и представителей омертвевшей марксистской политэкономии. Сам Маркс абстрагировался от рыночной игры спроса-предложения совсем не для определения конкретных цен, а для последующего анализа капиталистической экономики. Он не игнорировал этот механизм, а принимал его как само собой разумеющуюся, необходимую предпосылку современного хозяйства. Его же «ученики» не то что доводят мысли Маркса до абсурда, а просто подсовывают ему свой абсурд, пытаются абстракциями заменить новое и реальное тело рыночного механизма.

А вот и полемика акад. Струмилина:

Модель акад. Канторовича, Новожилова... поддержанная акад. Соболевым, отражает вульгарный закон спроса и предложения, в сочетании с идеями предельной полезности по Вальрасу, которые всегда противостояли закону стоимости Маркса и никак не совместимы с марксизмом.

...творческий марксизм должен отдаляться, а не сближать социалистическую науку с такими ориентирами буржуазной мудрости (т. 5, стр. 207).

Как видим, математики и марксистские политэкономы не могли и не могут сговориться. Причем решающим аргументом со стороны последних в этой научной дискуссии служат обычные политические обвинения в отступничес-

тве от марксизма, в прислужничестве буржуазной науке и прочие гадости. (Вот еще один «перл» Струмилина: «Кантович повторяет зады австрийских социал-оппортунистов, пытается обогатить социалистическую науку отбросами буржуазной апологетики . . .»)

Конечно, в наших условиях подобные «научные аргументы» пока являются решающими. Попытки настоящих ученых довести до сознания руководства истинное положение вещей кончаются прахом вроде этой дискуссии. И все же ученые не успокаиваются. После некоторого перерыва, появляются новые имена, горящие желанием внести свет истины в столь важную для народа область знаний. И снова их исследования кончаются публичным разносом и административными выводами.

Ярким примером такого разноса служит статья в «Правде» от 30. 10. 70 г. Соловьева «О товарно-денежных отношениях в социалистической экономике». Приведем некоторые из этих завершающих ударов дубинкой:

Утверждения некоторых экономистов о том, что социализм — это типичная разновидность товарного производства, логически приводит к пониманию сущности социализма не как непосредственно общественного производства (???) , а как системы товарного хозяйства. Это далеко не безобидно как теоретически, так и практически в особенности. На этой «теоретической основе» возникают пожелания дать «простор» закону стоимости, так называемой проблеме «план и рынок», утверждения, что и при социализме рабочая сила является товаром . . . Поскольку продукты труда, потребляемые рабочими — товары, то и рабочая сила — товар, утверждают эти экономисты. Однако подобная аргументация — результат элементарного заблуждения: непосредственное общественное соединение средств производства и рабочей силы при социализме ликвидирует характер рабочей силы, как товара . . . *вот и все доказательство!*

Непонимание места товарно-денежных отношений в планомерно-организованной экономике (прямо гэлбрейтское общество, — К. Б.) и новой, исключительно важной роли субъективного фактора (руководство, видимо, — К. Б.) в развитии социалистического общества проявилось в постановке некоторыми экономистами вопроса об установлении хозяйственных связей между социалистическими предприятиями на основе свободного выбора

партнеров, развитии внутриотраслевой конкуренции, об ослаблении централизованных начал в ценообразовании, введении коммерческого кредита и т. д.. Подобные постановки вопросов принижают экономическую роль социалистического государства. На практике такой «механизм» привел бы к утрате преимущества социализма и к серьезным затруднениям в экономике.

... Глубоко неправы экономисты, отождествляющие деятельность социалистического государства по планомерному развитию производства с администрированием и считающие экономическими лишь методы, связанные с использованием стоимости форм и категорий... Партия не отвергает административных методов в руководстве производством...

Задачи, выдвигаемые практикой строительства социализма и коммунизма, идеологической борьбой с буржуазными и ревизионистскими взглядами остро ставят вопрос о дальнейшем развитии теории товарно-денежных отношений в социалистическом обществе. Ученые-экономисты должны усилить разработку...

С такими призывами кончается настоящая наука, уступая место распрям в среде самих правоверных политэкономов, вроде споров о том, что понимал Маркс под стоимостью товаров, и как же ухитриться ее исчислять на практике. Эти псевдонаучные раздоры длятся бесконечно, рождая даже у их участников бесплодную усталость:

Малая продуктивность теоретических дискуссий по проблемам ценообразования видна уже из того, что она длится годами, а воз планового ценообразования и ныне там, где он пребывал и десятки лет тому назад. Как видно, преодолеть эту инерцию многолетней практики одними лишь аргументами — неразрешимая задача. Логические аргументы — слишком легкое для этого оружие, особенно, когда их слишком много и за и против любой концепции и когда даже противоположные мнения сближаются почти полностью и искажаются в неразберихе до неузнаваемости. (Струмилин, т. 5, стр. 225.)

Такова эта «наука» на службе у всемогущего руководства, для которого социалистическое обоснование собственного самодержавия гораздо важнее мук совести за расточительство громадных количеств народного труда и благ.

РЫНОЧНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Любое распределение продуктов или товаров неразрывно связано с их предварительным производством, т. е. тем или иным образом должно регулироваться производство. При капитализме этим занимается все тот же рынок, а при социализме этим занимается уже не Комитет цен, а другое ведомство — Госплан, согласно так называемому социалистическому закону планомерно-пропорционального развития (ППР).*

На рынке же игра спроса и предложения обеспечивает как установление правильных цен, так и установление правильных производственных пропорций. Здесь это одно и то же, вернее две стороны одной и той же медали.

Рынок не планирует производство, а очень быстро изменяет, исправляет его пропорции согласно изменяющимся потребностям. Следуя своей обычной логике, марксисты толкуют о ползучей эмпирике рынка, о том, что он может только исправлять, но не может предвидеть и планировать на 100% — соответствие спроса и предложения. С этого они обычно начинают, а кончают — установлением примитивной канцелярщины Госплана.

Другое дело либералы типа Гэлбрейта. Они рекламируют «новое» планирование самих фирм-корпораций, которое мол, уже почти совсем изничтожило рыночное регулирование и влияние.

По Гэлбрейту получается примерно так: захотел некий президент крупной корпорации производить тот или иной продукт — он отваливает несколько миллионов на рекламу, несколько миллионов на техническую оснастку; технологи и рабочие изготавливают, а коммивояжеры всучивают и окол-

---

* По поводу ведомственного разделения функций закона стоимости, следует сослаться опять же на акад. Струмилина: «... тот, кто вздумал бы, скажем, планировать цены по одному 'департаменту', а производственные пропорции — по другому, не добиваясь полного соответствия меновых пропорций — производственным, наплодил бы лишь весьма неприятную 'неразбериху' и излишние просчеты в той или другой области». Странно только, что Струмилин назвал советские ведомства (Госплан и Комитет цен) — департаментами! Странно, но симптоматично.

пачивают обывателя ненужной совсем ему вещью — и, как итог, новые миллионы бегут в кассу корпорации.

Если бы так было в жизни, то, конечно, это было бы планированием и управлением. Но так не бывает. И несчастный президент семь раз примеряет конъюнктуру рыночного спроса, прежде чем решиться даже на маленькое «прирежем» в производстве важного товара. То, что Гэлбрейт называет планированием фирм, есть нечто совсем иное. Это — *прогнозирование*. Прогнозирование — это не зачеркивание рынка, не помеха его работе, не искажение истины, а простое угадывание основных рыночных ситуаций в будущем и соответствующее им *планирование* работы собственных предприятий. Конечно, внутри предприятия план всегда был нужен, но не взамен же рынка!

Большое внимание в книге Гэлбрейта уделено роли рекламы в формировании рыночного спроса, этой своеобразной обратной связи, существованием которой Гэлбрейт и пытается обосновать отсутствие рынка.

Прочитывая мнение своего американского оппонента: «Потребитель осуществляет, можно сказать, верховную власть... Каждый из них выступает в качестве избирателя, использующего свой голос, чтобы заставить производить именно то, что ему нужно», — Гэлбрейт следующим образом иронизирует над тезисом о демократической сути рынка:

Власть над промышленным производством, осуществляемую крупными фирмами, оправдывают тем, что предоставляется большая свобода потребителю. Фирма ставит свою мощь на службу потребителю, сама же она выступает лишь как покорный его слуга... Один из способов избавить себя от неприятной ответственности состоит в том, чтобы убедить себя, что потребитель является подлинным хозяином, а бизнесмен — всего лишь исполнитель его приказаний... Не случайно суверенитет потребителя часто сравнивают с осуществлением политической демократии (голосование на свободном рынке). Если же потребитель не является сувереном, если часть избирательных бюллетеней опускается от имени производителей, то приведенные выше аргументы оборачиваются другой стороной (стр. 206).

Вообще-то, вопрос серьезный и в своей логической сути сводится к вопросу о том, может ли производственная машина через свою рекламу безгранично убеждать людей-по-

требителей к подчинению своей власти. Имеется много литературы, предсказывающей будущее, в котором машины сводят людей на уровень придурковатых потребителей. Гэлбрейт же усматривает подобный процесс уже сейчас.

Я лично не верю в такую пассивность и податливость человека, со всей его жадной познания и силой первобытных инстинктов. В настоящем и тем более в будущем. Я просто думаю лучше о человеке. Но ведь сейчас мы обсуждаем совсем другой вопрос, а именно: осуществляется ли сегодня, в Америке допустим, свободное рыночное соответствие предложения и спроса? — Да или нет? А если «да» (даже Гэлбрейт этого отрицать не будет), то какая разница — чем вызван этот свободный спрос — войной ли, увеличением appetitов или просто рекламой?

Гэлбрейтово отрицание рыночной демократии мне очень напоминает типичное для нас рассуждение об антидемократичности буржуазной демократии. Логика его такова: богатые люди могут организовывать мощные избирательные кампании и убеждать (подкупать) большое количество избирателей, бедные же так не могут, следовательно, господствуют богатые, их деньги, а демократия отсутствует.

Порочность этой типичной марксистской логики ясна: пользуясь ею, у избирателей отнимают их право поддаваться «чуждым влияниям» и заменяют правом «без колебания» следовать указаниям «родной партии». И если в первом случае избиратель колеблется между кашей гречневой и кашей пшенной, но ни за что не проголосует за собственный расстрел и раскулачивание, то во втором случае — он проголосует за что угодно. Руководство здесь не связано по рукам и ногам различными парламентскими условностями, необходимостью считаться с общественным мнением, независимой прессой и т. д. — ему предоставляется широчайшая свобода действий по «построению нового общества». И как неправ был Сталин, объясняя в 1937 г. Л. Фейхтвангеру страшные неудобства работы государственных деятелей капиталистических стран с их «парламентскими говорильнями»! И как это похоже на давний смех великого государя Ивана Грозного над своим противником, польским королем Стефаном Баторием: «Разве это государь, если его собственные людишки в сейме ему в деньгах отказали?»

Но это все к слову будь сказано. Реклама не меняет су-

ти рынка, так же, как прогнозирование не равнозначно волевому планированию.

Впрочем, надо отдать должное Гэлбрейту: сам он не в восторге от социалистического планирования и ясно видит его недостатки. Посвящая социализму весьма небольшую часть своей книги (одна глава из 35), он все проблемы сводит к необходимости децентрализации экономики, к освобождению предприятия от бюрократического контроля.

Конечно, такое предложение практически свелось бы к созданию современного рынка со всеми отношениями нормального капитализма. Но Гэлбрейт это практическое предложение обставляет такими теоретическими выводами, которые затемняют и даже зачеркивают эту главную суть. Глава так и кончается:

Демократизация в экономических системах советского типа означает не возврат к рынку, но перемещение некоторых плановых функций от государства к фирме. В этом отрицается в свою очередь тот факт, что техноструктура (руководство) советских фирм испытывает потребность в экономических рычагах, необходимых для успешной деятельности в условиях самостоятельности. Тем самым децентрализму способствует самостоятельность предприятий. Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем, как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок. Наблюдается явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования (стр. 152).

Если эту цитату показать нашему типичному партийному работнику, то после некоторого размышления он, видимо, скажет следующее: «Конечно, здесь правильно отражен факт, что час капиталистического рынка давно пробил, а общественное производство при капитализме требует руководства и планирования. Однако отсутствие классового чутья мешает товарищу, извините, г-ну Гэлбрейту понять, к какому именно планированию идет капитализм, и питает его буржуазные иллюзии о якобы намечающемся размягчении диктатуры пролетариата, чего, конечно, не может быть никогда. Тем не менее эти признания видного американского экономиста свидетельствуют о силе наших идей и п. и пр. . .»

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Под знаком плана проходит вся наша социалистическая жизнь. Как делается план?

Каждое предприятие рассчитывает вперед на год или даже больше, что ему будет нужно (план материально-технического снабжения) и что оно будет производить само (план производства). Эти данные со всех предприятий обобщаются в министерствах и сводятся в единый баланс Госпланом СССР, выводы которого воплощаются уже высшей властью: съездом — в директивы, а Верховным Советом — в закон.

То, чем рынок занимается попутно с процессом продажи самих товаров, теперь выполняет бесчисленная армия счетных работников-плановиков. Причем в связи с ежегодным ростом производства, строительством новых предприятий и учреждений новых организаций, усложнением их связей и взаимовлияний, в еще большей степени должна расти эта счетная армия (чтобы успевать выполнять ленинский закон: «Социализм — это учет»).

Между прочим, на рынке эта проблема не возникает: каждое новое количество обменивающихся товаров несет вместе с собой и соответствующее увеличение рынка на количество продавцов этих товаров. Рынок можно сравнить с вычислительной (сравнивающей) машиной с неограниченной информационной мощностью.

При социализме же положение совсем иное. Советские кибернетики уже давно вычислили, что если технический уровень плановых работ будет оставаться неизменным (без использования ЭБМ), то уже в 1980 г. плановыми работами придется загрузить все население СССР.

До 1980 г. осталось не так уже много времени, а воз технического перевооружения планирующих организаций и ныне там: господствуют счеты и усовершенствованные арифмометры. Даже те вычислительные машины, которые имеются в распоряжении страны (в США с их мощным, все разрешающим рынком — и то ЭБМ в несколько раз больше, чем у нас), — не используются толком. Их ожидает обычная социалистическая участь любой новой техники.

Если же у нас до сих пор еще полстраны не записано в плановики, то только благодаря постепенному удушению

качества планирования, умножению диспропорций, увеличению развала.

Может, кибернетики ошиблись в своем прогнозе на 1980 год? — Я думаю, что если они и ошиблись, то в обратную сторону: отнеся на 1980 г. решение задачи, вообще не имеющей решения с помощью любого количества людей и машин.

Действительно, даже при гениальных плановиках и сверхмощных машинах, для составления точного плана надо точно предвидеть все возможные потребности и все возможные в будущем изобретения в производстве. Предвидеть надо на длительный срок, в несколько раз превышающий срок составления плана, его доведения до производства и необходимой подготовки.

Можно ли предвидеть точно потребности научно-исследовательских институтов и любых других предприятий в условиях научно-технической революции, когда совершенно новое и непредвиденное появляется чуть ли не ежедневно? Одно это обстоятельство зачеркивает возможность точного планирования и для 1980 г. и вообще.

На практике все заявки потребителей составляются с предельным запасом по всем позициям, так же, как планы производства поставщиков составляются на минимум возможного. Ведь за лишнюю трату запланированных продуктов бить никто не будет. Между прочим, вот вам одна из главных причин постоянного торгового голода в стране, непрерывного торгового кризиса.

Я приведу лишь один пример подобного рода, с таким ценным товаром, как рабочая сила с высшим образованием (статья в «Правде», «По заявкам с потолка» — о распределении молодых специалистов). Обсуждается следующий факт: половина выпускников Пензенского политехнического института, текстильщиков по специальности, получила направление в другие области и на работу в прачечные — технологами, экспедиторами и т. д., — явно не по специальности и впустую. Факт сам по себе вполне рядовой, но интересно, что узнал корреспондент, расследуя это дело. Власти области жалуются, что им не хватает текстильщиков, руководство прачечных, где работают пензяки-текстильщики, в свою очередь заявляют, что им инженеры будут нужны только в отдаленном будущем, когда построят мощные прачечные фабрики, но, с другой стороны — «зачем же отказы-

ваться от специалистов, если их дают?» Затем идет следующий текст:

Итак, все дороги вели в Госплан республики. Признаться, я ожидал возражений, ссылок на формализм отдельных работников. Но услышал иное. История Л. Войковой и ее однокурсников не то что никого здесь не удивила — ее сочли мелочью, не стоящей внимания. Оказываются подобные «казусы» происходят сплошь и рядом. Больше того: они неизбежны, считают работники Госплана.

Наши планы распределения выпускников весьма условны, — с обескураживающей откровенностью сказал начальник отдела вузов т. Кореник. — Вся беда в том, что мы не знаем истинную потребность народного хозяйства в специалистах. Ведомства дают в своих заявках зачастую не соответствующие данные, а нам приходится ориентироваться на эти цифры. Вот и возникают «накладки».

Тот же Челябинский банно-прачечный трест, где, по словам директора, инженеры не нужны, ежегодно запрашивает по несколько выпускников вузов. В нынешнем году, например, подана заявка на 6 человек. Эта цифра перекочевала в бумаги Министерства коммунального хозяйства, а оттуда в Госплан.

— У нас штатное расписание такое, — говорят в тресте, — записаны инженеры, вот их и просим . . .

Естественно, что в процессе увязки планов потребителей и поставщиков, Госплан срезает заявки и планирует предельную загрузку всех производственных мощностей без исключения (ибо заявки на все имеются в изобилии). Урезание же заявок происходит по интуиции работников Госплана и Комитета снижения цен — кому правильно, а кому позарез необходимое. Здесь планирование сводится к голой воле верховного распределителя: дать тому, кто мне симпатичен, ведь все равно на всех не хватит, и наоборот.

Но обычно верховное «разумение» сводится к очередному утверждению прошлогоднего плана, к сохранению статус-кво плюс небольшой процент роста. Дело планирования предельно упрощается, счетная армия становится почти ненужной, но государственное хозяйство из развивающегося, меняющегося по ходу технического прогресса организма превращается в некое равномерно и бесцельно разбухающее во все стороны тесто. И только оглядки на догоняемый запад-

ный мир позволяют руководству время от времени сокращать рост технически отсталых отраслей и подогнать передовые (паровозостроение и производство ЭБМ — тому яркие примеры).

Что же касается неправильно урезанных заявок или невыполнения даже утвержденных заявок, то с этой типичной бедой наши предприятия давно уже научились бороться.

Один из таких методов: всемерное создание своего собственного «натурального» хозяйства инструментов, материалов и т. д., то есть всего, что трудно достать сверху. Здесь я сошлюсь только на одну статью «Правды» от 16. 9. 70 г. — «Что база пришлет». Я не буду ее пересказывать, слишком долго надо говорить про известные факты: постоянную нехватку металла нужного профиля, изготовление своими силами и кустарным способом (например, металл по себестоимости стоит на предприятии 6350 руб. за тонну, при гос. цене — 183 руб. за тонну), нерадивость поставщиков, некачественность и крупносерийность поставок и т. д. и т. п. Больше всего тут следует удивляться тому, что даже в таких условиях современные предприятия умудряются работать и выпускать продукцию.

Другой метод — создание мощной службы снабжения на каждом предприятии — настоящей снабженческой армии (интересно, есть ли у Ленина определение: «Социализм — это снабжение» — оно было бы очень кстати). Снабженцы, толкачи и командировочные выпрашивают и выменивают у предприятия что угодно, благо лишнего запаса у всех хватает. И если производству требуется срочно то или иное оборудование или сырье — вне всяческих планов и графиков снабжения (а для любого развивающегося предприятия такие срочные потребности — совершенно необходимое явление), то лучше менял-снабженцев помочь никто не сможет.

Таким образом, наше производство работает сравнительно нормально благодаря существованию подпольного рынка в недрах снабженческих связей. Рынок на практике, на деле, продолжает существовать и делать свое необходимое дело в самой «плановой» стране мира. И только благодаря ему существует наше производство, только благодаря ему страна поддерживает пока свою роль «великой промышленной державы» (внутри себя).

И только из-за стеснений и запретов, которые налагаются на этот рынок, мы не можем стать действительно великой и передовой промышленной державой.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НАУКА О ПЛАНИРОВАНИИ

Понимают ли это наши ученые? — Да, как и в проблемах ценообразования, здесь тлеют дискуссии. И даже такие правоверные марксисты, как акад. Струмилин, уясняют себе необыкновенную сложность правильной плановой работы, заключающейся в непрерывном определении баланса всего народного хозяйства, где любое изменение одной из частей изменяет весь баланс-гомостат:

Только постоянная балансовая увязка планируемых мероприятий между собой и с ожидаемыми результатами, с учетом всех объективных закономерностей расширенного производства, может предостеречь Госплан от проектирования заведомо нежелательных и вредных диспропорций. И Госплан, как известно, широко пользуется балансом в своем проектировании, но в его практике доньше использовались чаще всего частные балансы всякого рода... и вовсе не были в ходу *общие* балансы народного хозяйства, с охватом всех элементов и ступеней расширенного воспроизводства в их систематическом расчленении и связанном единстве... Возможность таких членений и группировок в наших народнохозяйственных балансах в качестве мощного орудия планирования не подлежит сомнению. В них заложена одна из важнейших предпосылок вполне научного, сознательного планирования не ощупью и наугад, с риском крупных и опасных просчетов, а с полной уверенностью в достижении намеченных результатов. К сожалению, наша статистика далеко еще не обеспечивает советских плановиков таким вооружением. Мы до сих пор еще не имеем достаточно проверенных и надлежаще апробированных работ по балансу народного хозяйства. Келейные опыты построения их в ЦСУ мало кому известны и, казалось бы, пора эти опыты подвергнуть более широкому обсуждению и изучению. Прошло около 40 лет с начала работы ЦСУ над балансом народного хозяйства СССР. Это уже весьма великовозрастный младенец. И если он еще не вышел из утробного состояния, то очевидно требует-

ся неотложная помощь со стороны для появления, наконец, на свет Божий этого очень нужного нашему плано-вому хозяйству младенца (т. 4, стр. 268).

Струмилин высказывает здесь весьма распространенную в среде нашей интеллигенции, особенно научной, иллюзию — о возможности наладить социалистическое планирование — на основах науки и применением ЭБМ — пусть только ученым дадут эту возможность, пусть им только позволят навести порядок в хозяйстве.

Все иллюзии вредны, и эта — тоже. Она опровергается как практическими попытками, так и теоретическими рассмотрениями вопроса. Вот как, например, высказывались математики на совещании по обсуждению опыта машинного планирования (в пересказе акад. Струмилиной): все они говорили очень скептически о возможности построения полного общехозяйственного баланса даже в будущем. Даже математики на службе Госплана заявили, что им и целого десятилетия не хватит, чтобы справиться с некоторыми счетными проблемами баланса (миллионы переменных и миллионы ограничений). Говорилось лишь о зачаточных успехах, о том, что машины(!) плохо приспособлены (акад. Глушков), и пр. Но вот главный счетчик страны — директор Вычислительного центра АН СССР, А. А. Дородницын — прямо заявляет, что создание абсолютно централизованной системы планирования вообще ни на каких реально мыслимых сверхмощных машинах практически не осуществимо — и, стало быть, даже при наличии ЭБМ без известной децентрализации планирования с ориентировкой в основном на локальные задачи и «автономные блоки» не обойтись . . . . никакие машины, которые существуют в настоящее время и которые появятся в ближайшем десятилетии, не помогут решить задачу машинного технического планирования из одного центра хотя бы потому, что никогда не сумеем построить баланс, охватывающий десятки миллионов позиций. А в масштабах планов местного значения — на отдельных участках хозяйства мудрено избежать разнобоя «волевых» решений. Правда, Дородницын находит, что «против обоснованных волевых решений» возражений предъявлять не следует. Однако даже наиболее объективные волевые решения на местах как раз меньше всего нас гарантируют от нетерпимых местных тенденций в общем их разнобое. И уже потому са-

ма возможность такого разнobia в практике локального и централизованного «глобального» планирования не обеспечивает строгих требований его оптимальности... (т. 5, стр. 203).

Выше мы уже приводили выдержки из разносной статьи «Правды», где снова и снова ругают «некоторых экономистов», ратующих за децентрализацию экономики. Но ругань, даже в «Правде», есть только ругань. Что же могут противопоставить математикам правоверные ученые? — Вот вам ответ Струмилина:

Подходя к решению плановых задач строго математически, можно было бы усомниться даже в самой возможности их решения. Уж слишком сложный комплекс многообразных фактов, элементов и связей представляет собой современное народное хозяйство, взятое в целом, немалая часть из этих элементов и связующих вообще еще не изучена, иные весьма спорны, и даже наиболее известные крайне изменчивы. И если бы даже мы сумели связать их в стройную систему уравнений, то это была бы система неопределенных уравнений с избыточным числом неизвестных, не обеспечивающих вполне твердых, однозначных решений... В развивающемся народном хозяйстве найденная пропорциональность весьма изменчива. И оптимальные пропорции, нащупанные для одного производственного плана, могут оказаться уже явными и все более угрожающими диспропорциями для каждого из последующих циклов... пропорциональность требует непрерывного восстановления (т. 5, стр. 113).

... Но на практике многие трудности преодолеваются гораздо легче, чем в теории, уже потому, что для практических целей обычно вовсе не требуется точность, на которую претендует строгая теория. Ведь план — это не прогноз, а директива (т. 5, стр. 54).

Вот в чем дело! Сказано, не в пример Гэлбрейту, ясно и понятно. План не прогноз правильных пропорций, а, так сказать, — «самообеспечивающееся пророчество» — делай как велено!

Делай, несмотря на все несообразности, отлично видимые уже в ходе выполнения плана. Делай, не рассуждая, и плановость будет соблюдена, неважно какой ценой. И теоретических балансов никаких не нужно. Сам же Струмилин, буквально через несколько страниц после этого ясного «тео-

ретического указания», приводит уже примеры из своей богатой практики планирования:

В 1922—23 гг. статистики подсчитали емкость крестьянского рынка для промышленности в 318 млн. руб., а Госплан — в 814 млн. руб. ... На одну пятилетку было запланировано капиталовложений в промышленность 443 млн. руб., на деле же вложили 4 304 млн. руб., прирост же благодаря этому составил вместо 50% — 160% ...

... при участии наркоматов, главным образом ВСНХ, НКПС, мы, члены Госплана, специалисты, составляли ежегодно планы восстановления народного хозяйства и с недоумением наблюдали, как жизнь неизбежно и каждый год опережает наши планы.

Эти факты здесь преподносятся, как трудовые победы, но гораздо разительнее они демонстрируют убожество нашего планирования. Что означают такие просчеты в плановом государстве, как не самую отчаянную неразбериху, и вследствие этого — резкое снижение эффективности производства. Ведь очевидно: если 443 млн. руб. капиталовложений должны были дать 50% прироста, а в 10 раз большие вложения дали лишь 160%, то снижение эффективности капиталовложений произошло в три с лишним раза!

И чем жестче план, чем больше он директирован, чем меньше допускает изменений самого себя, — тем хуже, тем больше он плодит диспропорций, тем больше затрудняет работу стихийного подпольного снабженческого рынка, тем больше мешает работе хозяйства.

В настоящее время наблюдается известное размягчение плана. В него закладываются лишь естественные темпы роста в 5—6%, его можно изменить, послав от предприятия авторитетного толкача в министерство и т. д. Все чаще планы предприятия меняются, сроки переносятся, утрясаются с потребителем и т. д. Последние еще не могут напрямик и без помех разговаривать с поставщиком, приходится еще долго мыкаться по инстанциям, прежде чем удастся оформить свой заказ (особенно внеочередной), преодолеть формальности изменения плана и т. д. Тем не менее такие признаки высвобождения производства из пут социалистического плана встречаются у нас все чаще.

ЮГОСЛАВСКИЙ ВАРИАНТ

Югославия является особой социалистической страной. Она как бы выполнила требования Гэлбрейта по части децентрализации экономики, но не отказалась от социализма. Возможно, в этом плане она демонстрирует будущее остальных социалистических стран. Тем не менее осуществление на югославской практике Гэлбрейтовых рекомендаций только показывает неудовлетворительность его общих принципов.

Югославские предприятия самостоятельны и вступают друг с другом и с заграничными партнерами в обычные торговые отношения. Государственный план для них имеет лишь необязательное значение рекомендации и прогноза. Такая самостоятельность позволила югославской экономике добиться после реформ 1948 и 1965 года весьма значительных успехов (учитывая ее довоенную отсталость) — как в области устойчивого роста экономики (в последние годы на 5,5⁰/о), так и в области народного потребления. Широкие связи заводов с Западом, вплоть до привлечения иностранного капитала и создания смешанных фирм, позволяют стране достигнуть высокой степени использования передовой технологии, немыслимого в остальных социалистических странах. Во всяком случае, по данным сборника Комитета избирательный № 23, валютные расходы на покупку сотен лицензий почти покрываются доходами от продажи своих собственных достижений.

Однако перечисленные успехи означают одновременно и укрепление в стране рынка, банковского капитала, механизма безработицы и всех почти особенностей нормального капиталистического хозяйства. Когда же югославы начинают анализировать причины отставания своего хозяйства от темпов развития таких капиталистических стран, как ФРГ, Япония и др., то наталкиваются, примерно, на такие причины, которые упомянуты в заявлении председателя Союзного Вече М. Рибичича: «Главной причиной экономических трудностей является слишком большой, превосходящий объективные возможности производства объем потребления и недостаточность фонда накопления». — Но ведь это явление — прямое следствие власти рабочих советов на югославских предприятиях. Прямое следствие права рабочих определять,

сколько прибыли можно накопить, а сколько — самим потребить. Если бы у предприятия был один хозяин, отделенный от сопричастности к рабочей силе, то, конечно, он выделял бы накоплений гораздо больше. Дилемма — потратить на себя лично или на производство для самого хозяина несущественна: ведь для повышения жизненного уровня ему нужна лишь небольшая часть от полученных прибылей. Другое дело, когда хозяев — тысячи, траты возрастают соответственно.

Так и выходит, что единственное социалистическое свойство югославской экономики — собственность рабочих на предприятия, где они работают, — как раз и определяет главную причину отставания этой экономики от капиталистических возможностей.

О НАШЕЙ ИНФЛЯЦИИ

Этой злободневной темой я собираюсь закончить разрозненный очерк главного «Антигэлбрейта». Как уже упоминалось в первом очерке, инфляция наблюдается во всех странах и связана с более быстрым техническим прогрессом всей промышленности в сравнении с медленным расширением добычи золота, этого главного содержания денег.

Другая важная и, может, основная причина — это отмеченная Гэлбрейтом спираль «забастовочная борьба — цены».

В капиталистических странах профсоюзы представляют собой уникальные монополистические объединения, торгующие рабочей силой. Пока они не были мощными всеохватывающими организациями, забастовки не могли добиваться крупных успехов, ибо повышение зарплаты на одном предприятии грозило бы владельцу этого предприятия резким снижением производственных накоплений и гибелью в острой конкурентной борьбе. Сегодня же, в условиях перманентной забастовочной борьбы, когда профсоюзы действуют на каждом предприятии, все фирмы уже заранее планируют забастовочные неприятности и необходимость повышения заработной платы, и потому каждый из хозяев, уступивших профсоюзам, не получает никаких особых потерь в сравнении с конкурентами.

Например, известное «весеннее наступление рабочих» в

Японии — именно в силу своей массовости и цикличности — безвредно переваривается капиталистическими компаниями. Они легко идут на повышение зарплаты (до 15% в среднем), ибо это ударяет по всем им поровну и . . . вызывает автоматическое повышение цен на товары массового потребления. Это вполне понятная реакция рынка на увеличение денег в руках рабочих, т. е. на повышение спроса со стороны потребителя. Предприятия тем охотнее поднимают цены на свои товары, что им необходимо восстановление прежнего уровня прибыли, идущей на производственное развитие. Так восстанавливается статус-кво в отношении «К» и «Р», но уже на новом витке спирали цен — до нового «весеннего наступления». Статус-кво не восстанавливается только для стоимости самих денег — она непрерывно падает вниз.

И все же инфляционный рост в капиталистических странах сравнительно невелик (например, в США за 15 лет цены повысились только на 25—40%) и не идет ни в какое сравнение с инфляцией наших денег.

На первый взгляд, для инфляции в Союзе нет никаких причин, и советская валюта должна быть, действительно, самой устойчивой в мире. Добыча золота у нас непрерывно растет, забастовки строжайшим образом запрещены, а марксистская теория предписывает непрерывное понижение уровня цен на все товары (т. к. цены определяются трудовой стоимостью, т. е. количеством вложенного в товар живого труда, то с ростом производительности этого труда в обратной пропорции должно снижаться и количество труда в товаре и, следовательно, его продажная цена). Однако происходит не снижение цен и подорожание денег, а совсем наоборот.

Только один раз — в начале 50-х годов — руководство решило вести ценовую политику в соответствии с марксистской наукой: постепенно снижая монопольные высокие цены военного времени на предметы широкого потребления. Однако это снижение шло за счет ухудшения положения колхозов и было прекращено после приведения последних на грань дистрофии. Во все же остальные периоды наблюдалось или «замораживание» цен, или их прямое повышение — несмотря на все призывы правоверных политэкономов. Вот жалобы Струмилина:

Любителям активной политики цен следовало бы учесть, что, замораживая цены на «неизменном уровне» — они создают угрозу замаскированной инфляции...

На XV съезде партии обращалось внимание на чрезвычайно медлительный темп снижения отпускных цен на промышленные товары и особенно розничных цен, приводились и некоторые объяснения этого минуса — громадное сопротивление аппарата — и государственно-го, и кооперативного, и партийного. Конечно, инерцию аппарата нелегко преодолеть при любом режиме. Но и после XV съезда, при том же режиме, перед которым при культе личности склонялись ниц любые аппараты, вместо «медленного снижения цен» наступил, как известно, даже длительный период неуклонного их повышения, объяснить который можно лишь «инерцией» самого этого режима (т. 5, стр. 155).

Однако эта странная инерция аппарата, так удивляющая акад. Струмилина, имеет вполне прозаическое объяснение в самой сути социалистического ценообразования, и давно уже объяснена даже классиками марксизма (правда, применительно к феодальным мероприятиям государств прошлого века).

Действительно, принцип активной политики цен (т. е. искажения рыночных естественных цен) плюс недостатки самого государственного ценообразования приводят к весьма существенным отклонениям цен от истинных стоимостей, и, следовательно, — к повышенным прибылям одних предприятий, и убыточности других. Первым — приятно и хорошо, вторым — горько и обидно. И если первые довольно молчат и пользуются, то вторые непрерывно жалуются и обивают пороги не только Комитета, но и всех остальных высоких инстанций с низжайшими просьбами — устранить вопиющую несправедливость. И, конечно, вода камень точит, а уж про аппарат из людей — и говорить нечего: несправедливость устраняется, и цены на ряд товаров повышаются. Например, в уже упоминавшейся статье председателя Комитета цен указывалось, что в 1967 г. ликвидирована убыточность целых отраслей промышленности — вроде угольной и т. д. Как? — Повышением цен на уголь, конечно. Так как при этом цены продукции остальных предприятий, считающихся прибыльными, не затрагиваются, то это уже само по себе означает крупную инфляцию денег. Но любая

инфляция немедленно бьет по всем остальным участникам хозяйства: прежде прибыльные предприятия теперь вынуждены потреблять более дорогой уголь и пр., и потому сами становятся убыточными. Начинается новое звено спирали: недавно еще рентабельные предприятия теперь начинают в свою очередь обивать высокие пороги, добиваясь справедливости. Так и крутится в стране эта спираль, цепляясь одним звеном за другое, и остается в конце концов только один несомненный факт — громадная инфляция. В этом и заключается странная для Струмилина инерция аппарата.

Примитивный механизм этой спирали был давно уже известен и задолго до мучений нашего социализма описан Энгельсом, но в применении к протекционизму, т. е. к политике государственных налогов на цены иностранных товаров с целью защиты слабой отечественной промышленности от губительной конкуренции:

Протекционизм — это, в лучшем случае, бесконечный винт, и вы никогда не видите, когда он будет завинчен до отказа. Покровительствуя одной отрасли промышленности, вы прямо или косвенно наносите вред всем остальным, и вам потому приходится покровительствовать и им. Но этим вы вновь причиняете ущерб той отрасли промышленности, которой вначале покровительствовали, и вам приходится возмещать ее убытки, но эта компенсация в свою очередь влияет, как в первом случае, на все остальные отрасли и дает им право на возмещение убытков, — и так до бесконечности... (М. Э., Соч., т. 21, стр. 378.)

Америка в этом отношении представляет нам разительный пример того, как протекционизмом можно задушить важную отрасль промышленности... В 1856 г. 75,2% американского ввоза и вывоза перевозилось на американских судах... В Гражданскую войну протекционистская система была распространена на американское судостроение; это мероприятие оказалось столь успешным, что американский флаг в открытом море почти совершенно исчез (резкое снижение конкурентоспособности по сравнению с английским торговым флотом). В 1887 г. только 13,8% товаров было перевезено на американских судах... протекционистская система в судостроении убила и судоходство и судостроение (там же, стр. 379).

В виде комментария к этой старой американской истории можно добавить, что она повторилась в гораздо большем

масштабе — для всех отраслей хозяйства нашей страны. Фактически убита его конкурентоспособность, и для внешнего мира не существует великой промышленной страны, а есть только поставщик сырья и отвратительной продукции.

Но вряд ли стоит сносить грехи только на социалистические нововведения: в России так было и раньше, когда социализм назывался самым обычным азиатским самодержавием. Интересно, что в той же статье, рассматривая влияние протекционизма в Америке, Англии, Германии, Франции и т. д., Энгельс характеризует Россию следующими словами:

О России едва ли следует упоминать. Там пошлины должны уплачиваться золотом, а не обесцененными бумажными деньгами, обращающимися в стране, и покровительственный тариф служит прежде всего для снабжения нищего правительства звонкой монетой, необходимой ему для сделок с иностранными кредиторами. В тот самый день, когда этот тариф выполнит свою протекционистскую роль (прекращение импорта), в этот самый день русское правительство обанкротится. И тем не менее это же правительство утешает своих подданных планами превращения России при помощи этого тарифа в целиком самоснабжающуюся страну, не нуждающуюся в получении от иностранцев ни продуктов питания, ни сырья, ни промышленных товаров, ни художественных изделий. Люди, верящие в эту призрачную Российскую империю, обособленную и изолированную от остального мира, стоят на одном уровне с прусским лейтенантом, который пришел в магазин и потребовал глобус — не земного шара или небесной сферы, а глобус Пруссии . . . (там же, стр. 385).

Можно восторгаться той точностью, с какой Энгельс характеризовал наших нынешних лейтенантов-патриотов, отгородивших Россию от мира в «призрачную страну», но за службу эту следует больше приписать нашему руководству, которое с такой точностью повторяет столетние традиции и повадки царского правительства: безудержную инфляцию, погоню за валютой для сделок с иностранцами, планы самоизоляции и самоснабжения и т. д. Удивительная неизменность нашей исторической действительности могла бы поразить любого фантаста, если бы не отдавала так горькой насмешкой.

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА

В неразрывной связи с общей инфляцией находится и наша политика в области заработной платы. Уже само повышение цен на товары широкого потребления вызывает необходимость соответственного повышения заработной платы населения, чтобы избежать затоваривания.

Однако забастовочной борьбы для подъема зарплаты у нас нет, и тем не менее этот подъем происходит стихийно и неотвратимо, как будто в условиях постоянной забастовки.

Действительно, в условиях нашего массированного промышленного строительства, когда почти все свободные средства идут на расширение; в условиях, когда работает почти все население, но с низкой производительностью труда — в этих условиях рабочих постоянно и везде не хватает. В этих условиях предприятие может только одним способом поддержать трудовую дисциплину и минимальный уровень производительности труда: созданием для своих рабочих более высокого уровня зарплаты, чем на соседних предприятиях. Это создает пусть не безработицу, но хоть значительные денежные потери в случае увольнения, приучает работников дорожить своей работой и дает администрации необходимые рычаги материального воздействия. Поэтому руководство любого предприятия или ведомства ревностно ходатайствует о повышении зарплаты своим подчиненным — правдами и неправдами, под любым предлогом. А если кто-то из директоров этого делать не будет, то скоро его обгонят соседи и переманят лучших рабочих. Дефицит же рабочих означает невыполнение плана и начало падения карьеры.

Таким вот образом и добиваются наши рабочие стихийного повышения зарплаты, с помощью своего единственного легального права — права на свободное увольнение и переход на предприятие, где больше платят (вспомним, сколько лет это право было под запретом и сколько попыток делают сегодня уничтожить это право, пренебрегая всеми доводами о катастрофической непроизводительности подневольного труда). И пусть бессменные ветераны — рабочие, работающие на одном предприятии по несколько десятков лет, до сих пор пользуются большим уважением и высоким заработком, — не они, а именно бесконтрольные летуны в наших

условиях невольно выполняют роль забастовщиков и добиваются повышения общего уровня зарплаты.

То же самое относится и к другим категориям работников, вроде ИТР. Не относится это только к высшим слоям руководства, которые сами себе устанавливают («по справедливости») еще более высокие оклады.

Несмотря на все лозунги сокращения управленческих расходов и повышения минимального уровня зарплаты, соотношение наибольшей и наименьшей зарплат, характеризующее резкость классовых граней в обществе, остается у нас одним из самых высоких в мире. Я не знаю, какой цифрой оно характеризуется сейчас, но еще недавно оно колебалось от 1/50 до 1/100 (для примера можно взять соотношение зарплат государственных работников Швейцарии — в пределах 1/9).

Однако, кроме стихийного повышения уровня зарплаты, руководство, особенно на современном этапе, осуществляет и так называемую «активную политику» в этом деле, т. е. по своему усмотрению повышает оклады и ставки для отдельных, на сегодня фаворитных категорий работников, стагивая с места всю остальную систему зарплат и ускоряя ход инфляции. Ведь увеличение выдаваемой массы денег обостряет товарный голод, а потом вынуждает еще раз повышать цены, и т. д.

**
*

Только один раз за всю нашу историю, в конце жизни Ленина, советские деньги имели реальное золотое содержание. Сейчас о таком феномене уже давно забыли. Была денежная реформа 30-х годов, была реформа 1947 г. Наконец, уменьшение масштаба денег в 10 раз в 1960 г. тоже фактически свелось к очередной девальвации. И ни разу больше рубль не получал в стране права на реальное золотое содержание. Очевидно, на это есть веские причины.

Сразу после реформы 1960 г. доллар на черном рынке оценивался не в свои официальные 90 коп., а в 5 рублей, а сегодня же — в 6—10 рублей, в будущем это соотношение, наверное, еще более вырастет — ввиду все нового и нового повышения цен: на мебель, стройматериалы, квартиры, зо-

лото, алкоголь и прочие предметы — в открытую, а на все остальное — ползучей инфляцией: повышение цен под видом продажи улучшенных марок товаров.

В недалеком будущем это неизбежно должно привести к новой девальвации цен. Создается впечатление, что руководство как будто планирует заранее подобные мероприятия — не реже, чем в 10—15 лет, наперекор заветам своей марксистской науки! Да и что с того? Кому мешает свистопляска нашего рубля? — Ведь это все происходит внутри изолированной страны?

Конечно, никому не мешает, кроме нас самих. Как самой изоляцией, так и невидимой инфляцией, делающей неустойчивым и призрачным любое, с таким трудом достигнутое повышение зарплаты.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ НЭП'А

В этом очерке подвергнут критике не столько сам труд Гэлбрейта, сколько те выводы об отмирании рынка и грядущем плановом, социалистическом мире, которые так легко из него делаются нашей интеллигенцией. Я старался выявить, что под яркой наклейкой социализма скрывается очень старый, отживающий свое принудительно-плановый принцип распределения, уместный лишь в пору ранних феодальных монархий и азиатских деспотий, но в эпоху научно-технической революции обрекающий страну на отсталость.

Множество людей, особенно в слаборазвитых странах с их глубоко воспитанными традиционными предрассудками к рынку, с боязнью и неумением жить независимо, без вождей, предпочитает сегодня стать слугами государства, чем быть свободными и вести трудную борьбу в джунглях рыночной демократии. Слишком много людей предпочитают еще социалистическую клетку, хотя несомненно, что рано или поздно, но они предпочтут выбраться из нее в таинственные и страшные дебри свободы.

Ведь только рынок обеспечивает и эквивалентность обмена, и точность производственных пропорций, ведь только рынок позволяет вести современное сколь угодно сложное хозяйство, только рынок может служить экономической ос-

новой демократии и свободы, только рынок — естественная среда для естественного, свободного и даже морально коммунистического человека во всем богатстве его способностей и развития. Пусть это звучит кощунственным парадоксом, — но только рынку принадлежит возможность построения будущего коммунистического общества.

Рынок — это природа, и человек рано или поздно выйдет в природу из темной и скучной скорлупы первоначального государственного механизма.

Даже у нас сегодня принцип планирования и распределения осуществляется лишь по форме, а по существу — имитируется рынок. Новое же техническое содержание властно требует свободных рыночных форм. Сама наука (не марксистская «наука» политэкономии, — а настоящая наука математиков и экономистов) все более определенно и ясно высказывается в пользу рынка. И руководство страны, пусть вынужденно, пусть с бесконечными проволочками и осторожностями, пусть зажмурив глаза от страха и на всякий случай подвывая в «Правде» против «конвергенции», но вводит шаг за шагом элементы нормальной экономики. Известна недостаточность и половинчатость этих шагов. И все же — иного пути у руководства нет.

Такое движение страна испытывает не впервые.

Первые годы революции и гражданской войны начисто запретили рынок, введя прямое государственное управление хозяйством, полную уравниловку и продразверстку в деревне, карточки вместо денег в городах. Эти порядки военного коммунизма, принятые под нажимом утопической настроенности большинства революционеров, были своевременно отвергнуты Лениным в его повороте к НЭП'у.

Как и сегодняшняя экономическая реформа, поворот к НЭП'у был вынужденным шагом под угрозой утраты власти, но выполнен он был по-ленински прямо, открыто и широко: рынок, свобода частной инициативы, культура хозяйства и воспитание капиталистической деловитости и рационализма («Коммунисты должны стать культурными торгашами»).

Социализм снова был отнесен в далекое и туманное будущее. Ленин был трезвым экономистом, и потому, сделав ошибки военного коммунизма, он исправил их так, как того требовала экономическая реальность, а не заимствовал

жульнически у феодального самодержавия методы управления, чтобы объявить их сверхновым социализмом, как это сделал впоследствии Сталин.

Сейчас у руля страны нет человека, равного Ленину, который бы так же твердо и последовательно смог бы совершить поворот страны к НЭП'у. К сожалению, вместо такой осмысленной политики, мы наблюдаем лишь действия верховного тормоза, просто замедляющего на время стихийное движение экономики страны. Но может это и к лучшему, — если требования рынка и прочих буржуазных свобод свалятся на страну не сверху в качестве неожиданного подарка, а будут завоеваны самими все понявшими массами, их зрелыми демократическими действиями. Тогда наш поворот к НЭП'у будет намного прочнее. Он сможет стать действительным поворотом России к демократии, тем поворотом, который не могли осуществить ни царь, ни Бог и ни герой.

ПЕРСПЕКТИВЫ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Надо сказать правду, в России в настоящее время очень редко можно встретить довольного человека (конечно, я имею в виду исключительно культурный класс, так как некультурным людям нет времени чтобы быть недовольными). Кого не послушаешь, жалуется, вопиют. Одни говорят, что слишком мало свобод дают; другие, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой — на то, что чересчур достаточно действуют; одни находят, что слишком мы умны стали, другие — что нас глупость одолела; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хохоча, приговаривают: ну где такое безобразия видано?! Даже расхитители казенного имущества — и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет. И всякий требует лично для себя конституции: мне, говорит, подай конституцию, а прочие пусть по-прежнему довольствуются раками и скорпионами.

(Салтыков-Щедрин, Соч., т. 9, стр. 17.)

УТОЧНЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Теперь, когда нами рассмотрены и опровергнуты главные обвинения против капитализма, когда выяснено наше экономическое движение к демократии и рынку от социалистической реставрации феодально-самодержавного строя, когда мы познакомились в существенных чертах с нашим «бытием», можно, по известному тезису, перейти и к описанию форм его «сознания».

В этом — главная цель данных очерков, но тем не менее я не уверен, что мне удастся хоть сносно ее выполнить, тем

более, что рассмотрение идеологии нашего народа — это не только самая актуальная и интересная проблема, но и наиболее обсуждаемая и потому неблагоприятная тема. Здесь легче всего повторяться, говорить банальные вещи, но тем не менее я иду на риск обсуждения и надеюсь, что для любителя трезвого и объективного взгляда нижеизложенная позиция может показаться интересной.

Вся критика Гэлбрейта мне послужила лишь окончательным поводом к появлению этих очерков. Их же подспудной причиной была попытка выйти из растущего бессмыслия нашей жизни, из тягостного непонимания сути прошедшей истории, мельтешащего настоящего и отдаленного будущего. Истоки этой работы лежат еще в моем «Письме сверстнику» двухгодичной давности. Это попытка сопротивления всеобщему и всеразрушающему неосознанному недовольству, недовольству бесцельному, просто так, способному только разваливать старое, не создавая нового. Попытка найти какую-то альтернативу бессильным и деморализующим жалобам на отсутствие условий, на невозможность производимой и творческой работы, достойной и богатой жизни. Наконец, это попытка найти реальный выход общественной активности — не тот, который нравится каждому субъективно, а тот, который «нравится» нашей объективной истории, по которому, действительно, может развиваться жизнь народа.

Чем дальше, — тем больше время нашего быта (я имею в виду интеллигенцию) замыкается в кругу радикальной и ядовитой критики. Но все хорошо только в меру. Критика без удержу и без берегов не оставляет камня на камне не только от нашего социализма, но и от капитализма, и вообще от любой неидеальной действительности.

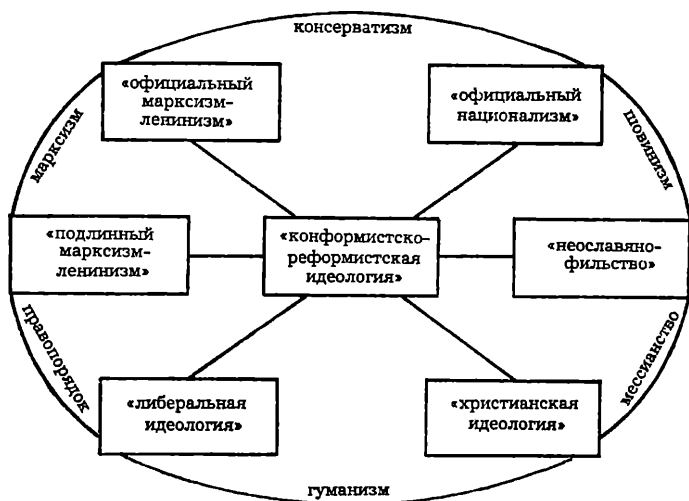
Она гораздо хуже бездумья и равнодушия, как хуже всеотрицающее и хаотическое размахивание топором в старом и нуждающемся в ремонте доме — по сравнению с покорным и равнодушным ожиданием часа, когда он завалится. И в том, и в другом случае это произойдет скорее и ужаснее. Бессмысленное размахивание критическим топором хуже, даже если размахивающий воображает, что на обломках «вселенского пожара» он или «его народ» создаст что-то новое, небывалое и прекрасное. Из обломков ничего нельзя сделать, кроме новой, хуже прежнего, халупы.

Я зову людей к серьезности и ответственности. К тому, чтобы все мы, прежде чем замахиваться и «рубить с плеча», ясно представили себе — зачем и для чего мы это говорим и делаем. Конечно, гнусно сидеть сложа руки и пассивно ждать, когда на тебя свалятся прогнившие стены, но уж если браться за «топор критики», то пусть он будет трезвым инструментом ремонта и перестройки, а не пьяным инструментом разрушения.

Надо, наконец, твердо знать, чего хочешь ты сам, к чему тянется большинство твоего народа? Что требует реальный ход истории — и с этим соразмерить свои действия. Перед этим я пытался дать свой ответ на последний вопрос. Сейчас же попытаюсь ответить на предыдущий.

АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ АМАЛЬРИКА

В книге А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?» приводится очень интересная таблица соотношений различных идеологических течений в среде современной нашей интеллигенции. Я воспользуюсь ею в качестве исходной базы анализа.

Несмотря на всю мизерность круга людей, которые осмеливаются выражать открыто что-либо, отличающееся от ежедневного радио, список уже имеющихся в наличии идеологических направлений поражает своим многообразием и противоречивостью.

Официальной и консервативной идеологии противостоят, с одной стороны, такие явно реформистские течения, как западно-либеральная или христианско-демократическая идеология, а, с другой стороны, такие реакционные течения, как «истинный» коммунизм (вроде группы Фетисова) * или шовинистически-мессианское неославянофильство. Запутанность этого идейного брожения состоит еще и в том, что крайние течения, придавленные общим официальным пресом запрета, не враждуют, как того требуют их идеи, а сближаются в общем оппозиционном недовольстве. Это также отражает таблица Амальрика: вместо того, чтобы расположить официально-консервативные идеологии в центре, он поместил их нависшим и на все давящим сверху камнем. Неославянофильство и некоммунизм стоят посередине в качестве переходных групп (идеи те же, что и официальные, но положение — оппозиционное). И уже к совершенно самостоятельному нижнему ряду он относит демократические идеологии, связав все эти течения общими идеями-понятиями. Но для меня лично интересна не столько общность этих идей и сегодняшнее соотношение различных групп, сколько их историческая расстановка и связанная с этим возможность развертывания в массовые идеологии. В этом плане неославянофильство и некоммунизм принадлежат прошлому, официальные концепции (идеями их назвать трудно) владеют настоящим, а демократическим идеологиям принадлежит будущее. Причем старые и новые идеи не только связывают пограничные течения, но пронизывают все из края в край: если притязания на строительство коммунизма и

---

* Под «истинным коммунизмом», подлинным марксизмом-ленинизмом и т. д. я имею в виду главным образом людей, придерживающихся старой коммунистической идеологии, по большей части — сталинистов. Относить же сюда таких людей, как П. Г. Григоренко, было бы простой формальностью: люди, подержавшие чехословацкий эксперимент, целиком принадлежат к течению социалистической демократии.

русскую исключительность в наиболее чистом виде выражаются в неокommунизме и неославянофильстве, то частично они отражаются и в демократической идеологии в лице ее социалистического и христианского направлений. И, наоборот, если идеи правопорядка и гуманизма концентрируются в демократическом низу (особенно западно-либеральной части), то, проходя через официальные высказывания Брежнева о необходимости социалистической законности, они затухают в метаморфозах народной справедливости и пролетарского гуманизма.

Собственно говоря, официоз здесь предстает, как нечто само по себе безыдейное (меж двух идеологий), крошка старых красных коммунистических фантазий и новых синих буржуазно-демократических понятий, которые смешались, не могут дать ничего иного, кроме черного цвета подавления.

Определяя свое место в системе амальриковской таблицы, я без колебания выберу либерально-западный край, предполагая, что именно он концентрирует в себе все самое новое и прогрессивное, олицетворяет собой будущее. Правда, точнее и определеннее надо называть эту идеологию — буржуазно-демократической, и тем самым сразу выявить ее экономический и политический смысл.

Кроме того, исчезает при таком переименовании оттенок преклонения перед Западом. Последнее мне кажется немаловажным обстоятельством. Дело не в том, что мне не нравится Запад. Нравится, в общем, и мало того, я считаю, что он является и являлся прообразом нашего будущего. И все же это буржуазно-демократическое будущее должно быть нашим собственным, а не заимствованным со стороны.

Всю жизнь Россия жила под боком у Европы, все века пользовалась ее культурой, перерабатывала и применяла на своей крепостнической и самодержавной почве. Эти традиционные связи с Западом — с одной стороны, позволяли России быть великой державой и избавляли от безнадежной отсталости, но, с другой стороны, — помогали русскому феодализму сохраниться до наших дней. И потому нам нужно не столько «учиться у Европы», не столько копировать ее достижения, сколько развивать свои собственные силы и способности, возвращать свое собственное нормальное хозяйство. Не надо быть таким западником, как Петр I. Наверное, в истории России не было большего западника и более

энергичного руководителя, и тем не менее вывести Россию из отсталости он не смог. Он строил корабли и крепости, рудники и фабрики, брил бороды и устраивал ассамблеи. Он делал в России все, как на Западе — за одним исключением: крепостное право и свое самодержавие он не уничтожил, а укрепил, и тем самым обрек свое дело на гибель после своей кончины (между прочим, только неограниченная феодальная власть позволила Петру I так круто повернуть Россию к западным формам: при правлении более мягкой и «либеральной» власти, учитывающей людские стремления и раскрывающей дорогу хозяйственной активности, такое крутое «западничество» было бы невозможно, зато Россия действительно смогла бы быстрее стать на капиталистический путь).

Последние 50 лет научили нас, что подобные петровские методы перенимания капиталистической техники могут применяться даже при сломленных предварительно старых порядках, словесно при этом ругая Запад. Наверно, можно научиться обезьянству и еще как-нибудь, при этом подавляя отечественный капитал и культуру . . .

Вот почему я против западничества и за самобытность нашего развития.

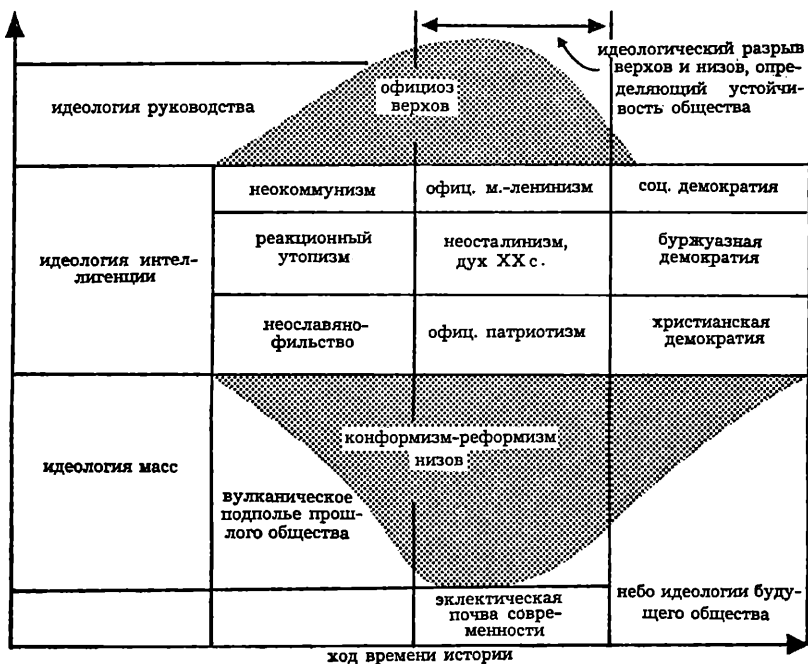
Заканчивая разбор таблицы Амальрика, надо уяснить значение очень важного типа идеологии, помещенного Амальриком в центр таблицы и названного им (правда, довольно невразумительно) — конформизмом-реформизмом. Все остальные идеологии кружатся вокруг этого центрального расплывчатого ядра. В нем отражается идеологическое положение громадного большинства наших современников — не только интеллигенции, но и социальных низов. Это такая же безыдейная и эклектическая мешанина, что и официоз верхов, и их даже можно было бы объединить, если бы не различия классового положения. Различия их — лишь в активности официоза верхов и, наоборот, равнодушного молчания конформистско-реформистского большинства.

В этом квадратике фактически обозначена вся идеология нашего народа. Понятно, что от того, как раскроется эта неизвестность и неопределенность, от того, какой она станет в будущем, зависит многое, если не все. Я убежден, что это «великое идейное болото» все больше наполняется буржуазно-демократическим содержанием согласно велению экономического времени — взамен мешанины реакционных фео-

далечно-утопических идей. Об этом свидетельствуют как реальный ход всемирной истории, так и реальные жизненные наблюдения.

Подытоживая все сказанное, можно предложить следующее, на мой взгляд — «занятное», видоизменение таблицы Амальрика:

КТО ТАКИЕ БУРЖУА?

В умах подавляющего большинства понятие «буржуа» ассоциируется прежде всего с «буржуем» Маяковского, или еще хуже, «буржуином» Гайдара. И пока эти мифы не будут развеяны самой жизнью, мы не сможем вернуть этому слову его истинный смысл «горожане, промышленный и

торговый народ», будем пленниками социалистической и религиозной идеологии.

Заглядываем в Б.С.Э. на слово «буржуа» и «буржуазия» и находим: «Буржуа — это средневековые горожане Зап. Европы, составляющие одно из сословий феодального общества. В дальнейшем словом 'буржуазия' стали обозначать влиятельную и богатую верхушку горожан». Сегодня буржуазия — это собственники средств производства, где подавляющее большинство составляет мелкая буржуазия — ремесленники и крестьяне, живущие в основном своим собственным самостоятельным трудом.

Так или примерно так трактуется это слово в Б.С.Э. Если первоначально словом «буржуа» обозначали все городское третье сословие (в том числе и рабочих), то в дальнейшем сюда приплюсовали и освободившихся крестьян (что справедливо, ибо они покинули свое феодальное крепостное состояние) и исключили рабочих, что несправедливо, поскольку рабочие в своей массе не выходили из-под влияния остальной буржуазии и на сегодня являются одним из самых устойчивых элементов капиталистического общества.

Таким образом, слово «буржуазия» в его основном значении сливается с понятием «третьего сословия» или «народа», а определение «буржуазно-демократический» имеет смысл — «народно-демократического». Однако употребление последнего термина невозможно как в силу его исторической замаранности после 1945 г., так и из-за его тавтологичности (перевод с греческого: народно-народо-властный). Термин же «буржуазный» имеет не только смысл — народного, но одновременно выражает определенный экономический и психологический тип людей и отношений.

Постараемся же их раскрыть подробнее.

а) Стрость к наживе и трудолюбие

Если умерить буйство традиционных отрицательных эмоций по поводу буржуазной любви к деньгам, погоне за наживой, то мы увидим — обыкновенную любовь к труду и к материальным результатам этого труда в денежной форме. Любовь к производству ради производства, приводящая к безудержному росту последнего: «Как фанатик увеличения

стоимости, он (капитал) безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно, к развитию общественных производительных сил». (Маркс, Соч., т. 23, стр. 605.)

Обладание большим количеством труда (т. е. денег) в среде буржуазии является неоспоримым свидетельством больших способностей к труду или свидетельствует о власти и уважении со стороны всего общества. За такое признание общества, люди готовы отдать все свои силы и жестоко конкурировать.

Вообще же говоря, любовь к деньгам и вещам присуща не одним только буржуа, но почти всем людям всех эпох и общественных устройств — от первобытного до социализма, от могущественного короля до последнего попрошайки, от утонченного поэта до грубого наемника. Не любили деньги, проклинали их и презирали только те, кто не имел денег и не умел их зарабатывать, или коммунистически настроенные верующие, мечтатели о человеческом возвращении в золотой век безденежного первобытного детства. Большинство их при первой же удаче становилось лицемерными мародерами. Примеров тому у нас было немало, и слава Богу, что сегодня миновала пора фанатизма, и, скажем, демонстративный отказ от денег кажется любому ненормальным.

Та страсть к деньгам, сильная до аморальности, в которой упрекают часто буржуазию, — не редкость именно среди нас. Взятничество и подхалимаж, карьеризм и служебное воровство — эти, якобы, «буржуазные пережитки», распространены у нас гораздо шире, чем в нормальном буржуазном обществе, и притом в таких щедринских формах, что говорить приходится не о буржуазных, а о крепостнических и феодальных пережитках. Различие весьма существенное. Ведь, если феодал добывал деньги и вещи — внешнеэкономическим принуждением, путем прямого грабежа или верной службой государству, то есть перераспределением уже произведенной продукции, то для буржуа главным средством получения денег является активная производительная деятельность, — торговля, производство, работа!

Феодальная страсть к деньгам — негативная, чисто потребительская, разрушительная. Буржуазная же — творческая, созидательная, экономная, трудовая. Феодал-барин лучше пропьет свои средства, чем будет вкладывать их в

производство и копить. Буржуа же — если не скряга, то, во всяком случае, человек экономный, расчетливый, деловой: все, что можно, он пустит в дело развития производства и добычу новых денег.

В нашем обществе человек формально лишен возможности накапливать заработанные средства и превращать их в производительный частный капитал (если не считать абстрактную форму вклада и сберкассы). И уже по одному признаку отсутствия возможности личного производственного накопления и дальнейшего обогащения, страна теряет весьма значительные средства, идущие сегодня на то потребление, которое могло бы быть сэкономлено.

Советский человек тратит весь свой заработок на потребление, и из-за этого феодального пережитка страна в общем многое теряет. Деньги он зачастую добывает служивым карьеризмом, звонкой демагогией и прочими феодальными приемами службы царю-батюшке, вместо буржуазной сухости и деловитости, — и на этом страна теряет еще больше. Но самая главная производительная потеря страны — это отсутствие возможности для каждого организовать собственное, на свой страх и риск, дело, отсутствие предприимчивости и инициативы.

б) *Прагматизм*

Это философское слово наиболее экономно отображает всю мировоззренческую сторону буржуазных людей. Когда Ленин говорил, что отрицание философии — уже есть само по себе философия, то, возможно, он имел в виду прежде всего американцев, у которых подчеркнутое пренебрежение ко всяким «высоким материям», в том числе к философским абстракциям, вылилось в особую философскую систему прагматизма, которая в основу всего кладет прежде всего — практику, выгоду, пользу, дело. Конечно, в чистом виде прагматизм может процветать только в Америке с ее отсутствием феодальных традиций — аналогично чистому виду буржуазности. Однако, ожидая рост у нас элементов буржуазно-демократического сознания, следует ожидать и распространение этой адекватной формы его в философии.

Буржуа — это тип человека эпохи промышленной рево-

люции, эпохи капитализма. Человек, лучше всего приспособленный к работе и накоплению. Человек, совершенно необходимый для ускоренного роста производства и стимуляции научно-технического прогресса. Как говорил Маркс, капиталист — это машина для превращения прибавочной стоимости в добавочный капитал. Неважно, хорошо ли это или плохо, — но прежде всего в душе буржуа царит дело, производство, капитал.

Народ, в самой высокой степени обладающий прагматизмом, предприимчивостью, деловитостью (как, например, американцы), уже в силу одних этих психических черт и при равенстве всех прочих условий будет лидировать в деле технической революции.

Ведь строить и совершенствовать хозяйство совсем не легко, это требует всей жизни и всех сил народа, требует страсти и самоотреченности. А разве можно себе представить что-либо более целеустремленное, чем жажда увеличения капитала; знамениты слова Деннисона, использованные в «Капитале» Маркса и повторяемые сегодня марксистами всего мира: «Капитал... избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. — Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, то капитал становится смелым. Обеспечьте 10% — и капитал согласен на любое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% он положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% — нет такого преступления, на которое бы он не рискнул, хотя бы под страхом виселицы...» («Маркс—Энг., т. 23, стр. 770.)

Конечно, это «страшное» описание не обошлось без преувеличения, вроде того, что любой капиталист готов повеситься из-за 300% прибыли, но динамизм и производительная устремленность капитала отражена здесь неплохо. Хочется привести еще один отзыв — уже из «Правды» этого года, из статьи Ю. Жукова «Куда она движется?» (США на пороге 70-х годов).

Полтора месяца путешествовал я по Соединенным Штатам... И непрестанно думал: куда же она мчится, эта беспокойная Америка? О, как она торопится жить и зарабатывать доллары! Мой старый знакомый, 73-летний

миллионер, пренебрегая своим острым артритом, за три дня совершил три дальних путешествия: в Лос-Анжелосе он приобрел крупнейшую фирму по производству сборного железобетона, в Монреале заключил сделку с канадскими бизнесменами, в Филадельфии договорился о строительстве небоскреба высотой в 200 этажей.

И глядя на них, я думал о том, что вот так же, резвой трусой бежит куда-то и вся их, далеко уже не молодая страна, охваченная тревожной мыслью о том, что остановиться в наш век — значит отстать...

Мчится Америка. Мчится на своих восьмидесяти четырех миллионах двухстах тысячах автомобилей, колесящих по ее бетонным автострадам. Мчатся, пристегнувшись ремнями к сиденьям, словно парашютисты, президенты корпораций, справляясь прямо из автомобилей по радиотелефону о курсах акций на биржах. Крутят баранку своих стареньких, разваливающихся на ходу таратаек — батраки, кочующие из штата в штат в поисках работы. Двигутся к тихоокеанским берегам колонны новеньких автомобилей с пушечным мясом для Вьетнама и т. д. . . . Кто и куда гонит всех этих спутников? Что ищут они в этом шумном и грохочущем мире? Что их ждет, и чего они добиваются? Об этом — в следующих статьях.

В следующих статьях Ю. Жуков постарался показать, что США движутся одновременно в пропасть и к социализму.

Но интересным мне показалось именно это типичное для русского интеллигента удивление и возмущение «мчащейся и грохочущей» технической Америкой. Это аристократическое пренебрежение к «низкому труду кузнецов и торговков» — пренебрежение, забывающее, что такова цена самостоятельного движения страны по пути технического прогресса. И тот, кто позволяет себе увлечься таким возмущением, тот практически выступает против лозунга «Догоним Америку», против надежд России на первое место в ряду промышленных государств.

Не знаю как кому, а мне было стыдно читать речи французского президента Помпиду во время его пребывания в Западной Сибири. Он говорил о том, какой это богатейший и неразработанный край, и что французы готовы приложить свои рабочие руки, готовы сотрудничать в деле освоения Сибири. И сопровождавший его советский президент

— Подгорный не нашел ничего лучшего, как поддакнуть: «Да, работы у нас здесь непочатый край!» Едкую правду молвил: именно непочатый край. Богатейшая Сибирь, русская Америка, до сих пор лежит втуне, ждет своей колонизации.

На примере нашего освоения Сибири видно, насколько низок уровень предприимчивости в социалистическом обществе. Темпы современного освоения нельзя сравнить не только с колонизацией американского Запада в прошлом веке, но даже с колонизацией Сибири в дореволюционное, царское время: постройка транссибирской железной дороги, массовое переселение крестьян, бурный рост рудников и промышленности. Если б даже такой «царский» темп продолжался в последующее столетие, французскому и советскому президентам не пришлось бы петь в унисон о неосвоенности края и непочатости работы.

И ведь нельзя пожаловаться, что правительство не думает о Сибири или денег жалеет. Нет, средства выделяются большие, заработная плата — тоже, но народ там не держится. Неумолимая статистика говорит: население богатейшей земли не увеличивается, а уменьшается или держится на постоянном уровне, т. е. происходит колонизация наоборот! Почему? — Потому что убит сам дух *самостоятельности* освоения, завоевания новой земли! Потому что работают в Сибири не пионеры-первооткрыватели, устроители новых мест, кузнецы собственного счастья, а простые слуги — работники социалистического учреждения, винтики государственных организаций, завербованные и зеки. Любопытен пример различной эффективности социалистического и частного труда в условиях Сибири, приведенный в журнале «Юность», № 6, 1970 г.: «В то время, как многолетние усилия государственных строительных организаций не могут поднять строительства самых простых с/х объектов (типа коровников и т. д.) — нет материалов, рабочих и т. д., бригада шабашников выполняет рекордно строительные сроки и с отличным качеством (коровник на 200 голов — был сооружен тремя шабашниками за месяц. Они получили по 1800 рублей)».

Очень интересная деталь, что шабашники в этом примере — с Закавказья. Причем автор статьи без обиняков признает типичность этого явления, в дальнейшем именуя ша-

башника — «безымянным кавказским строителем». И правда, наверное, в стране трудно найти район, где тенденция частного предпринимательства и буржуазного сознания пустили бы такие глубокие корни, как у закавказцев. Они работают (главным образом торгуют) по всей стране. Конечно, такая «разболтанность» объясняется некоторыми историческими условиями и случайностями (привилегии в правление Сталина), но важен факт. Сегодня Закавказье показывает пример всему Союзу: как по уровню жизни, так и по инициативности и деловому стилю работы.

в) Антиромантизм (буржуазная эстетика)

«Подчиняя жизнь — деньгам, буржуазия убивает красоту, учреждает царство серости и мещанства, устраняет подвиг и великодушие, романтику и тонкость души, уничтожает этику и опошляет эстетику», — в этих знакомых попреках, может, только ложка правды на бочку лжи. А правда заключается в том, что исторические буржуа (третье сословие) действительно отвергли старую феодальную культуру роскоши и чванства — с одной стороны, романтико-революционного разрушения и утопий — с другой стороны. Людям труда была неприятна роскошь дворянских «вишневых» усадеб, непонятна тоска и неприкаянность «лишних людей» нашей литературы. Так же им противно пустое словословие партийной литературы и вандализм литературы, прославляющей революционное «скифство». Это все правда.

Но эта правда зачеркивается двумя обстоятельствами: 1) как правило, буржуа сохраняли и ассимилировали все действительные культурные достижения — пусть даже вначале на простонародном и мещанском уровне; 2) буржуа несли со своим подъемом свои ценности: этику здоровых, свободных и трудолюбивых людей; романтику научного реального человека в мире его труда и вещей.

Для меня лично облик буржуа связывается прежде всего с образом французского мастера Кола Брюньона, этого замечательного творения Р. Роллана — весельчака и задирь, художника-мастера и жадного работяги, книгочия и индивидуалиста, — и в то же время явного буржуа — обывателя и мещанина. Как же мы все привыкли презирать «ме-

щан» и «обывателей» (что, собственно, является русским переводом слова «буржуа»)! Как же мы привыкли высмеивать их культуру — аляповатую, безвкусную, узорочно-самоварную, лубочно-иконную и т. д. Но все подобное иронизирование — не от большого ума, все это умничанье — аристократическая отрыжка у недавних выходцев из того же простонародья, а ныне — «культурных интеллигентов».

Мещанство — это, конечно, только первый этап буржуа; современному образованному капиталисту чужды грубые привычки его предков, однако, они связаны одной родственной нитью, и потому сегодня, в наших «мещанах и обывателях» следовало бы видеть начало будущего.

2) Освобожденность

Всемогущество власти денег, капитала, с необходимостью означает свободу человека от всех иных форм несвободы (в частности — внеэкономического принуждения к работе, к определенному образу жизни).

Чтобы быть полностью подвластным капиталу, человек должен быть свободен от всего остального. Внеэкономическое принуждение человека — это не только и не столько грубое принуждение феодала и примитивный страх перед наказанием, сколько совокупность общественных традиций и предрассудков, подчиняясь которой человек работал и служил всю жизнь почти от рожденья до смерти.

Буржуазный человек освобожден от всей этой мелочной регламентации и правил. Он — свободен, он делает свою жизнь как хочет, — но в пределах денежной власти. Деньги — его компас и рамки его свободы.

Нам, жителям полуфеодалной страны, отдельные черты этого нового человеческого поведения кажутся странными и даже чудовищными: презрение к общественному мнению, индивидуализм, равнодушие к жизни другого (что позволяет каждому жить без непростительного вмешательства в его личную жизнь), сведение на нет всяческих методов общественных проработок и социалистического воспитания. Прибавим сюда свободу передвижения и работы, совести и убеждений — вплоть до самых крайних. Весь этот свободно-равнодушный климат буржуазного общества может пока-

заться ужасным лишь еще незрелому человеку, не избавившемуся еще от детской покорности «родному отцу», не достигшему до самостоятельности, до радости «вольности дикой».

Все разговоры нашего старого поколения о распущенности и своеволии молодежи, кроме обычного старческого брюзжания на естественную строптивость молодых, имеют под собой и историческую сторону.

Современная молодежь действительно более свободна и «распущена», т. е. более буржуазна. Хотя, конечно, от увлечения джазом и модной одеждой до демократического сознания — дистанция огромного размера.

Вернее, их даже нельзя рассматривать как этапы, это просто разные появления одного и того же процесса раскрепощения людей. И если у одних он проявляется в свободе сексуальной или культурной жизни, у других в свободе личного обогащения, то у третьих — в свободе убеждений и мысли.

д) Демократизм и любовь к закону

Это неотъемлемая часть идеологии буржуа, она включает в себя такие качества, как критичность к правительству, чувство личной ответственности, равенство всех людей в правах и отстаивание строгой законности, привычка к свободе действий и т. д.

Человеку, который работает и борется в природных условиях рынка, нужно государство, которое бы наименьшим образом мешало его свободной деятельности и выполняло бы лишь подчиненные служебные функции по отношению к рынку, общественному производству, народу. Буржуа нужно ограниченное государство, т. е. демократическое государство. Вместо феодально-социалистического: «государство превыше всего» — новое время выдвигает принцип: «народ (т. е. буржуа) — превыше всего». На этой основе и вырастает демократическое государство.

Устойчивая демократия и не может быть иной, как буржуазной. Об этом свидетельствует вся мировая история. Античная демократия процветала лишь тогда, когда общество состояло из свободных земледельцев и горожан — тогдаш-

них буржуа. Средневековая демократия удерживалась лишь в крупных торговых и ремесленных городах. И сегодня по-настоящему демократическими могут быть лишь буржуазные страны. Любому поборнику «социалистической демократии», этого «деревянного железа», следовало бы лучше знать историю и ее уроки. В социалистическом обществе, где все национализировано и всем руководят из одного центра (пусть как угодно правильного и хорошего), люди поневоле привыкают быть только винтиками — с одной стороны, потребителями — с другой. Демократия им ни к чему, ибо все рассудит и решит премудрое руководство. Наоборот, любые демократические колебания и развитие будут подрывать абсолютность авторитета власти и вредить устойчивости социалистического общества.

Наоборот, предприятия и наука не могут продуктивно работать в бюрократических условиях недемократического государства. Они будут обязательно стремиться к подчинению государства себе, т. е. буржуа, т. е. народу.

е) Антиреволюционность

В приведенной выше цитате о необычайной активности капитала в производственных и торговых вопросах, одновременно говорится о боязливости и робости капитала во всех других областях жизни, особенно общественных и государственных.

Эта общественная апатия буржуа, как естественная оборотная сторона его активности в производстве, известна каждому из нас. Обывательский принцип «моя хата с краю, я ничего не знаю», равнодушие мещан, . . . немота народа — явления одного порядка! Вот и Амальрик нашел для массы презрительное определение: *конформисты-реформисты*.

Видимо, он имел в виду нечто слабое, колеблющееся, трусливое, непоследовательное, само себя опровергающее. Но в прямом переводе это двойное определение означает: сторонник постепенных изменений (реформ), умеющий приспособляться к действительности. Такой перевод довольно правильно определяет важные черты буржуа — его реалистичность и антиреволюционность.

Конечно, нет никого революционнее буржуа в науке и

технике, в промышленном и торговом освоении мира. Совсем иное — в общественной сфере. Ленин и другие совершенно правильно клеймили буржуа за трусливость и реформизм.

Все буржуазно-демократические революции происходили лишь ввиду нетерпимых обстоятельств и притом носили, как правило, верхушечный характер, при сочувствии основной массы буржуа, но без прямого их участия. Даже великие буржуазные революции, вроде английской или французской, начинались реформистскими возмущениями буржуа, и лишь на последующих этапах, когда к власти восходила коммунистически настроенная беднота, революция начинала приобретать кровавый, разрушительный характер. Но в то же самое время основные массы буржуа начинали отходить от революции, подготавливая период реакции. Буржуа — этому прирожденному строителю и созидателю — противна мысль о разрушении богатства и производства, и особенно своей собственности, поэтому он склонен только к эволюционистским, не разрушительным методам перестройки общества, т. е. к постепенным реформам.

А реформизм уже неизбежно предполагает и приспособление к существующим сегодня порядкам в стране, т. е. заключает в себе конформизм.

Поэтому нет смысла в двойном наименовании — достаточно заявить, что буржуа — по преимуществу реформист и антиреволюционер. Подобно природе, он не терпит скачков и обуславливает своей работой непрерывное развитие в постоянной адаптации.

Мы воспитаны на презрении к реформизму (и приспособленчеству). К воспитанию этого чувства приложили руку не только Ленин и другие революционеры, но и такие русские писатели, как Салтыков-Щедрин: помните его сказку о либерале, который был «применительно к подлости». Мы воспитаны на таких сказках, из которых делается вывод, что любое либеральное приспособление и реальные действия непременно обратятся в будущем — в подлость!

Я понимаю, что защитой буржуазной антиреволюционности можно навлечь на себя обвинение в защите трусости. Пусть. Так живет большинство народа. Пока оно приспособляется к режиму, правительство благополучно правит страной. Как только оно начнет требовать реформ — пос-

ледние станут неизбежны. Каждый рассуждает просто: я живу именно в этой стране, а не в какой иной; если мне многое не нравится, то было бы глупо впадать от этого в ярость и кончать с собой тем или иным способом самоубийства. Нужно, наоборот, во-первых, приспособиться и выжить, и, во-вторых, пробовать изменить действительность в свою пользу — по мере своих сил. И в этих изменениях будет состоять реальное массовое демократическое движение.

Сама по себе интеллигентская принципиальность и революционность не решают ничего, не могут сдвинуть вперед дело демократизации страны. — Напротив того, сами по себе, без осмотрительности и инерционной медлительности масс, они могут стать отрицательным и подрывным фактором, мешающим конструктивному ходу общественной эволюции.

ж) Буржуазная мораль

Распространенное обвинение буржуа в аморальности еще меньше имеет под собой оснований, чем все остальные обвинения.

Исторически именно третье сословие — буржуа — отличалось всегда самой прочной и суровой моралью. В отличие от аристократических верхов и интеллигентской богемы. Кальвинисты и протестанты, гуситы и квакеры, филистеры и члены Армии спасения — они всегда были морально тверды до ханжества; упорно противостояли аристократическому цинизму и атеизму, против безнравственности и распущенности феодальных классов. Между прочим, они всегда защищали «истинное христианство», которое на удивление точно и понятно выражало главные моральные потребности буржуа: отрицание непроеизводительной роскоши украшений, бережливость и экономность, безграничное трудолюбие и деловитость.

И сегодня все разговоры о буржуазной безнравственности странным образом перебиваются разговорами о засылыи «душной» и «ханжеской» буржуазной морали. Я полагаю, что даже в такой стране, как Америка, безнравственность, пьянство и наркомания являются достоянием не основной буржуазной, народной массы, а только ее окраинных групп — в среде интеллектуальной и прочей богемы и дру-

ного люмпен-пролетариата. Конечно, высшие слои буржуазии имеют достаточные средства, чтобы вести роскошный и, может, даже безнравственный образ жизни. Но если они пойдут на такое «прожигание жизни», то погибнут в конкурентной борьбе — не столько из-за недостатка денег, а из-за потери своей «деловой формы», своей конкурентоспособности. Парадоксально, что сам миф о буржуазной безнравственности создается благодаря широкой гласности и свободе обсуждения любого случая безнравственности конкретного человека или группы. То, что в феодально-социалистических обществах тщательно скрывается и замазывается (дабы не подорвать авторитет страны за рубежом), то в буржуазно-демократических странах безжалостно вскрывается, и — благодаря общественному мнению — изживается, или, по крайней мере, вред сводится к минимуму (проституция, взяточничество, преступления и т. д.) Говорят, что вся буржуазная мораль заключена в слове — деньги, неважно, каким путем они приобретены. Это неправда.

Конечно, деньги — это мерило трудолюбия и способностей, но если это не так, если деньги нажиты нечистым путем или не своими руками, то человек, ими обладающий, имеет очень низкую моральную цену в глазах окружающих. И как бы ни лжесвидетельствовали некоторые писатели, гангстера с миллионами никто не считает порядочным человеком.

Говорят, буржуазная мораль — ханжеская, она сковывает свободу человека. Но какая мораль не сковывает в чем-то абсолютную свободу человека, какая мораль не назидательная и не ханжеская? Заветы Христа? Моральный кодекс коммунизма? Ханжей везде хватает.

Но из всех буржуазные моралисты наименее вредны и наиболее полезны, потому что гуманизм, свобода жизни и развития, т. е. антиханжество, входят составной частью в самую суть буржуазной морали.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Теперь, когда достаточно полно обрисованы черты идеологии, можно попробовать рассмотреть ее реальное состояние в нашем обществе.

Прежде всего следует кратко обрисовать суть старой идеологии, от которой сегодня люди избавляются так же скоро, как линяют зайцы по весне. На смену приходит новое, на первых порах только отрицающее старое, и потому от него зависимое.

Эта привычная идеология старшего поколения лишь по форме совпадает с официальным марксизмом-ленинизмом, унаследованным нами еще от революционных времен. Настоящая революционная вера, фанатизм, аскетизм, ненависть ко всякому «буржуазному мещанству» (т. е. ко всем людям не своих убеждений) — эта старобольшевистская идеология умерла очень давно, еще в годы НЭП'а, а ее последние представители (типа троцкистов) были расстреляны в великих чистках тридцатых годов. Остались лишь пропагандистские штампы наверху и всплески коммунистических верований внизу (неокоммунизм). В годы социализма главенствующее место заняла идеология сталинских подданных. Страх и рабская покорность перед далеким и высоким вождем, перед близким начальником, как его представителем, ограниченные рамки мыслительной деятельности — в пределах идей вождя; в качестве личных целей — завоевание комфорта — через «усердную службу», стремление к собственной — пусть маленькой и ограниченной — власти. Этот набор идей и желаний можно характеризовать, как феодальную идеологию революционного происхождения и социалистической окраски, как идеологию новых сановников-помещиков и новых крепостных (колхозников без права выезда, рабочих без права увольнения). Между прочим, даже народное сознание того времени фиксировало это положение, о чем говорит следующий весьма распространенный миф: «Говорят, что бывшие дворяне и помещики снова залезли в правительство и повернули все на прежний лад» (возможно, поводом для таких догадок служило использование правительства некоторых старых дворянских интеллигентов).

Эта идеология безраздельно господствовала еще 20 лет назад, и по сути дела господствует и сейчас, но уже в стадии разложения и смрада. Нет вождя, нет культа и беззаветной веры, нет жестокого отбора на предмет уничтожения любого инакомыслия, нет тотального страха — и вот могучая система подвергается разрушительной эрозии глубинных течений буржуазного развития. Взамен им приходит

демократическая идеология. Если в правящей среде она выражается в робком «духе XX и XXII съездов», а в социальных низах, может, чуть менее робким «конформизмом-реформизмом», то в среде интеллигенции — расцветает большим идейным разнообразием. Это естественно: ведь грядущее демократическое общество должно быть многопартийным и многоидейным. Православие, славянофильство, западничество, большевизм, сталинизм — все эти великие идеологические системы имеют глубокие корни как в нашей культуре, так и в народных верованиях, и потому неизбежно воскреснут и продолжат свое существование в будущем (как живы были долгое время во Франции такие течения, как легитимизм, бонапартизм, католичество, коммунизм и т. д.). Но все они несомненно должны быть интегрированы массовой буржуазно-демократической идеологией, которая одна способна сementировать общество перечисленных верований, спокойно сосуществовать со всеми остальными идеологиями и обеспечить устойчивость общества.

СОЦИАЛЬНЫЕ НИЗЫ (РАБОЧИЙ КЛАСС)

Попадая в деревню, мы редко задумываемся над отличиями современных колхозников от их крестьянских предков. Различие громадное!

Прежний мужик был не только единоличным владельцем своего участка, но и хозяином деревни, членом «сельского мира», общины. Собственно, он очень недолго пробыл действительным единоличником — может, от столыпинских реформ до коллективизации, в которой кончилось «мужицкое счастье», и землю снова отобрало новое государство (начальство). Потому-то и могла быть осуществлена коллективизация сравнительно спокойно и без сопротивления, что мужики еще не отвыкли от своей крепостной покорности и привычно влезли в новое ярмо.

Сейчас, после 40 лет колхозного строя, от той общинной мужицкой психологии не осталось и следа. Теперешний сельский житель, работающий в колхозе или совхозе (это не так важно), — уже забыл и думать о том, что он хозяин колхоза. Он — только работник, и потому его основная забота — только о величине заработка в хороших условиях

труда (чтобы было не тяжело, интересно, почетно, сытно, приятно и т. д.) . . . Русский мужик кончился, вымер.

То, чем были полны книги старых русских писателей, — о крестьянской изначальности, цельности и естественной моральности, о приверженности к сельскому «миру» и христианскому коммунизму — весь этот комплекс русских черт в массе исчез, сохранившись лишь в редких человеческих осколках «от старого мира».

Место мужика занял обыкновенный рабочий на государственных плантациях. От городских рабочих он отличается, может, только худшими условиями труда и жизни и некоторым провинциализмом культуры. Крестьянство, этот оплот феодального общества, фактически исчезло, растворившись в новом пролетариате.

Каковы же черты современных рабочих — городских и сельских?

Прежде всего следует отметить осознание ими своей действительной социальной роли — быть рабочими, и осознание противоположности своих интересов администрации предприятий. Знаменитое хозяйское чувство социалистических рабочих, может, и существовало когда-то, в первые годы революции, но сегодня развеяно без следа. Это особенно показательно демонстрируется фактом роста массового воровства с предприятий.

Если воровство личного имущества считается у людей большим преступлением, то хищение деталей или продукции с завода не только морально не осуждается, но считается чуть ли не доблестью. В этом взгляде есть много справедливого, ибо обычно люди тащат не действительно нужное производству, а то, что «плохо лежит». Ведь известно, что на соцпредприятии очень многое, что плохо лежит, не используется, портится и даже уничтожается. В таких случаях воровство чего-либо, с его последующим полезным использованием, не обкрадывает, а обогащает общество в целом и вполне заслуженно пользуется моральным уважением. И все же, в целом, производственное воровство, расхищение, вредит производству и является аморальным, разлагающим следствием полуфеодальных производственных отношений.

Рабочий заслуженно считает производство — не своим, а чужим достоянием, перенося центр своего внимания и устремлений — в область семейной жизни и личного хозяй-

ства. Неуклонный, хоть и медленный рост благосостояния опережается ростом потребностей рабочих, у которых перед глазами постоянно маячит не только уровень жизни начальства, но и стандартный уровень жизни западного рабочего. Возрастающая жажда повышенного заработка — «халтурки» — все больше втягивает их в капиталистическую погоню.

Большие различия в зарплатах самих рабочих, а также сравнительная легкость перехода в ряды служащих и мелкой администрации (через вечернюю учебу) создают возможности и стимулы для индивидуального повышения каждым своего жизненного уровня и препятствуют возникновению забастовок. Однако последние все же изредка, стихийно, прорываются через всяческие «табу запуганного сознания», но при полном молчании окружающего мира они столь же быстро «утихомириваются».

Однако из истории многих стран, в том числе и России, известно, что такое полугражданское стачечное движение — лишь первый этап к будущим нормальным классовым торгам — рабочих профсоюзов и администраций предприятий, т. е. рабочих-буржуа и владельцев-буржуа.

Почему я говорю «рабочих-буржуа»? Потому что стремление к высокой зарплате — это и есть (пользуясь ленинскими терминами) — «сознание рабочей аристократии», «подкуп рабочих», «обуржуазивание рабочих» и т. д. Высокая зарплата воспитывает индивидуальную активность людей и толкает их к частной деятельности.

В наших условиях это выражается у рабочих в строительстве дач, в приусадебных участках, «халтурах» и т. д.

Очень многие, если не большинство рабочих, не занятых вечерней учебой и пожилых, со всей страстью влезают в эти частно-личные интересы. Официальные идеологи хорошо чувствуют, что «дачи ведут их рабочих» куда-то в сторону от того, что ими предусмотрено и хотелось (как китайских рабочих — золотые рыбки), но сделать ничего не могут.

Действительно, решившись на частное строительство дома или устройство сада, человек, особенно из малооплачиваемых рабочих, проявляет чудеса изворотливости и предприимчивости, доставая материалы (в основном на подпольном частном «левом» рынке) и деньги (часто через халтуру на заводе или частную работу вечером — особенно шофе-

ры, строители, ремонтники). Таким образом появляется спрос на подпольном рынке, порождая тут же ответное предложение и тех, кто «достает» налево материалы, и тех, кто предлагает свои рабочие руки в качестве шабашника. Как мы уже говорили, здесь особенно преуспели кавказские республики, жители которых обладают большой мобильностью, не боятся споров с администрацией, хорошо работают и еще лучше торгуются, т. е. ведут себя, как современная буржуазно выученная рабочая сила.

Понятия «подпольный рынок» или «трудовая биржа» звучат очень непривычно для нашего уха, знакомого лишь с такой обыденщиной, как «шабашники», «налево», «халтурщики», «обдираловка» и т. д. И тем не менее эти понятия точно и научно выражают суть этой стороны нашей деятельности, суть нарождающегося «дела», в котором наш рабочий принимает самое горячее участие. Конечно, дачный участок — это далеко не капиталистическое предприятие, оно не дает никакой денежной прибыли. Но зато это неплохая подготовительная школа. Тот, кто в наших условиях, при небольшой зарплате и положении, сумел выстроить дом, можно считать, что сдал экзамен на буржуазного дельца.

При этом не надо забывать, что, заводя дачный участок, многие товарищи не успокаиваются на собственном потреблении продукции с этого подсобного натурального хозяйства, и, желая принести пользу обществу и себе, большую часть урожая фруктов и ягод отрывают от собственного брюха и везут на колхозный рынок, где вышибают за сезон не одну сотню или тысячу рублей. Это уже не феодальное рабство и не натуральное хозяйство, а самая настоящая буржуазная экономия и самое настоящее мелкое товарное хозяйство. Владелец же такой дачи — даже по всем марксистским понятиям — есть типичный мелкий буржуа (по вечерам и воскресеньям, потому что днем — он снова рабочий или служащий государства).

Такая же история может повториться и с покупкой личной автомашины и использования ее в помощь нуждающимся людям за справедливое вознаграждение. Правда, этот случай — более редкий (услуги обычно оказывают шоферы государственных грузовиков), — но разве это не о том же?

Та самая мелкая буржуазия, которая всегда мечтала стать крупной и становилась ею, дождавшись своего часа,

рождается в недрах наших славных рабочих, колхозников и служащих — ежечасно и ежеминутно, т. е., пользуясь ленинской формулой, она «ежечасно и ежеминутно» рождает капитализм.

Уничтожить этот ход событий руководство не может.

Оно много раз пыталось это сделать, идя на большие материальные жертвы (вернее, вынуждая к этим жертвам свою страну), но не добивалось окончательного успеха. Сталин почти уничтожил товарное производство крестьян и кустарей, породив страшную отсталость сельского хозяйства. Тем не менее значение частного труда уничтожить не мог: колхозники жили не столько своей работой, сколько продукцией со своих приусадебных участков; чуть в меньшей степени это относилось к подсобным участкам рабочих.

Хрущев многократно пытался запретить или уменьшить размеры и значение личного хозяйства как в городе, так и в деревне, но, кроме резкого уменьшения производства с/х продуктов и запущенности промыслов, ничего такие мероприятия не приносили. Только разжигали недовольство народа.

Поэтому в 1965 г. уже вполне официально признано, что производство с/х продуктов (особенно мяса и молока) в частных или «личных» хозяйствах — «дело хорошее, дело полезное!», т. к. увеличивает общий национальный доход страны. Да, очень долго шла к руководству эта элементарная мысль, но все же дошла и преодолела извечный марксистский страх перед нарождением буржуа, страх перед будущей демократизацией, которую они обязательно потребуют. Слава Богу!

Конечно, признание частного хозяйства не значит, что руководство перестало ненавидеть и опасаться буржуа, — нет, просто оно решило временно не трогать эту курицу, несущую золотые яйца с/х продуктов, уверив себя, что в таком незначительном количестве буржуа не опасны ни для системы социализма, ни для самой верховной власти. И много еще может пройти времени, прежде чем руководство поднимется на следующую ступень понимания сути вещей, понимания того, что буржуа нет дела до социалистических или иных названий, или до власти конкретных лиц — ему нужно только дать возможность работать и обогащаться, беспрепятственно нести золотые яйца, что не сам буржуа будет

вынуждать страну к демократизации, а именно расчетливое и умное руководство будет заботиться о наилучших условиях для своего стада. Нет слов — такое обучение руководства пониманию собственной пользы и пользы всей страны идет очень медленно, но, подобно всякому процессу познания, — оно необратимо идет на пользу как буржуа, так и власти. Буржуа с большим удовольствием мирятся с понятливыми и не мешающими делу европейскими монархами или с поумневшими японскими императорами. И понятно: зачем ломать привычные общественные традиции, если в их рамках можно беспрепятственно увеличивать производство и обогащаться?

С таким же успехом и наши буржуа могут принять экономическую реформу — новую экономическую политику, и в дальнейшем будущем «советские и социалистические формы» буржуазно-демократической России. Поддерживали же всей душой чехословацкие буржуа социалистическую республику и компартию в 1968 г., когда у руководства стоял Дубчек.

Все зависит от дальновидности и ума руководства, которое успеет так увидеть в эволюционном и реформистском развитии — единственный путь спасения страны и своей власти от революционных потрясений.

Видимо, почти нет шансов на то, что сегодняшние мелкие товарные хозяйства: официальные (дачи и участки) и подпольные (вернее, незаконные предприятия колхозов, снабженцев и т. д.) — могут развиваться в будущем в крупные предприятия, способные конкурировать с государственными предприятиями. В условиях сегодняшних запретов это невозможно, но может стать возможным при малейших ограничениях запретов. Опыт промышленности развитых стран показывает, что даже крупное производство может успешно развиваться только при наличии мелких частных поставщиков и субподрядчиков. И потому экономическая реформа должна обязательно перерастать в новую экономическую политику ленинского типа. И только в этом случае она будет эффективной.

Вообще подобное обуржуазивание рабочих, создание ими своих маленьких товарных хозяйств на свои личные сбережения — явление не чисто советское, а мировое и типично

для большинства капиталистических стран! Многие рабочие, поднакопив деньги, открывают свое собственное дело: маленькую мастерскую или лавку. Никакой конкуренции промышленным гигантам такие заведения оказать, конечно, не могут — они только обслуживают их и подбирают крохи с производственного стола. Во время же кризисов и просто экономических спадов они гибнут массами, освобождая место под солнцем для новых или более удачливых коллег. Так рабочие деньги производительно вкладываются в общее производство, одновременно и попутно решая еще более важную задачу — обуржуазивание самих рабочих. В последнем верная гарантия устойчивости демократического капиталистического общества, прочности буржуазного единства, иммунитет против коммунистических верований и революционных поползновений.

Такое буржуазное морально-политическое единство (при разных идеологиях и партиях) и куется сегодня в недрах наших низов. В их среде еще встречаются пережитки комсомольского энтузиазма, старой правоверной ленинской идеологии, коммунистической непримиримости. «Если б Ленин встал да поглядел . . .», или «расстреливать их надо, паразитов» — эти частые выражения хотя и звучат оппозиционно, критически, но свидетельствуют о том, что старая идеология еще жива. Конечно, она слабеет с каждым днем: с одной стороны, ее убивает официальная пропаганда, мусолящая те же самые идеи, но в виде лицемерных штампов, а с другой стороны — эрозия обуржуазивающей жизни.

Но еще более сильна в наших низах психология извечной мужицкой покорности, надежды на милость начальства, стремления урвать для личного потребления, но без пользы для дела. А главное — это отсутствие всякой инициативы и цели в жизни. И как прямой результат — неслыханный расцвет пьянства, этого своеобразного самоубийства человеческой воли, жизни и счастья борьбы — всех лучших качеств человека. Сегодня этот настоящий «букет» крепостной психологии и идей очень живуч и, возможно, главенствует в основной массе народа. И лишь постепенно уступает место новым целям и качествам.

КАРДИНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Любое из цивилизованных обществ является классово разнородным, где социальные низы противостоят социальному верху. Этого, во всяком случае, с необходимостью требует общественное разделение труда. Конечно, не избежало такой участи и «монолитное» социалистическое общество.

Яростно отрицаемая официальной пропагандой, классовая грань столь грубо и зримо разделяет наше общество, что может быть не видна только при очень старательном закрытии глаз. Большинство современников прекрасно осведомлено о номенклатурной элите, закрытых распределителях и пакетах, дачах, машинах и пр., и пр. Обо всем этом комплексе реально организованного «коммунизма» для высшего руководства («слуг народа»).

М. Джилас дал этим людям специальный термин: «Новый класс». На мой взгляд, термин неудачный, поскольку наш правящий класс, если отвлечься от случайности его происхождения, — совсем не новый, а как раз старый, феодальный класс, по выражению Достоевского, только состоящий из «новых помещиков — вот и все у них».

То, что эта власть досталась им не по наследству, а в ходе революции и последующей верной службы, — не играет никакой роли. Наоборот, демонстрирует типичную черту феодального общества азиатского образца. Для примера можно взять Китай с его периодическими сменами императорских династий — династией нового императора-предводителя победоносного крестьянского восстания; или Турцию, где назначаемые из простонародья паши пользовались всеми феодальными правами приближенных султана, но по одному лишь мановению бровей последнего возвращались снова в грязь, или Россию с ее периодическими сменами фаворитов и временщиков. Характер же власти решают не происхождение и юридические права, а сами методы правления.

Известны многочисленные признания Ленина в том, что аппарат управления советской республики целиком достался в наследство от царской России. Что, несмотря на революционный слом правительственной машины, она воскресла снова, как птица феникс, и не могла не воскреснуть, ибо состояла из людей старой, царской выучки. Известно, какую роль сыграл аппарат управления, в особенности партийный

аппарат, в деле упрочнения самодержавной власти Сталина и в разгроме ленинской партии. Победа Сталина — была победой старого самодержавного аппарата, и народная догадка о том, что Сталин — новый царь, и власть снова захватили помещики и дворяне, — в целом очень близка к истине.

Наше руководство — это старый феодальный правящий класс, и *кардинальный вопрос* демократического развития страны весь заключен в том, проявит ли этот старый класс волю и инициативу перерождения в класс новый, в класс правящей крупной буржуазии?

В жизни мы видим ежеминутное рождение мелких буржуа, современного буржуазного рабочего класса в городе и деревне. Но это касается низов. А верхи общества? Ведь устойчивое общество не может состоять только из одних низов, и для буржуа-рабочих необходимы буржуа-управители.

Иначе неизбежна разрушительная революция, когда верх не может, а низ — не хочет жить совместно, неизбежны государственные потрясения и хозяйственная разруха, отбрасывающая назад производственное, а вместе с ним и буржуазное развитие, неизбежен новый круг неокommунизма-неосталинизма. Так снова, как и во всех исторически свершившихся успешных антифеодальных преобразованиях, ведущей силой может быть только новая буржуазия! XX век, свершная техника, эпоха второй промышленной революции, поток социологических теорий, — а логика антифеодальной борьбы требует все той же властной и зрелой буржуазии — тех, кто на деле возглавляет и руководит производством, кто больше всех заинтересован в наилучшей работе предприятий, кто может действительно взять власть и организовать ее по-новому.

История буржуазного развития приводит много примеров, как неспособность правящего феодального класса к переменам приводила к революциям. И, наоборот, примеров медленного, «конституционного» развития (английский или, по Ленину, — «прусский» путь развития). Во втором случае помещики-феодалы перерождались под влиянием буржуазных идей, и главное примера. Свои вотчины превращали в с/х предприятия, или даже становились капиталистами. В первом же случае буржуазное развитие шло только в среде самих буржуа — членов третьего сословия. Из этой сре-

ды выходила крупная и образованная буржуазия, способная к управлению большим производством — даже в масштабе страны. И когда, вследствие упрямства феодальных властей и их прогрессирующей неспособности управлять усложняющимся обществом, бил час антифеодальной революции, она заставляла третье сословие уже с готовыми кадрами новых руководителей, уже с сложившимся новым классовым делением — т. е. уже сформировавшимся *новым обществом*.

И потому революция была занята только сменой старой обветшалой феодальной формы — достаточно безболезненной для народного хозяйства.

Очевидно, пока этот первый путь для нас закрыт. В отличие от прежних феодальных обществ, в нашем последовательно проведены в жизнь строгие запреты на рост частных предприятий. Представить же, что сегодняшние кустари или владельцы мизерных участков будут способны сразу же стать у руля управления, невозможно. Принятие НЭП'а, возможно, сделает более реальным этот путь (ведь в других социалистических странах используется гораздо больший объем частного сектора — в обслуживании, торговле, с/хозяйстве и т. д.). Только при НЭП'е можно будет говорить о том, что новое общество готовится в среде третьего сословия, в том числе и новый правящий класс.

Но пока этот путь у нас маловероятен.

ВТОРОЙ ПУТЬ

Возможен ли путь прямого капиталистического преобразования современного социалистического хозяйства? Исторически — вполне возможен. Ведь, как и прусские юнкеры или английские ленд-лорды, наши высшие руководители — находятся в среде капиталистических государств и ведут с их руководителями обычную конкурентную борьбу на правах обычных партнеров и конкурентов. В такой обстановке они вынуждены постоянно рационализировать свое внутреннее социалистическое хозяйство и воспринимать наиболее удачные организационные приемы своих капиталистических конкурентов.

Действительно, наш сегодняшний правящий класс сов-

сем не является вырождающимся паразитом, наподобие испанских аристократов или старого русского барства. Недавние выходцы из народа, эти люди выполняют важные функции по управлению обществом и производством.

Плохо ли, хорошо ли, но под их руководством страна построила мощную индустрию и руководит этой государственно-капиталистической машиной, как современные им западные менеджеры руководят своими монопольно-капиталистическими комплексами.

Конкуренция соседних государств и особенно гонка вооружений толкают наш правящий класс к экономическим, юридическим, культурным и прочим реформам, к устранению всего отжившего, к приданию современным производительным силам соответствующей буржуазной формы. К тому же толкают руководство глухие требования низов и рост собственных потребностей. Толкают, но совсем другой вопрос: насколько далеко могут продвинуть?

Цепь всяческих хозяйственных перестроек, начатая Маленковым и Хрущевым и продолженная Брежневым и Косыгиным, становится непрерывной: укрупнения и разукрупнения, совнархозы и министерства, комитеты и райкомы, фирмы и объединения и т. д. («А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь!»). Однако эти мероприятия редко приводят к пользе, поскольку пытаются соединить невозможное: ускоренный технический прогресс и неприкосновенность принципов социализма.

Подобное формотворчество сверху бывает лишь изредка полезным, когда в его потоке проскакивают такие мероприятия, которые увеличивают хозяйственную самостоятельность предприятий, укрепляют материальные стимулы, т. е. продвигают страну по буржуазному пути. Такие редкие полезные мероприятия легко приживаются в нашем хозяйстве и остаются в нем в качестве несомненного завоевания. Это закон о праве работников на свободное увольнение и переход на другое предприятие, укрепление хозрасчета и рентабельности предприятия, учреждение фирм и непосредственных связей между предприятиями и рынком, введение понятия прибыли, упорядочение отношений колхозов с заготовительными организациями, гибкие цены, меняющиеся планы и т. д.

Все остальное «реформаторское творчество» ждали

сплошные неудачи. И на примере этих неудач учится весь правящий класс, учится и приходит к осознанию сути своих трудностей, к пониманию того, что никакие перестройки не будут эффективны без главного: без предоставления полной свободы рынка и конкуренции, подлинной хозяйственной самостоятельности, без права на безработицу и забастовки. В ходе своих хозяйственных неудач, правящий класс сам проникается буржуазно-демократической идеологией — этой главной предпосылкой успешных реформ. Когда я говорю о правящем классе, то имею в виду не столько конкретных руководителей и их сознание, сколько весь класс в целом. Нынешние руководители, конечно, могут оставаться твердокаменными до конца, но ведь их природный конец неизбежен, — потому эволюция правящего класса зависит от того, каковы будут их дети и преемники. А они будут более буржуазны и демократичны.

Очень часто встречаешься с неверием в возможность эволюции правящего класса. Логика здесь такова: чтобы пробиться к власти, будущие руководители должны сегодня пройти полную школу карьеризма, подхалимства, беспринципности, и потому к моменту прихода к власти они теряют последние остатки честности и любви к народу.

С этой логикой согласиться, конечно, нужно. Действительно, романтизм и идеализм Дубчека — лишь редкое исключение. Действительно, карьеризм и беспринципность — необходимые качества для высших руководителей. Но это совсем не означает запрета на буржуазную и демократическую эволюцию, которая совсем не исключает ни карьеризма, ни беспринципности. Конечно, интеллигентные мечтатели могут фантазировать и призывать «справедливую, гуманную, просвещенную, хорошую власть», свободную как от буржуазных, так и от феодальных черт. Но я свободен от подобных утопий и из двух зол намерен выбрать меньшее. Такой же выбор надо делать и всему обществу.

Кроме возрастных изменений, нельзя забывать и о том влиянии, которое оказывают на высшее руководство позиции среднего руководящего звена, партийного и хозяйственного аппарата. Падение Хрущева — тому яркий пример.

Хрущева снял в основном партийный аппарат, боявшийся слишком быстрой десталинизации. Можно сказать, что в частности этот переворот носил реакционный характер, хо-

тя в целом — способствовал демократизации и обуржуазиванию всего правящего класса.

Однако сможет ли оказывать подобное влияние на высшее руководство наш хозяйственный аппарат? Сумеет ли он развязать себе руки и поставить в конечном счете эконо­мику — командной силой над политикой? Смогут ли руководители наших предприятий и совхозов стать столь же самостоятельными предпринимателями, как и администраторы американских корпораций? Не безнадежно ли ожидание от наших директоров перерождения в современных бизнесменов? От этих партийных ставленников, барских приказчиков, способных лишь на окрики в цеху или на оперативке, — и на мелкую дрожь в кабинетах замминистров? — Вполне законное сомнение. Сразу же запрашивается ответ, нельзя!

Спроси любого нашего директора: хочет ли он капиталистической конкуренции для своего предприятия? — и он ужаснется: «Тут дай Бог план выполнить, а уж с нашим качеством продукции, с нашей технологической подготовкой, неповоротливыми и ленивыми работниками, — любой конкурент в два счета задушит. Да и зачем нам эти дополнительные переживания, если нервов на выполнение плана едва-едва хватает?» — Конечно, нынешние командиры производства в целом не будут ратовать за капитализм.

И все же я поостерегся бы принять этот ответ за окончательный. Приглядимся повнимательнее к облику подрастающего поколения наших руководителей. В большинстве это молодые и честолюбивые карьеристы, отличающиеся умом и беспринципностью. Последнее качество совершенно необходимо. Ведь искренние коммунистические убеждения обязательно приходят в столкновение с феодальной практикой власти и губят начинающуюся карьеру. И чем выше поднимается человек по лестнице власти, тем больше ему нужно изворотливости и безыдейности. Однако, что такое безыдейность, как ни осознание важности только своей выгоды и только ее, как ни поощрение своего эгоизма и индивидуализма? Как ни глубоко буржуазное качество? И вот мы видим, как сама система власти отбирает в свое возглавление наиболее расчетливых, жадных, властолюбивых и изворотливых, т. е. наиболее буржуазных людей. Вернее, — *предбур-*

жуазных, поскольку они пользуются пока феодальными приемами власти и коммунистической фразеологией. Пойдем дальше. Смерть вождя и крушение его системы абсолютизма родила своеобразный тип коллегиального руководства (ленинский — по названию; буржуазно-олигархический — по сути). В наступивших условиях общественного спокойствия, сравнительной законности и свобод, правящий класс ощущал некоторый прилив самостоятельности в своем характере, зачаточное ощущение своей власти в пределах отведенной ему вотчины. А соответственно этому — рост хозяйственной заинтересованности в лучшей работе своей области, района или завода и фабрики. Эти новые условия позволяют хоть в небольшой степени, но самостоятельно экспериментировать и добиваться результатов. Средние и низшие слои правящего класса, особенно руководители предприятий, очень близко стоят к производству, остро ощущают его нужды и требования. И если старая структура власти требует от современного руководителя верноподданничества, защиты «социализма и роли партии» во что бы то ни стало, то задача развития производства вынуждает его совсем к иному: к лучшей организации труда, к лучшей организации снабжения, к лучшему ценообразованию, гибким планам и т. д.; ко всему тому, к чему может дать возможность только самостоятельность, конкуренция, рынок. Последние слова никогда не додумываются и не произносятся, но даже выраженные по-иному, они не теряют своей сути.

В тисках этих противоречивых требований работают и бьются современные руководители производства. И перед ними только два пути: уйти на спокойную работу правоверных партработников, или ловчить для производства, пользоваться всеми уже признанными отступлениями от сталинского социализма и полулегально создавать прецеденты для новых отступлений. Полулегальное размягчение плана, свобода снабженческих махинаций, самостоятельные цены и ставки заработной платы — все это предвещает их узаконенный в будущем характер. В сторону признания уже опробованных полулегально методов и дают нижние слои правящего класса. Так осуществляется буржуазно-демократическая эволюция.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что буржуазно-демократическим развитием охвачены как низы общества, так и его верхние слои; что как внизу, так и вверху имеются реакционные и прогрессивные элементы. Причем интересно, что представители буржуазной тенденции этих двух основных классов стоят посередине, ближе друг к другу, и как бы смыкаются между собой (рабочая аристократия и нижнее звено правящего класса). В то время, как представители старой, феодальной тенденции разведены на противоположные полюса нашего общества (в самый низ и на самый верх).

Таким образом, в современном обществе можно разглядеть 2 пары основных классов: два старых класса: 1) неразвитые, малоквалифицированные и по-крепостному покорные рабочие; 2) высшее руководство страны, буржуазное по характеру и феодальное по методам руководства; и два новых класса: 1) буржуазно настроенная рабочая аристократия и техническая интеллигенция; 2) производственное и научное руководство.

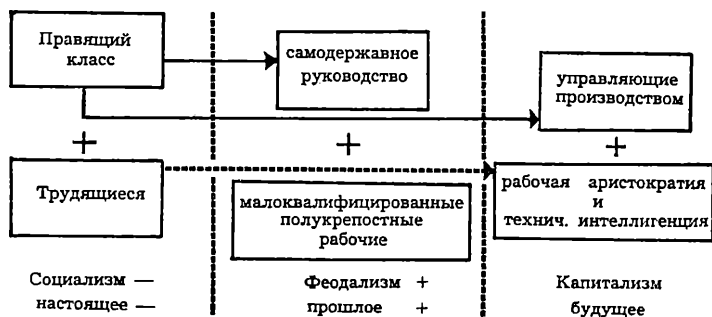
Два старых класса скрепляются сходством официального марксизма-ленинизма верхов и неоккоммунизма низов (плюс к этому сходство официального патриотизма верхов и инстинктивного шовинизма и антисемитизма низов).

Два новых класса составляют новый народ с прагматической, буржуазно-демократической, конформистско-реформистской идеологией, вокруг которой группируются все остальные идейные оттенки таблицы Амальрика.

Часто два новых класса объединяют в один, называя его средним классом современного социалистического общества и гегемоном будущего демократического движения. Примерно так употребил этот термин и Амальрик — и, видимо, вполне справедливо. Единственно, чего хотелось бы здесь избежать — так это употребления понятия «класс». Ведь из классов состоит нормальное, устойчивое общество. В этом же случае лучше употребить понятие «третье сословие», «средние слои» или «нарастающий народ будущего буржуазно-демократического общества», который уже сейчас делится на два новых класса. Им суждено развиваться и построить демократическую республику, в то время, как двум

старым классам предстоит исчезнуть в качестве феодальных пережитков. Таким образом, основное идеологическое размежевание в нашем обществе намечается сегодня и будет в дальнейшем все более резким не столько между классами, сколько между старым и новым народами.

С учетом вышесказанного можно представить следующую схему:

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК КЛАСС И КАК ПРОСЛОЙКА

В настоящее время у нас очень широко ходят теории об особой, ведущей роли интеллигенции в жизни вообще, в демократическом процессе — в частности. В обоснование этого тезиса приводится, с одной стороны, указание на извечную покорность и забитость широких масс, и, с другой стороны, — современное возрастание удельного веса интеллигенции в обществе. Этот тезис отстаивает Гэлбрейт в заключительных главах своей книги. Примерно той же аргументации придерживается и Амальрик, подводя под понятие «среднего класса» почти исключительно интеллигенцию.

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять, что подобные теории выработаны и распространяются прежде всего самими интеллигентами, что они — плод интеллигентского самообольщения. Притом горький плод, по-

тому что он неизбежно ведет к пессимистической оценке перспектив демократизации в стране. И правда, чисто интеллигентская демократизация невозможна не только в нашей, но и ни в какой иной стране!

Но что есть интеллигенция на самом деле? — По привычке лезем в БСЭ: «Интеллигенция есть социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» (от лат. — «понимающий, мыслящий»). Следовательно, это понятие вбирает в себя как представителей низов — типа мелких служащих, которые зарабатывают много ниже рабочей аристократии, так и само высшее руководство, т. е. весь правящий класс целиком.

Понятно, что такое понимание интеллигенции слишком широко, объединяет людей очень разного положения и роли, и потому «плохо работает». Поэтому следует перейти к более узкому и распространенному толкованию: люди с высшим образованием, занимающиеся творческим трудом. Обычно различают техническую (ученые и инженеры) и гуманитарную интеллигенцию (работники печати, просвещения, искусства и т. д.), причем первые — преобладают по своей численности.

Несомненно, среднее социальное положение этих людей, как по роли в производстве, так и по уровню жизни, обуславливает сравнительно высокое развитие в их среде буржуазно-демократических взглядов. Особенно среди инженеров и ученых, близко стоящих к нуждам научно-технического прогресса. На наших глазах рождается новый тип ученого-инженера. Равнодушный ко всяким иллюзиям, он с увлечением занимается наукой, но не забывает и о материальной, денежной стороне жизни. С точки зрения старой морали, такое сочетание «чистого творчества» и материальной «наживы» — противоестественно. Мы воспитаны на мысли, что истинный ученый должен быть бесребренным, бескорыстным служителем духа, принимающим свою зарплату лишь как несущественное признание заслуг со стороны страны и ее руководства.

Нынешние же «акулы» в науке (главным образом в технической) — жестко, целеустремленно и увлеченно работают — за степени и оклады, должности и возможность самостоятельных действий. И даже воюют за это с коллегами (конкурируют), вызывая против себя общественное порица-

ние и даже негодование. Общественное мнение часто путает этот тип ученого со старым типом карьериста за счет науки, партийного слуги и часто доносчика (на деле антинаучного по своей работе). Но это несправедливо, ибо новая формация — именно в самой науке и производстве, а не в партийном богословии видит источник своего жизненного успеха и материального благополучия. Конечно, наука здесь не самоцель, и в случае необходимости можно пожертвовать даже научной истиной ради компромисса между шкурой и делом. Как правило, эти новые люди партийны и пунктуально выполняют все правила партийной игры, но не больше. Для них это вроде светских условностей, обязательных, хотя и несколько обременительных и совершенно отделенных от личных взглядов. Такая отделенность культивируется и защищается. Партийность принимается, потому что это «полезно для дела» — для науки, способной принести уважение и деньги. Но уже сегодня сказывается, что для дела полезны не столько лояльность и партийность, сколько пробивные и организаторские способности, умение самостоятельно вести дело: доставить оборудование и материалы, рабочих и сотрудников, пробивать штаты и выгодные темы, налаживать связи с соседними организациями, следить за конкурентами и т. д. — весь набор качеств хорошего бизнесмена. Невольно складывающиеся расчетливо-деловые отношения этих людей с миром обеспечивают высокую степень их личного буржуазно-демократического сознания.

То же самое можно повторить в применении к представителям медицины, журналистики и других видов гуманитарной деятельности, отдающих свое главное внимание профессиональному успеху.

Кроме того, на демократическую оппозиционность интеллигенции в ее массе влияют не только осознание требований «дела», производства, но и сама специфика творческого труда, больше других нуждающегося в свободе получения любой информации и свободном ее обсуждении. Требование интеллектуальной свободы, свободы творчества — уже сегодня поставлено интеллигенцией перед руководством ясно и недвусмысленно. И если это требование будет выполнено, если оно станет первым принятым демократическим положением, то интеллигенция, действительно, сыграет свою роль передовой части нового общества, «среднего сословия».

Но, конечно, даже такой успех не сможет быть подтверждением теорий интеллигентской исключительности.

Главное — в любом случае будут решать массы нового народа, а не отдельные его слои.

**
*

В этой связи следует рассмотреть особую роль интеллигенции: уже не как класса, а как особой идеологической прослойки, имеющейся в любом развивающемся обществе.

Кроме своей роли в производстве, именно интеллигенция выдвигает и разрабатывает все идеологические системы и учения, призванные объяснить общественный мир и изменить пути его улучшения. В таком, еще более узком понимании интеллигенция — это круг людей-идеологов, которые оформляют мировоззрения людей разных классов и положений. Этот круг — источник идей и направлений, где, под влиянием накопленных исторических традиций и современных обстоятельств, варится идеологическая похлебка самых разных оттенков. Зачастую представители этой прослойки близко знают друг друга и находятся в приятельских отношениях, хотя придерживаются противоположных политических концепций. В предреволюционной России, например, из одного и того же интеллигентного круга вышли будущие смертельные враги: меньшевики и большевики, эсеры и кадеты, трудовики и анархисты. Известное марксистское положение о том, что пролетарская идеология вносится в среду рабочего класса — революционной интеллигенцией, с тем же правом может быть применима и к другим классам, и к другим идеологиям. Интеллигенция в этом смысле — это не только разношерстное идеологическое сборище, но и беспокойное зеркало, в котором отражаются нужды и тенденции развития различных слоев и классов народа. Роль такого «зеркала» достаточно велика: в конкуренции идей, спорах и выяснении позиции оттачивается программа, осознаются цели и стремления больших человеческих масс, и пробуждается к активному осмыслению жизнь других слоев общества.

Однако и только: сама по себе, интеллигенция, как прослойка, очень малочисленна и разношерстна, чтобы стать самостоятельной силой. В решающие моменты социальных

движений, эти люди разбиваются по тем классам, интересы которых они раньше защищали, и потому не могут существенно повлиять на соотношение сил.

Интеллигенция, как идеологическая прослойка, пробуждает людей к общественной активности, к общественным изменениям. Однако у этой полезной функции есть свои пределы, переходя которые она способна спровоцировать резкие столкновения, подрвать устойчивость общества и нарушить эволюционный ход развития. Поэтому не следует предаваться иллюзиям, что возможно такое общество, где идеологическая прослойка могла бы получить полную свободу в своем творчестве, включая разработку самых крайних взглядов. Страны с давними и прочными демократическими традициями (вроде Англии и США) могут себе позволить роскошь такого идейного буйства (да и то не всегда и не полностью), поскольку оно не угрожает непосредственно общественным устоям. России же до такого состояния очень далеко, поэтому было бы непростительной ошибкой надеяться, что будущая демократическая республика сразу же обеспечит полную свободу любых крайних и угрожающих ей взглядов, а не только через длительный период общественного спокойствия и развития.

Потивовесом по поводу идей интеллигенции может быть не только мера подавления сверху, но и второй фактор: сдержанная медлительность и консерватизм народных масс. На модифицированной таблице Амальрика (стр. 152) я отобразил интеллигентское разнообразие идеологий узкой ленточкой между двумя массивными жерновами: громадой официальной пропаганды и громадой народных верований. Только притяжение этих двух масс способно сдерживать активную прослойку и в то же время медленно и устойчиво поддаваться ее идейным иллюзиям.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подводя итоги этим очеркам, я фактически повторю вступление. Рассмотрев здесь некоторые основы и перспективы развивающейся буржуазно-демократической идеологии нашего народа, я хочу еще раз подчеркнуть цель, ради которой все это делалось, хочу еще раз повторить призыв

к ясности, продуманности своих желаний. Пусть будет смелость, но пусть она будет трезвой.

Я повторяю призыв к избавлению от иллюзий, в частности — изживанию одного из главных наших мифов — веры в возможность социалистической демократии и феодальной убежденности в порочности капитализма.

На протяжении всей работы я стараюсь доказать, что буржуазность и демократия — неразделимы, что это две стороны одной и той же медали, что можно употребить любое из этих слов, подразумевая вместе с тем смысл второго, что не может быть недемократической зрелой буржуазии и небуржуазной демократии.

Эти очерки написаны для моих сверстников и товарищей, в основном — представителей интеллигенции, и потому я так настойчиво возражал против мифа об интеллигентской исключительности, о ее решающей роли, о безнадежной заботности социальных низов. Я хотел доказать, что, наоборот, судьбу демократизации страны будет решать предстоящее ее обуржуазивание — как низов, так и верхов нашего общества, что именно в этих решающих звеньях будет совершаться история. Я хотел показать, что этот процесс уже идет полным ходом, и только наша собственная предвзятость не позволяет видеть реальности жизни.

Может, работа не достигла своей цели, и мне не удастся кого-либо убедить. Что ж, я сделал все, что было в моих силах, и выше головы не прыгнешь. Я убежден в своей правоте и надеюсь, что будущее ее подтвердит.

Подтвердит не только практикой, но и теорией. Надежда, что эти очерки станут известны пусть даже немногим людям и введут в их обиход идеи буржуазно-демократической реформации, послужат одной из предтеч к оформлению общепризнанной прогрессивной идеологии, — меня особенно воодушевляла.

Во всяком случае, я убежден, что наша страна не может вечно оставаться в стороне от мирового пути развития. Что, пройдя первый спазм великой буржуазно-демократической революции 1917 г., пережив период тяжелой самодержавной реакции, страна приступает к строительству нового буржуазно-демократического общества, вступает на путь ускоренного технического развития — к настоящему, не первобытному коммунизму будущего.

Производственное развитие играет первенствующую роль в этом движении. Но в то же время страна не сможет добиться достаточно быстрых темпов развития без буржуазно-демократических реформ. Эти процессы — взаимообусловлены, и ускорение одного из них приводит к ускорению другого.

И поэтому снова, обращаясь к своим сверстникам, я хочу сформулировать жизненную программу: наша производственная деятельность должна быть увязана с демократической активностью. И снова вспоминая старый лозунг Тимирязева, заканчиваю эти очерки его словами:

«НАУКА И ДЕМОКРАТИЯ!»

Декабрь 1970 г.

Приложение 1

СУЩНОСТЬ
КОММУНИЗМА

СУЩНОСТЬ КОММУНИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

Со словом «коммунизм» люди знакомы многие сотни лет. Сегодня о нем говорят миллиарды наших современников и спорят тысячи ученых, и, наверное, эти споры уже успели далеко продвинуть человечество в его понимании.

Однако нас, жителей страны, сделавшей коммунизм своей верой и целью, эти споры и поиски не касаются. Нам доступна только одна, официальная трактовка, и потому свойственно только одно, но стойкое в него неверие. Это повальное, тотальное неверие — прямой результат однопартийной пропаганды, не терпящей серьезных возражений! Любые естественные, даже случайные возражения и недоумения при изучении теории коммунизма остаются, как правило, внутри недоумевающего — неразработанными и смертельно скептическими. Невысказанное сомнение превращается через скепсис в тайное, но прочное антиубеждение. Касаясь в основном только развитых людей, способных на самостоятельное движение мысли и, следовательно, способных «разложиться», этот процесс заражает прежде всего и тех, кто в силу своих способностей выбивается вверх карьеры, в том числе — и в области партийной пропаганды.

И вот новому поколению «пропагандистов» в свою очередь приходится разъяснять теорию коммунизма, вести этот всем надоевший, но необходимый ритуал, абсолютно пустой и непонятный. Но такой стиль политико-воспитательной работы снова усиливает скепсис у новых слушателей и углубляет порочный круг. И я не удивлюсь, если результаты какого-нибудь независимого и объективного социологического анализа-опроса покажут, что в нашей стране процент людей, верящих в наступление коммунизма, меньше, чем, допустим, во Франции и Италии. И что этот процент особенно мал среди партработников.

Звучит парадоксально, но именно нам, людям сугубо беспартийным и далеко не официальным взглядов, приходится

сегодня брать под защиту коммунизм и убеждать людей: «Ну что вы! Коммунизм — это наше и общее будущее; это не сказка, а реальность; не утопия, а научно предвидимый факт!»

Но если вдуматься, то ничего страшного в этом нет: старая идеология сегодня переживает упадок и распад — она сама запуталась в своих основах. Оставив за собой только право на звонкие и пустые пропагандистские фразы, она стала неспособна по-настоящему убеждать людей, и уже сама на это не надеется, потеряв и тень первоначальной фанатичной убедительности.

Новая же, демократическая идеология, рождаясь в борьбе и трудностях, превращает инстинктивное отвращение людей к пропагандистским штампам в новые идеологические формы, не может не подхватить и знамя *коммунизма*. Этого всеобщего человеческого идеала, который вместе со словами: гуманизм, свобода, демократия и др. — веками формировал общественное сознание людей и нашего народа в том числе.

В настоящее время только демократы могут и должны стать истинными толкователями и хранителями коммунизма.

**
*

Чтобы понять суть коммунизма, приходится начинать с самого начала, копаясь в таких истоках, которые многим могут показаться давно известными или тривиальными. Но не следует этим смущаться.

Здесь дана попытка взглянуть на коммунизм с объективной точки зрения, беспристрастно. Но это, конечно, не означает отсутствия на веру принятых постулатов. Аксиомы в теории коммунизма, конечно, есть.

Грубо говоря, есть три подхода, три ответа на вопрос: «Что такое коммунизм?»

1) Ответ коммуниста: «Это светлое будущее, к которому неизбежно придет весь мир».

2) Ответ некоммуниста: «Это идеология, имеющая в своей основе фантастические цели и по-разному влияющая на людей. Положительно, когда сплачивает людей на реальной

работе, и отрицательно — когда пытаются на деле осуществить свои фантастические идеалы».

3) Ответ антикоммуниста: «Это тип религии 'без Бога', но с раем, пророками, проповедниками-талмудистами, святыми и прочими атрибутами культа. Подспудная цель проповедников этой религии — одурманить часть людей, их усилиями захватить власть над всем народом, установить свою диктатуру и эксплуатировать народ, требуя от него дисциплины, отказа от индивидуальных запросов (как чрезвычайных) и личных жертв во имя построения будущего 'земногорая', на деле же — для создания реальногорая для себя самих и каторги для остальных».

Из этих трех точек зрения мы можем принять первую, и именно ее попытаться уяснить (не вдаваясь в долгое рассмотрение справедливости двух остальных точек зрения).

Итак, главный постулат: «Коммунизм — светлое будущее всего человечества!»

Одновременно это и заглавие второй, основной части современной программы КПСС. В ней дано следующее, основополагающее определение:

Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе со всесторонним развитием людей вырастут и производственные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком, и осуществится великий принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям!»

Это определение — не временные и случайные фразы, а действительно давно установившийся канон коммунистической идеологии. В этом легко убедиться, сравнив его хотя бы с определением Маркса в «Критике Готской программы»:

На высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, когда труд перестанет быть только средством к жизни, а станет сам первой потребностью жизни, когда вместе со всесторонним развитием индивидов вырастут и производственные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий

горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый — по способностям, каждому — по потребностям!»

(М. Э., Соч., т. 19, стр. 20.)

Сходство этих определений несомненно (как несомненны и некоторые различия). В других книгах Маркс и Энгельс неоднократно упоминали о великом принципе «старых» коммунистов: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям», подчеркивая этим, что он является не только самым главным, но и самым старым (еще от утопистов) звеном в определении коммунизма, его традиционной сутью.

Теперь разберемся подробнее в этом определении . . .

1) *Коммунизм — бесклассовое общество.*

Что такое классы?

. . . это большие группы людей, различающиеся по их месту и исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а также, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают.

(Ленин, С., т. 29, стр. 388.)

Не будет классов — значит не должно быть причин, вызывающих их с необходимостью. Если не будет разделения труда и профессионального закрепления людей в производстве, то не будет и классовых различий в собственности власти и материальных богатств.

Мыслимы лишь два варианта исчезновения разделения труда: либо когда люди вообще перестанут участвовать в общественном производстве, либо когда они станут абсолютно универсальными и развитыми, способными к выполнению любой производственной функции в любое время — и только по собственному желанию. Хотя мы считаем реальным только первый вариант (об этом пойдет речь в дальнейшем), но обычно за истину молчаливо принимается второе.

Следствием из отсутствия разделения труда вытекают тезисы:

а) о полном социальном равенстве людей,

- б) об исчезновении существенной разницы между городом и деревней,
- в) об исчезновении существенной разницы между умственным и физическим трудом,
- г) об исчезновении понятий собственности (ввод общенародной собственности есть отсутствие всякой собственности),
- д) об отмирании государства — этой машины для сохранения классовых различий и «подавления одного класса другим», и т. д.

Каждый из этих тезисов влечет за собой следующие, логично связанные с ними предположения. Например, общество без государственной организации будет возможно, если только будущие люди не будут совершать серьезных преступлений, если наказания за оставшиеся небольшие преступления будут выноситься и исполняться стихийно — всей совокупностью людей, без особых органов суда и полиции (прямо на месте — самосудом).

Молчаливо предполагается высокое нравственное совершенство будущих безгрешных людей, хотя и второй вариант не отменится:

Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимость подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужен особый аппарат подавления (государство), это будет делать сам вооруженный народ с такой простотой и легкостью, с какой толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А во-вторых... с устранением эксплуатации эксцессы неизбежно начнут «отмирать».

(Ленин, С., т. 25, стр. 425.)

Бесклассовое общество означает действительное и полное осуществление старых лозунгов — свободы, равенства и братства!

- 2) *«Производительные силы при коммунизме будут развиваться так, что материальные блага польются полным потоком».*

Провозглашение изобилия благ («каждому — по потребности») — одно из самых сомнительных мест в определении коммунизма.

Возможно ли полное изобилие благ и потребление их как

воздуха или воды, по желанию? — Да, возможно, если предложение материальных благ (их производство) будет значительно, в несколько раз превышать суммарный потребительский спрос. Чтобы понять степень этого необходимого превышения, можно вспомнить, насколько мы больше расходует воды сегодня в сравнении с расходом в случае большой цены на воду. А дополнительно надо учесть, что вода — стандартна, и потому перерасход ее в одной семье легко уравнивается недопотреблением в другой, что стабилизирует производство воды (работу водонапорных станций). Но изобилие всего мыслимого разнообразия предметов потребления можно создать только с помощью огромных запасов как самих материальных благ, так и производственных мощностей, только большим превышением предложения над спросом. На каком уровне развития народного хозяйства это может оказаться возможным? — Много прогнозов делалось на этот счет в разное время и развитыми людьми, но ни один из них пока не подтвердился. Многие пытались заглянуть в будущее и безуспешно старались определить условия и сроки наступления изобилия. Вот характерные примеры:

а) Маркс в одном из своих ранних произведений (М. Э., С., «Из ранних произведений», стр. 531) одобрительно цитирует книгу некоего ученого Шульца «Движение производства»: «Во Франции вычислили, что при нынешнем состоянии производства для удовлетворения всех материальных запросов общества было бы достаточно, чтобы каждый работоспособный человек работал в среднем 5 часов в сутки... Однако, несмотря на экономию времени, достигаемую совершенствованием машин, продолжительность рабского труда на фабриках для многочисленного населения лишь возросла (до 12—14 чч)». Из слов Шульца напрашивается непосредственный вывод о «научной» необходимости введения справедливого строя (коммунизма). Этот вывод и был сделан Марксом через четыре года в «Коммунистическом Манифесте».

б) Прошло 40 лет гигантского развития производительных сил, многократно превысивших уровень 1848 г... И вот вождь немецких социалистов А. Бебель снова победно цитирует австрийского ученого Герцна, который подсчитал, что если полностью модернизировать хозяйство Австрии до уровня передовых стран того времени, то «для удовлеворе-

ния необходимых жизненных потребностей при новой организации труда понадобилось бы работать ежедневно полтора часа, а... чтобы удовлетворить все потребности населения (в роскоши), пришлось бы работать только 2,5 часа в день» (А. Бебель, «Будущее общество»).

в) Спустя еще несколько десятилетий В. И. Ленин провозглашает, что молодые члены партии и комсомольцы обязательно доживут до коммунизма, но для этого надо построить материальную базу коммунизма, т. е. полностью электрифицировать хозяйство, и следующим образом обращается к молодежи в 1920 году:

Только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, только тогда вы для себя можете построить коммунистическое общество... Нам нужно рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая страна могла быть обслужена по последним достижениям техники, и вот тогда поколение, которому теперь 15 лет, через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе.

(Ленин, Соч., т. 41, стр. 318.)

г) Прошли 20 лет советской власти и стремительного технического прогресса XX века. О планах ГОЭЛРО (10—15 млн. квт/час. электроэнергии) уже редко кто вспоминает помимо курса истории КПСС, но вот Сталин в книжке «Экономические проблемы социализма» дает новые прогнозы и намечает иные рубежи в развитии производительных сил, которые уже точно можно назвать материальной базой коммунизма, позволяющей долгожданное изобилие: 90 млн. тонн стали в год, 500 млн. тонн угля и т. д. . . .

д) Умер Сталин, не достроив коммунизма. Прошло 15 лет. Промышленное производство удвоилось и перекрыло почти все сталинские рубежи. Но снова уже новый прорицатель и вождь, Н. С. Хрущев, на съезде заявляет в 1961 году: «Партия торжественно провозглашает: 'Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме'» — и заносит официально в программу партии дату — 1980 г., когда будет построена в основном материальная база коммунизма: в 6 раз увеличат промышленное производство (3000 млрд. квт/час., 250 млн. тонн стали . . .), а сельское хозяйство — в 3,5 раза и т. д.; когда большую часть материальных благ и

услуг будут выдавать населению бесплатно... (Программа КПСС, 1964 г.).

Сегодня еще не прошло и половины намеченного срока, но об этих цифрах и обещаниях стараются не вспоминать. Наоборот, стараются поскорее забыть. И не столько из-за явного невыполнения намеченных цифр, сколько из-за явной фантастичности планов введения коммунизма в жизнь. И можно быть уверенным, что будущий вождь в 1980 г. об этой программе и не вспомнит, как не вспоминают сегодня все прогнозы прежних вождей...

Эти примеры породили в нас устойчивый скепсис к обещаниям и уверениям и твердую убежденность в недостижимости полного (абсолютного) изобилия. Действительно, даже если бы все цифры и планы неукоснительно соблюдались, потребности людей растут еще более быстро и всегда перехлестывают производство. В этом перехлесте и заключается признаваемое официально «растущее относительное обнищание трудящихся». Кажется, что нет предела желаниям и потребностям человека, и, как ни странно, — это правда. Как в той сказке о золотой рыбке, о рыбаке и растущих потребностях его старухи, что мечтала сначала лишь о новом корыте, а потом не удовлетворилась и всеми царскими богатствами и властью. Не помогли ни прирожденная бедность, ни пролетарское происхождение!

Сегодня изобилие понимается не абсолютно, а относительно — допустим, относительно сегодняшнего среднего уровня потребления. Иметь материальных благ в несколько раз больше, чем имеет средний человек в округе, — дальше этого обычное представление об изобилии не идет. Правда, материальное благосостояние современных людей много выше уровня жизни даже привилегированных людей в прошлом. И тем не менее мы не оказались в коммунизме и не чувствуем особого счастья. Видимо, для ощущения изобилия важен не столько абсолютный уровень потребления, сколько — *относительный* (не менее, чем у других людей). Ведь уровень жизни — «богатство» — ценно не само по себе, а как показатель власти, способностей и уважения других людей к данному человеку. Ведь отношения человека с человеком гораздо существеннее для людей, чем чувство сытости или удобства. Относительное изобилие как раз и предусматривает отмирание функции престижного потреб-

ления: при коммунизме обладание вещами не будет служить признаком достоинства человека в обществе.

Далее обычно полагают, что достижение изобилия есть отмирание товарного распределения и переход к «бесплатному распределению» (но не по карточкам, а вволю). Т. е. не будет денег, зарплаты и вообще всех товаро-денежных отношений. Исчезнет и необходимость принудительного производственного труда. Человек будет всем обеспечен, и только желание использовать свои способности или моральный долг может его подвинуть на трудовой подвиг — но, конечно, не на нудный и неблагодарный труд.

Подведем итоги: Коммунизм — есть такое общественное устройство, где —

1) осуществлено относительное изобилие материальных благ и установлено распределение по потребностям, и вместе с этим устранены товарно-денежные отношения;

2) отсутствует принудительный труд за деньги и осуществлен принцип работы по способностям, по желанию, т. е. по потребности;

3) отсутствует разделение труда и классовое разделение, а вместе с последним отсутствует государство. Утверждаются — свобода, равенство, братство.

КТО ПРИДУМАЛ КОММУНИЗМ?

Кто разработал эту стройную и логичную теорию коммунизма?

Ни Маркс, ни Ленин никогда не присваивали себе заслугу такого великого открытия и создания теории коммунизма. Ленин взял ее у Маркса, Маркс — у старых утопистов, а те у своих предшественников и т. д. . . . И оказывается, что коммунизм всегда был цельной системой взглядов, хотя несомненно, что век от века его облик сильно изменялся.

История его насчитывает не только несколько сотен лет теоретической мысли коммунистов и социалистов-утопистов, но и тысячи лет восстаний и практических свершений коммунистически настроенных масс. В теории — Фурье, Сен-Симон, Кабе, Мабли, Кампанелла, Томас Мор и т. д., а на практике — Парижская Коммуна, заговоры бланкистов-коммунистов — XIX век, движение «бешеных» Бабефа во

Франции — XVIII век, уравниатели-левеллеры в Англии — XVII век, коммунистические отряды крестьян-хилиастов в Германии — XVI век, табориты в чешской Реформации — XV век, Лейденская коммуна в Голландии — XIV век... Турция, Иран, Китай и пр., и пр. . .

Однако и эта старая теория, и эта древняя практика — далеко не исчерпывают родословной коммунизма. Его корни уходят глубоко в древность — к учениям древних христианских и других религиозных общин, к восстаниям рабов и граждан — против господ и богачей, к утопиям Платона и к практике государства Спарты... В конечном счете история коммунизма приведет нас непосредственно к племенному общинному строю, при котором человечество проживало многие тысячи лет. Здесь-то, в практике первобытных общин, и лежат живые корни коммунизма!

Напомним кстати, что «коммунизм» — есть французское слово и переводится, как община (происхождение от латинского „Communis“ — «всеобщий»). Прямой смысл этого слова — устройство жизни общины, племени, рода, народа, общества, что снова приводит нас к древним, изначальным временам.

Тайна коммунизма — натурализм.

Коммунизм никто не изобрел и не выдумал. Он был взят прямо из жизни, ибо существовал всегда и всюду, в практике и сознании всех народов, как воспоминание о прошедшем «золотом веке», как жизни, наиболее соответствующей человеческой природе. Ведь человечество громадную долю своей истории провело именно в стадии первоначального коммунизма, и именно в это время сформировались самые глубокие человеческие инстинкты и пристрастия. Выбитое сегодня технической цивилизацией из естественной колеи развития человечество хранит почти неизменной свою биологическую и психическую организацию (ибо за немногие тысячи лет цивилизации нормальный естественный отбор не успел многого сделать) и потому стремится к восстановлению прежнего естественного и коммунистического образа жизни.

Теперь сошлемся на мнение Маркса, высказанное им в годы прихода к коммунистическим убеждениям (1844):

Коммунизм — ... полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого

развития, возвращение человека к самому себе, как к человеку *общественному*, т. е. *человечному*. Такой коммунизм противостоит, как *завершенный натурализм* — гуманизму, а как *завершенный гуманизм* — натурализму. Он есть подлинное разрешение противоречия между человеком и человеком... Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть решение этого...

(М. Э., С., «Из ранних произведений», стр. 593.)

Таков тезис раннего Маркса, которому он не изменил всю свою жизнь. Коммунизм — это естественное (натуральное) устройство человеческой жизни, при котором человек был всегда, если не считать последнего краткого периода товарной цивилизации, и... при котором будет жить в будущем, когда кончится предыстория человечества.

Уже после смерти Маркса, Энгельс, выполняя завещание своего друга, печатает книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и заканчивает ее следующими словами Моргана:

Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование осветят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Она будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов!

(М. Э., Соч., т. 21, стр. 178.)

Когда-то условия создания крупного общественного производства потребовали отказа от коммунистических принципов общезжития. Но так или иначе, а история делается людьми, и эти тысячелетние совокупные усилия людей не могут не дать постепенного приспособления общественного производства и строя к человеческому естеству. История делается людьми, и потому она не может не двигаться к коммунизму, не осуществлять его медленно, но верно.

Однако эти рассуждения пока голословны. Почему и как? Как можно сочетать первобытный строй со «всеобщим богатством развития»? И как вообще мыслится весь переход такого рода?

Об этом пойдет речь ниже. Но прежде надо рассмотреть окружающую нас действительность. А нет ли в ней элементов коммунизма? И в чем собственно сейчас воплощается

процесс движения к этому будущему? И не реальные ли элементы коммунизма питают воображение коммунистических практиков и пропагандистов? И не имеет ли этот обыкновенный коммунизм (сегодняшний и прошлый) — какие-то неизвестные, неучитываемые нами, но неприятные черты, которые могут возродиться и в нашем завтра?

Наш анализ по необходимости будет упрощенным и грубым, но ведь это свойство всей работы, и мне остается только надеяться, что те, кто действительно стремятся разобраться в этой важной теме, имеют достаточно времени, терпения и желания, чтобы разобраться в недостатках данного анализа и собственными силами довести его до приемлемого конца (хотя бы для себя).

КОММУНИЗМ ЖИВОТНЫХ

Человек вышел из животного мира (точнее, из общества обезьян). Присмотримся же к этим истокам.

Многие животные живут обществами. Но можно ли их общественное устройство считать коммунистическим? — Сам вопрос может показаться неприличным, если не оскорбительным. Тогда его можно сформулировать иначе: если считать, что общества животных — это только предобщества, то не является ли их устройство — предкоммунизмом?

Издавна общества низших животных — пчел, муравьев, термитов и др. общественных насекомых — поражали людей согласованностью и целесообразностью действий. И часто эти общества, особенно пчел, приводились в поучение, как пример дружной работы и трудовой жизни.

Любое общество пчел (семья) имеет общую собственность (улей, соты, запасы еды и т. д.). У них осуществляется принцип: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. Ведь никто не учитывает, сколько пчела принесла домой меда и какое ей за это надо выдать пищевое вознаграждение. Каждая из них врожденно, инстинктивно, автоматически стремится взять как можно больший взятки и столь же автоматически старается экономно и бережно питаться из общих запасов. И не поймешь — то ли вынужденно пчелы работают от солнца до солнца, то ли по жела-

нию, просто ведя так свой образ жизни. Это действительно — *предкоммунизм*.

Причем еще одно обстоятельство: у пчел никогда не бывает полного изобилия, запасы пищи у них зависят от собственного труда и потому всегда ограничены. Это бедный, ограниченный коммунизм, хотя и не уравнилельный (каждая пчела сама регулирует свое потребление — в меру своих потребностей и в интересах сохранения общественного богатства). Кроме того, в пчелином обществе существует четкое разделение труда и разнообразных общественных функций, которое связано как с возрастными, так и с половыми различиями: матки, трутни, рабочие пчелы, которые делятся на сторожей, уборщиц и т. д. То же самое у муравьев или термитов (рабочие, солдаты, сторожа, матки и т. д.).

Такое подобие классового расслоения отражается и на количестве получаемых каждой подгруппой материальных благ, — главным образом питания (матка — одно, трутни — другое, рабочие пчелы — третье), и на форме жизни и управления обществом. Вся жизнь пчел протекает вокруг матки, как главы, — инстинктивно, автоматически (как сказали бы у людей — по чувству, по традиции, по старине . . .). Но в решающие моменты, — например, роения пчел — именно матка решает главные вопросы места и жилья.

Пчелиный предкоммунизм нам показывает, что осуществление развитого общественного производства даже на таком примитивном уровне членов общества требует обязательного труда и его разделения, классового расслоения, выделения главы управления (начатки государства) и т. д., что осуществление великого принципа коммунизма — «по способностям и потребностям» — не обязательно связано с изобилием, но может сочетаться и с инстинктивным, привычным самоограничением своих потребностей у общества с низким уровнем психики своих членов (неразвитость потребностей).

И только в этих условиях оказывается возможным совместить этот главный принцип с ведением общественного производства.

Общества насекомых демонстрируют нам пример бедного, неполного предкоммунизма. Далее мы увидим, что такого рода организации часто возникали и среди людей — в виде моральных, религиозных общин. В марксизме они извест-

ны под именем грубого, казарменного, военного, уравнительного коммунизма — в отличие от коммунизма настоящего, полного, будущего.

Еще больше нас должны заинтересовать сообщества животных высшего типа, стадные коллективы млекопитающих (особенно обезьян — этих прямых родственников человека). Здесь мы видим гораздо более гибкую и текучую форму организации, чем в коммунах насекомых. Она, на первый взгляд, — анархичней и свободней, но в силу этого же она гораздо лучше приспособлена к возросшим возможностям и интеллекту млекопитающих.

Каждый член стада может жить (и большую часть времени живет) самостоятельно или отдельно (малой) семьей. Собираясь же вместе, они подчиняются добровольно признанному (в порядке конкуренции, конечно) вожаку и совершают под его управлением не только автоматические, а и вполне разумные коллективные действия в поисках пищи и обороны. Одно из главных отличий стада от улья — в отсутствии общей, да и любой собственности. Они ведут себя так, как будто весь мир — земля, вода, воздух, солнце и пища являются их безраздельной собственностью. Но одновременно это не ущемляет подобных же прав у других (в общем, конечно, т. к. за обладание лучшими пастбищами и лучшими самками идет нешуточная борьба). У стада нет своего собственного производства, отделенного от остального мира, как у насекомых или людей. Общественные млекопитающие охотятся пасутся, даже строят свои норы — не каждый сам по себе. И если эту жизнедеятельность рискнуть назвать работой, то она ведется действительно в меру своих способностей и желания, в то время, как все жизненные блага захватываются у природы по потребностям. В окружающем мире для них почти всегда довольно пищи, поэтому можно приравнять ее количество — к полному изобилию без всякого принудительного труда. И травы, и плодов, и живности — довольно, чтобы жить безбедно. Мир для млекопитающих — как бесплатная кормушка неограниченных размеров, как общественное производство, но автоматическое и не требующее от них самих никакого участия. Следовательно, здесь принцип «от каждого по способностям, каждому — по потребностям» осуществляется по-другому, чем у насекомых. Здесь нет разделения труда, классового

расслоения и предгосударства (вожак — это не прирожденный правитель). Члены стада в полной мере пользуются свободой, равенством и братством. А вожак — ну что ж, его роль, видимо, необходима в любой совокупности особей, действующих сообща и планомерно. Коллективные действия невозможны без управления со стороны, следовательно, без руководства. Энгельс это обстоятельство выяснил еще в своей статье «Об авторитете». Им же отмечалось, что управление, необходимое для любых коллективных действий, совсем не тождественно государственному правлению («проводник», указывающий путь каравану купцов, совсем не равен царю этих купцов).

Общество высших млекопитающих демонстрирует нам коммунизм с изобилием, равенством, свободой и братством, т. е. как раз тот тип, к которому стремились все коммунисты.

В условиях такого «стадного» предкоммунизма (или для людей надо уже убирать приставку «пред»?) прожили свою жизнь первоначальные люди, которые уже не были обезьянами, но еще не стали людьми. Именно в человеческом стаде люди формировались и развивались как люди, приобретали свой внутренний психический облик. И именно такого рода коммунизм является для людей естественным, соответствующим их внутреннему настрою, является мечтой и счастьем — природа, приволье, игра сил и способностей, изобилие!

В этих условиях человечество родилось и к этим условиям оно стремится вернуться.

Однако следует приглядеться к жизни стада повнимательнее, ибо в ней, кроме идиллических сторон, немало мрачного и трагичного. Вспомним хотя бы главное: законы джунглей, естественного отбора и борьбы за существование, войны всех против всех. И не только против враждебных внешних условий (вроде хищников или неурожая пищи), но и беспощадная конкуренция среди своих. Не в производительном труде, как пчелы, находят свое истинное призвание млекопитающие, — а в борьбе, в конкуренции. (Ну как не вспомнить, к слову, знаменитое изречение классика: «Ваше представление о счастье? Борьба!»).

Джунгли — оборотная сторона изобильного и свободного коммунизма. Свобода ведь включает в себя свободу смерти и гибели, равенство включает равенство возможностей борьбы, а брат — может оказаться и смертельным врагом.

Оказывается, стадный коммунизм вполне совместим со звериной моралью. Странно только, почему эта возможность не разобрана в наших учебниках коммунизма, как черная, но реальная перспектива нашего светлого будущего. Может дело объясняется как раз тем, что людская конкуренция и смертельная борьба (война) до сих пор неизменные спутники нашей истории. И людям (особенно побежденным) приходится не столько мечтать об этих естественных началах человеческой жизни, сколько, напротив, — об исчезновении их.

Но, наверное, если человечество лишить этих мрачных и жестоких условий борьбы и гибели (хотя бы путем применения операций типа «бетризации», предложенной фантастом С. Лемом, когда люди физиологически становятся неспособны к убийству и жестокости), то оно в свою очередь начнет мечтать о «возвращении на звезды», к героическим временам «военных соревнований» и романтических «подвигов».

Важно запомнить, что тип полного, избыточного коммунизма, который осуществляется у стадных млекопитающих, может сочетаться с войной, зверской моралью и прочими нехорошими вещами. Наоборот, условия освобождения человека от обязательного участия в общественном производстве, могут помочь развернуться такой морали борьбы. Важно, что наступление будущего коммунизма совсем не сулит нам автоматически счастья и благоденствия.

Кончая этот раздел, подчеркнем наш 1-й тезис:

«Чтобы увидеть существующий предкоммунизм, надо посмотреть на стадную жизнь высших млекопитающих».

Может, некоторым этот тезис покажется грубым фарсом, но не следует пугаться. Конечно, члены животных обществ необычайно примитивны и неразвиты, условия их жизни суровы и жестоки, да и само общество — без языка и орудий труда — лишь условно может быть названо обществом. Но потому мы и сделали оговорку о предкоммунизме, характерные черты и свойства которого могут служить только грубой моделью человеческих отношений.

ПЕРВОБЫТНЫЙ КОММУНИЗМ

Много тысячелетий назад человеческое стадо упорядочилось в более мелкие общественные подразделения — племена и роды. Одной из ведущих причин этого перехода, наряду с развитием орудий труда, позволяющим и небольшим человеческим группам жить безбедно, явилось отмирание в ходе естественного отбора беспорядочных половых отношений внутри стада и рождение отдельной семьи: сперва групповой брак, потом кровнородственная семья (исключение брака предков и потомков), парная семья (когда большая семья делится на мелкие парные семьи), и, наконец, моногамия, современная семья . . . (см. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Человеческая семья постепенно дробилась: от стада, в котором сливалась семья и общество, — до отдельной пары. И соответственно дробилось и мельчало хозяйство и имущество этих обществ-семей, вплоть до нынешней частной собственности (т. е. собственности одной современной семьи).

Это нам открывает интересный факт: первобытный коммунизм был прежде всего *коммунизмом семейным*. Собственно, говоря об общественных отношениях тех начальных времен, мы говорим одновременно о внутрисемейных отношениях (стада, племени, рода). Отношения же между отдельными стадами, племенами и т. д. или совсем отсутствовали, или сводились к периодическим стычкам-войнам, что совершенно под коммунизм не подходит (мы займемся этим позже).

В любой стране, не говоря уже обо всем мире, еще не было единого и связанного общества со своими внутренними отношениями.

Деление племени на патриархальные семьи положило начало другим общественным отношениям, в современном понимании — и не семейным, и не враждебным. Вначале, по племенной традиции, они носили коммунистический характер, но власть одной традиции без подкрепления материальными условиями всегда непрочна. Равноправные семьи постепенно становились неравноправными и разносильными. По ходу развития общественных и производственных дел, одни оставались наверху, другие скатывались в подчинение им, и племя равных семей дифференцировалось на вождя-царя, его дружину и подданных общинников.

Наш экскурс в первобытный коммунизм интересен не только как взгляд в прошлое, но и как описание порядка жизни, сохранившегося и сегодня у ряда современных народов. В джунглях Африки и джунглях Амазонки до сих пор живут дикари в условиях первобытного коммунизма. Недалеко ушли от них охотничьи и кочевые племена индейцев, эскимосов, звенков и пр. Еще больше — земледельческих, крестьянских народов, которые живут большими патриархальными семьями (настоящими родами), поддерживая между собой в деревне отношения племени-общины. Каждое такое крестьянское хозяйство, где под началом отца и матери живут и работают и женатые братья, и их женатые дети и пр., — прекрасная иллюстрация остатков первобытного коммунизма. Только не надо забывать, что эти остатки совсем недавно были основной формой хозяйства и у нас в России (до революции), а сейчас весьма распространены в таких гигантских странах, как Китай, Индия, Индонезия и др. И если смотреть на мир с точки зрения образа жизни его большинства, то остатки первобытного коммунизма в деревенской Азии, где проживает на сегодня подавляющее большинство населения Земли, и соответствующие им традиции, нравы и приверженность к коммунистической идеологии — должны нам объяснить очень много в понимании современного мира. Он — первобытно-коммунистичен!

Нашим тезисом 2-м станет следующее положение:

«Чтобы увидеть обыкновенный коммунизм, надо приглядеться к сегодняшней жизни отсталых народов и к жизни крестьянских, домашних общин».

Правда, этот вид коммунизма не похож на стадный коммунизм, из которого он вышел. Здесь мы видим и собственность, и развитое отдельное хозяйство и обязательный труд. Каждая община-семья имеет всеобщее имущество: землю, уголья, оружие, орудия, жилище. Каждый член общины должен работать в общем хозяйстве, подчиняться распорядку дня древних традиций и моральному давлению со стороны всех своих сородичей, и особенно старших. Имеется разделение труда, правда, пока связанное лишь с естественными возрастными и половыми различиями. Разделению труда соответствуют «социальные» различия и положения и степени власти — различия еще не классовые, а семейные. Однако эти явные отступления еще не отменили принципы

коммунизма, как основу существования этих семей. Под несусыпным контролем стариков и всей семьи, каждый работает в полную меру своих способностей, а получает — по потребностям (в рамках имеющегося, конечно). Принципы родовой свободы, равенства и братства — соблюдались свято, как и остальные моральные традиции и заветы давних времен. Именно последним принадлежит в такой семейной коммуне главная роль регуляторов и законов. Ведь только под моральным влиянием коллектива велась и ведется тяжелая крестьянская или скотоводческая работа, и только моральные нормы улаживают здесь все многообразие человеческих отношений и устраняют трения. Люди этого вида коммунизма обладали необычайно высокой и крепкой моралью:

И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются — родом-племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применявшееся средство, грозит кровная месть... Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, — домашнее хозяйство ведется сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, — тем не менее нет и следа сложного, раздутого аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже давно все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знает свои обязанности по отношению к престарелым и больным и изувеченным. Все равны и свободны, в том числе и женщины... А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасающихся с неиспорченными индейцами — о чувстве собственного достоинства, прямодушии, силе характера и храбрости этих варваров... Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства современных цивилизованных людей,

то разница между нынешним пролетарием или мелким крестьянством и древним свободным членом рода окажется колоссальной.

Это одна сторона дела, но не забудем, что эта организация была обречена на гибель... Она была сломлена под таким влиянием, которое сразу представляется упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивиками нового, цивилизованного общества, самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели. А само новое общество в течение всех двух с половиной тысяч лет своего существования всегда представляло только картину развития незначительного меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетенного большинства, и оно остается и теперь еще в большей степени, чем когда бы то ни было прежде...

(Энгельс, М. Э., Соч., т. 21, стр. 97.)

Еще совсем недавно, до коллективизации и особенно до революции 1905 г., таких крестьянских общин было много и у нас, в русской деревне. Они составляли главную основу государства — «Мужицкое море». Снова сошлемся на Энгельса:

... Доказано, что почти у всех народов существовала совместная обработка пахотной земли родом, а в дальнейшем — коммунистическими семейными общинами... и что на смену этому порядку пришло распределение земли между отдельными семьями с периодическими новыми переделами этой земли сельской общины, который сохранился в Германии до наших дней... Ковалевский доказал широкое, если не повсеместное распространение патриархальной домашней общины, как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей (там же, стр. 129).

... Только приблизительно 10 лет назад было доказано, что такие большие семейные общины продолжают существовать и в России. Теперь общепризнано, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община... У кельтов также, по-ви-

димому, существовали подобные семейные общины в Ирландии, во Франции такие «коммунистические общества крепостных семейств» сохранились вплоть до французской революции, а во Франш-Конте они до настоящего времени еще не совсем исчезли. В районе Луана... встречаются большие крестьянские дома с общим, высоким, доходящим до самой крыши центральным залом и расположенными вокруг него спальнями, в которые поднимаются по лестницам в шесть-восемь ступенек и где живут несколько поколений одной и той же семьи. В Индии домашняя община упоминается уже Неархом в эпоху Александра Македонского, в Пенджабе, на всем северо-западе страны. На Кавказе Ковалевский сам смог доказать ее существование. В Алжире она еще существует у кабиллов. Она встречалась, по-видимому, даже в Америке... (там же, стр. 62—63).

В 1920 г. уже Ленин, разбирая сочетание основных хозяйственных укладов России, наряду с капиталистическим, мелко-буржуазно-крестьянским и социалистическим, выделил, как основной, и патриархально-крестьянский натуральный уклад (Соч., т. 36, стр. 296), который равнозначен по сути той коммунистической домашней общине, о которой упоминал Энгельс. И хотя сегодня коммунистические хозяйства у нас давно повывелись, их традиции и обычаи остались в нашем крестьянстве, и даже в их рабочих и интеллигентных потомках. И сыграли немалую роль в период коллективизации — не меньшую, чем у китайцев в пору массовой коммунизации 1958 г. В этом нет ничего странного!

Еще Маркс предвидел возможность такого поворота событий в 1881 г., когда на запрос русских революционеров: «Возможно ли в России развитие коммунистической общины без предварительного развития капитализма?», — отвечал: «Да, возможно!»

Историческое положение русской сельской общины не имеет себе подобных! В Европе она одна сохранилась не в виде рассеянных обломков..., но как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи. Если в общей собственности на землю она имеет основу коллективного присвоения, то ее историческая среда — одновременно с ней существующее капиталистическое производство — представляет ей уже готовые материальные условия совместного труда в широком масштабе. Следовательно, она может исполь-

зовать положительное приобретение капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья. Парцеллярное земледелие она может заменить крупным земледелием с применением машин, для которых благоприятен физический рельеф русских земель. Она может, следовательно, стать непосредственным отправным пунктом экономической системы, к которой тяготеет современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству . . . (М. Э., С., т. 19, стр. 406.)

Но чтобы спасти русские общины, нужна русская революция. Впрочем, те, в чьих руках политическая и социальная сила, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя (там же, стр. 410).

С другой стороны —

уничтожение в России общины и переход на западные рельсы означали бы замену капиталистической собственностью — коммунистической собственности (там же, стр. 412).

Странное чувство испытываешь, читая прогнозы Маркса. С одной стороны, он оказался на удивление прав! И колхозы, и применение машин, выработанный капитализмом, и «привычка русских крестьян к артельным отношениям облегчает им переход к хозяйству кооперативному» (стр. 405), и социализм, и чувство «превосходства над капитализмом»! — и это прогноз прошлого века! Но, с другой стороны, Россия совсем не избежала капитализма, а русская община оканчивала свое официальное существование после революции 1905 г., проклинаемая всеми прогрессивными силами страны, в том числе и большевиками, как тормоз развития и пережиток азиатчины. От общины у русских крестьян остались лишь артельно-коммунистические привычки, которые проявили себя в полную силу как в ходе революции, так и в последующей коллективизации. Сегодняшние колхозы совсем не похожи ни на старые общины, ни на будущие «коммуны». Это социалистические предприятия, смыслом которых мы займемся в конце работы.

Кончая этот раздел, нам должна стать более понятной причина широкого распространения коммунистических воззрений в среде патриархального крестьянства в Азии (Россия, Китай, Индонезия, Индокитай, Индия и пр.). Она — результат существования и в наше время патриархально-общинного (первобытного) коммунизма.

СЕМЕЙНЫЙ КОММУНИЗМ

Первобытно-коммунистическая стадо-семья распадалась на семьи-роды, семьи-домашние общины, вплоть до современной семьи.

Чем более самостоятельными и разобщенными становились отдельные семьи, тем больше прежние братские отношения сменялись подозрительно-враждебным соперничеством, отношениями джунглей, худшего мира и хорошей вражды, так как было раньше в отношениях между враждебными племенами. Родичи становились чуждыми друг другу. Чем крепче становилась индивидуальная семья (родители и дети до совершеннолетия), тем меньше общество, состоящее из таких семей, походило на кровную родовую единую семью, на коммунистическое братство.

Все меньшее значение придается правилам морали (мораль все больше служит корысти и расчету). Коммунизм стал коммунальной квартирой, не более. В таких условиях господства внешних враждебно-равнодушных отношений в обществе, мы даже забываем, что продолжают существовать и внутрисемейные отношения (хотя сегодня они не играют ведущей роли). И что, как тысячи лет назад, они остаются коммунистическими.

Наш 3-й тезис: *«Чтобы понять обыкновенный коммунизм, надо просто присмотреться к собственной семье. Отношения в ней остались коммунистическими».*

Между членами семьи нет ни денежных расчетов, ни какой-либо отдельной собственности, ни какой-либо особой власти, и все дела решаются сообща и полюбовно. Здесь осуществляется лозунг: свобода, равенство, братство.

Конечно, семейная свобода не абсолютна: у каждого члена семьи есть свои обязанности, но ведь он сам на себя их

взял и в любой момент может отказаться, апеллируя к другим членам семьи, и с их согласия выбрать себе другое — по душе и силам. Эта свобода равна осознанной необходимости. Семейное равенство, конечно, тоже относительное: обыкновенно именно родители воспитывают детей, а не наоборот. Но такое неравенство основывается на естественных и справедливых различиях, и не угнетает, а помогает общей жизни: например, более высокий уровень авторитета родителей — необходимое условие счастья самих детей. Так же необходимо неравенство во внутрисемейном труде старых и молодых, мужчин и женщин. Так что, в высшем смысле, в нормальной семье осуществляется действительно полное равенство людей и их возможностей.

Насчет же братства — то здесь оно, конечно, стопроцентное! Конечно, семьи бывают разные, и даже если говорить о нормальных семьях, то наряду с любовью и братством, в ней есть место целому спектру положительных и отрицательных черт и мыслей. Но это не отменяет коммунистичности семейных отношений, как не отменяет будущий «лучезарный коммунизм» несчастья, горя, злодейства.

Конечно, в семье осуществляется главный коммунистический принцип (по потребностям и способностям), хотя он и осуществляется с теми же оговорками, что и в превобитье. Современная семья живет не натуральным хозяйством на безграничных запасах природы, а целиком базируется на участии в общественном производстве, и потому в ней не может быть полного изобилия. Только малый размер семьи, легкость разрешения вопросов распределения и общежития создают условия для продолжения этой необходимой уравнительности и для торжества принципов коммунистической морали.

Каждая семья — это маленькая модель древнего естественного общества, это живой пример возможности человеческих отношений только на основе морального регулирования и норм.

И хотя мы привыкли не замечать этого, но даже привычные лозунги, где коммунизм прославляется как *братство всех людей*, а все человечество декларируется *одной семьей*, достаточно ярко иллюстрируют нам, что представления о коммунизме у современных людей почерпнуты преж-

де всего из собственной семейной практики и интерполированы на все человечество в целом.

С глубокой древности коммунистическое общество было только одной семьей, и сегодня оно продолжает устойчиво жить только в рамках семьи. И потому вместо термина «коммунистические отношения», можно с полным правом употреблять термин «семейные отношения».

ОБЫКНОВЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Наглядевшись на свою семью, мы уже спокойнее можем принять термин «обыкновенный коммунизм» и выискивать его существование в реальной жизни.

а) Его признаки легко обнаружить внутри любого коллектива людей, даже производственного, если он состоит из разных как бы независимых по работе людей, и если мы сосредоточим внимание не на производственных отношениях, а на том второстепенном с точки зрения начальства, что создает атмосферу «хорошего, человеческого» коллектива. В этих отношениях люди не имеют корыстных расчетов и осуществляют их естественно, морально, коммунистично. Здесь господствуют равенство, братство, свобода, от каждого по способностям, каждому — по потребностям. Правда, в рабочем коллективе эти отношения очень трудно выделить среди других производственных отношений (погоня за повышением зарплаты, конкуренция за служебные места и пр.). Однако, если последние четко отрегулированы, если мера труда точно измерена соотношением неравных, но «справедливых» (т. е. признаваемых всеми) зарплат, то эти вопросы в коллективе считаются решенными и освобождают простор для естественных отношений. Но когда мы возьмем понятие «участок или отдел коммунистического труда», где вместо материального четкого стимулирования практикуется прием морального принуждения к труду, то нам сразу представляется картина полностью запутанных и испорченных взаимоотношений и видятся клубки противоречий даже между равными людьми. Такой коллектив оказывается зачастую гораздо менее естественным и менее коммунистическим, чем обычный коллектив, без всяких званий.

б) Пользуясь на работе коммунизмом отношений со сво-

ими коллегами, дома — мы попадаем в коммунизм семьи, вне дома и работы — в третью область. По аналогии ее можно обозначить как коммунизм отдыха в самых своих разнообразных формах: от радостно-братских отношений в дружеской компании и восторга туристического слияния с природой, до грубо-урavnительного коммунизма выпивки на троих. Кому не известно чувство облегчения и радости от общения с друзьями после 40 часов неестественных производственных обязанностей! Особенно, когда такое общение происходит в природе! Человек как бы оживает, вспоминает свою собственную естественность и силу, становится вновь нормальным, природным человеком, и, как принято говорить, начинает «успокаивать расшатавшиеся нервы» и «набираться здоровья». Попадая в лес с древними целями удачной охоты или туристского кочевья на отпускной месяц, мы немедленно и инстинктивно восстанавливаем в своей туристской группе все отношения древнего коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям, и проч. И даже, как это бывало в любом охотничьем племени, обязательно выделяется на время вожак-руководитель похода.

Выделим следующий 4-й тезис:

«Чтобы усвоить коммунизм в действии, любому из нас достаточно пойти в туристский поход, или просто вспомнить себя на отдыхе с друзьями».

Мы живем, буквально плаваем в коммунизме, утверждая его нормы везде, где можно, и одновременно тоскуя о будущем времени, когда естественность этих отношений утвердится повсюду, как единственная. Именно на этих глубочайших основах человеческой психики основывается популярность коммунистической пропаганды, и можно понять причины, почему она так действенна, почему на протяжении многих веков коммунисты увлекали за собой людей на любые жертвы и свершения.

Но если вокруг нас распространен везде коммунизм, то за что же борются коммунисты? — Неужели все это беспредметно, и бой идет с ветряными мельницами? — Нет, вне коммунизма сегодня находятся самые важные и необходимые для людей отношения — в современном производстве, в этом источнике всех материальных благ и силы.

Утвердить коммунизм и в производстве — вот главная цель коммунистов! Сколько веков существовали, столько веков и утверждали, как могли, — но безуспешно! В основном эти усилия сводились к утопическим проектам социально-экономических реформ в масштабе страны или к попыткам создания производственных коммун сначала в частном порядке.

Вместе с Марксом, однако, появились другие коммунисты, которые возлагают свои надежды на развитие существующего производства, технический прогресс, связанный с повышением производительного труда, с сокращением обязательного рабочего дня и соответственно с увеличением количества свободного времени там, где господствует коммунизм . . .

Царство свободы начинается в действительности там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно-материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранить и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости (производства), потому расширяются его потребности, но в то же время расширяются и его производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться в том, что коллективный человек и ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила, и при условиях, наиболее достойных человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное же царство свободы . . . однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие . . .

(М. Э., С., т. 25, стр. 336.)

В этом отрывке Маркса царство свободы противопоставляется царству необходимости. Довольно странная терминология

гия в устах позднего Маркса, привыкшего оперировать только противоположностью «капитализм-коммунизм». Эта смена терминов — не просто случайность, а плод известной эволюции взглядов.

Молодыми Маркс и Энгельс под коммунизмом понимали именно такое «царство свободы», «уничтожение человеческого отчуждения», самоотчужденного труда (т. е. труда внешнего, не принадлежащего к сущности человека, когда труд не добровольен, а принудителен и вынужден, когда это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения других потребностей, нежели потребность в труде).

Они понимали коммунизм, как полное разрешение противоречий между свободой и необходимостью и установление осуществленного гуманизма, натурализма. Еще раз сошлемся на молодых Энгельса и Маркса в «Принципах коммунизма» и «Немецкой идеологии»:

Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться нам таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура в сравнении с крупной промышленностью нашего времени. Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы... Разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего — фабричного рабочего, четвертого — в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонние развитые способности.

(М. Э., Соч., т. 4, стр. 334.)

... Разделение труда дает нам пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, — собственная деятельность человека становится для него чужой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только про-

является разделение труда, каждый приобретает свой определенный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критик и должен оставаться таким, если он не хочет лишиться средств к жизни, — тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра другое, утром — охотиться, после полудня — ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике — как моей душе угодно, — не делая меня в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком . . .

. . . Коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, *устраняет труд*.

(М. Э., Соч., т. 3., стр. 31 и 70.)

И вот в такую четкую позицию Маркс в свои последние годы вводит рассуждения о необходимости людей постоянно участвовать в производстве и о том, что эту необходимость можно только приводить в соответствие с человеческим достоинством, улучшить, но не отменить, и т. д. Скорее это не дополнение, а изменение позиции 1848 г. Ведь это — типично ревизионистские рассуждения! (Как тут не вспомнить знаменитые слова позднего Маркса, что он-то уж, во всяком случае, не марксист!).

Практически, это — объявление утопией полного коммунизма в производстве, отречение от неосторожных воззрений коммунистической молодости и переход к социал-демократическим взглядам! «Работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» (т. е. производством), всегда есть и будет . . . а максимум, что тут можно сделать, это «рационально регулировать» производство и «взять над ним общий контроль» — чтобы: 1) оно не господствовало над человеком, как стихийная и непонятная сила, 2) требовало наименьшей затраты сил, 3) совершалось в условиях, наиболее адекватных человеческой природе . . .

Но ведь эта программа-максимум находится вполне в рамках современного капиталистического производства и социал-демократического управления обществом. Собственно, такой коммунизм сегодня и строят западные социал-демо-

краты в своих странах (называя его социализмом — шведским, английским и пр.).

Но не сам факт ревизии Маркса Марксом нас волнует. Была она или нет? Не все ли равно? Маркс мог искренне продолжать считать свою модель будущего коммунизмом, забыв о его первоначальном содержании. В те же самые поздние годы, критикуя Готскую программу немецких социал-демократов, он опять дал классическое определение коммунизма, приведенное нами в начале работы, т. е. подтвердил приверженность к старому, утопическому коммунизму. Трезвое понимание неизбежности обязательного, а значит принудительного труда на производстве как-то уживалось в его сознании со старой верой в то, что люди все же как-нибудь и когда-нибудь, но «станут лучше», и будут работать необходимо, но без принуждения, по правилам старой доброй морали. И вот сегодня два крыла его последователей-марксистов с полным основанием считают себя верными учениками Маркса: социал-демократы и коммунисты-ортодоксы, что не мешает им быть самыми непримиримыми противниками.

Этого, конечно, не было бы, если бы сам Маркс хранил «верность Марксу».

Но он не был марксистом.

МОРАЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ

Что касается меня, то несомненно я на стороне социал-демократического Маркса. Производство и свобода — вещи несовместимые.

Но почему? — Ответом может служить прежде всего практика введения коммунизма на производстве и столь же многочисленных провалов таких попыток. Примеры достаточно хорошо известны всем, чтобы положение «Коммуна — сегодня нежизнеспособна» — звучало бесспорной аксиомой.

Даже люди одних воззрений и образования, собравшиеся в коммуны по доброй воле и полные самых радужных намерений, скоро начинают тяготиться друг другом, не уживаются, ссорятся и превращают в противоположность все моральные правила коммуны. Она распадается на отдель-

ные группы и личные хозяйства отдельных семей. Практика наших сельскохозяйственных коммун в 20-х гг. дала тому бездну примеров. Сегодня же отношения в коммунальной квартире — характерный пример распадающейся коммуны, а процесс их исчезновения — часть общего процесса разложения морального коммунизма, начавшегося с конца первобытия и до наших дней.

Сегодня только в узкой семье из 2-х человек с детьми возможно длительное и прочное существование коммунистических отношений. Они возможны потому, что люди в семье очень хорошо знают друг друга, могут морально взаимодействовать друг с другом, контролировать, убеждать в полезности работы по способностям и в получении благ по «разумным потребностям». Свобода в выполнении семейных дел всегда касается не одного человека, а всей семьи. Ведь если я сегодня не захотел выполнять какую-либо часть своей обычной в семье работы, то кто-то из домочадцев должен взять ее на себя совершенно добровольно. Коммунистическое «делаю, что хочу» в семье предполагает как большую степень самодисциплины каждого (по собственной воле брать на себя ряд неприятных, но необходимых дел), так и большую степень взаимопонимания в семье (ему очень хочется пойти сегодня на рыбалку — пусть идет, а его долю я сегодня сама сделаю, — и наоборот). Такая кажущаяся легкость взаимудовольствий и удобство домашней жизни дается лишь долгим опытом в непрерывных поисках взаимных компромиссов: «Чтобы всем было хорошо». То, что кажется нам наиболее простым и древним — общежитие людей на основе естественной коммунистической морали — оказывается наиболее сложным, тонким, трудно управляемым для современных людей с их развитой психикой. Сегодня эти отношения не удаются зачастую даже в малой семье — наименьшем коллективе из всех возможных. На что же тогда можно рассчитывать в большом коллективе? Не говоря уж о целом обществе? — Здесь слишком много людей, чтобы все знали обо всех, — ну, если не всё (этого и в семье не бывает), то хотя бы достаточно для знания потребностей, запросов и способностей каждого и для морального на него воздействия.

Ведь смысл коммунистического общежития в том, что *все дела решаются всеми и наилучшим для каждого спосо-*

бом. Разве это возможно в большом коллективе современных людей? Любая наука об управлении сложными системами ответит на этот вопрос отрицательно. Если в семье система моральных уравнений из двух или трех членов еще может быть удовлетворительно решена, то попытка составления таких систем из десятков или тысяч людей-уравнений, и тем более попытка их решения, — совершенно утопичны и не могут не привести к провалу, и даже хуже — к порядкам, противоположным коммунизму.

Тем более, что членов производственных или жилых коллективов совсем не связывают те естественные чувства любви и жалости, которые питают супруги друг к другу или родители к детям и заставляют их делать героические усилия для налаживания друг с другом коммунистических контактов. Только из-за этого жив еще семейный коммунизм. Условия же во всем обществе радикально изменились с переломных времен. Современный человек — с его развитым индивидуальным характером, способностью противостоять обществу, как враждебной сфере, — делает нереальным любые попытки утвердить сегодня общественные коммунистические отношения в качестве основных. Тот же, кто намерен все же осуществлять коммунизм сегодня во что бы то ни стало, должен прежде всего смоделировать механизм морального воздействия в семье, который можно было бы распространить на все общество. Для этого есть одно средство — искусственно принизить уровень индивидуального самосознания людей («коммунистическое воспитание», «трудовая мораль» и пр.) и пойти на отмену отдельных семей ради создания одной всеобщей семьи. (Такие требования часто встречались в системах последовательных утопических коммунистов.)

Как оболванивают людей, морально затравливают и заставляют якобы добровольно подчиняться квазикоммунистическим правилам — дает понять современный Китай. На деле же, конечно, здесь коммунизмом не пахнет: каждый работает не по способностям, а из-под палки, под страхом смерти и наказания, а получает — не по потребности, а по самой крайней необходимости. И, конечно, здесь не нужно никакого коммунистического самоуправления и притирки взаимоотношений. Слегка прикрытое командование вождя и неприкрытое рабство подчиненных выдают маоистскую фор-

му «морального коммунизма», как форму прямого современного рабства.

Другое дело — монастыри! Они с самого начала и весьма последовательно отменяли семью, а вместе с нею — все частные интересы. Они с самого начала возникали, как идейные братства в качестве «семьи братьев, возлюбивших друг друга во Христе». Конечно, мы имеем в виду не поздние монастыри — эти лицемерные и жадные общины под вывеской домов престарелых, а вспоминаем только первые общины пустынников, святых старцев, столь популярных в русском народе, — только первые монастыри, где монахи жили своим трудом и действительно пеклись о благе ближних. Религия и безбрачие обеспечили монастырям поразительно долгую жизнь и сделали их почти единственным примером большого устойчивого коммунистического хозяйства. Хотя ясно, что они никак не могли быть образцом для всей страны. Мало того, в условиях некоммунистического общества они и не могут долго хранить незапятнанными свои высокие моральные идеалы и преобразуются, рано или поздно, в типичную структуру окружающего общества, т. е. в свою некоммунистическую противоположность.

Наш 5-й тезис: *«Первые монастыри и религиозные общины — пример реального существования неполного бедного коммунизма.»*

Теперь займемся коммунизмом с другой стороны.

НЕОКОММУНИЗМ

Что такое некоммунизм? — без ответа на этот вопрос мы не можем выполнить своей задачи.

Если вчитаться в содержание самого слова, то получаем: не общинные, не семейные, не нормальные отношения людей (внешние, возможно, даже безразличные и враждебные).

Для обществ животных и первобытных племен — это внешние межобщественные отношения: война, вражда, временный мир, подозрительная дружба, торговый обмен (при случае обман). Здесь нет заботы всех о каждом и каждого о всех, скорее это просто вынужденное сосуществование, где каждое общество-семья-коммуна заботится лишь о том, чтобы ее не сожрали, не истребили, не надули, и чтобы, на-

оборот, самой сожрать, истребить другую в случае войны, или извлечь что-то полезное в случае мира. Взамен добрых забот о чужих потребностях, к чужакам питаются самые эгоистические чувства: «Око за око, зуб за зуб» — при войне, и долгое препирательство, торговый обман — при неустойчивом мире.

Оказывается, эти так хорошо знакомые «пережитки капитализма» — *были всегда и прекрасно уживаются с высокой моралью внутри племени. И являются не менее древними и естественными, чем сам коммунизм.*

В этих внешних контактах войны и торговли сформировался главный принцип некоммунизма: *каждому по его заслугам, труду!* Может показаться странным, что известный принцип нашего социализма мы называем главным принципом некоммунизма (а может, лучше даже — антикоммунизма!) Но сошлемся на Маркса, который с полной определенностью называет этот принцип «буржуазным правом» (М. Э., С., т. 19, стр. 19), и на Ленина, подтвердившего эту оценку (Соч., т. 25, стр. 489). Маркс утверждал, что это принцип любого рынка: «Известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой форме» — и существовал, следовательно, еще на заре цивилизации в торговле первобытных племен. Сказанного вполне достаточно для «марксистского доказательства» следующего тезиса:

«Главный экономический принцип нашего социализма есть главный принцип антикоммунизма». Но не в этом парадоксе суть.

Оказывается, что если брать не отдельное племя-общество, а все человечество в целом, то оно никогда не было коммунистическим! И весь социальный прогресс заключается не столько в замене коммунизма на частнособственнические отношения, как в постепенном развитии всегдашних некоммунистических внешних отношений: от военных стычек и случайного обмана — через установление постоянного мира с периодическими войнами — к мировой организации государства и работе только на торговлю, на «вне».

В ходе этого процесса старые племена-семьи связаны между собой только отношениями рынка, денег. В целом же они стали винтиками огромного всечеловеческого торгового и производственного организма. Две тысячи лет — и

дело, начатое первыми ремесленниками и купцами, превратилось в гигантское мировое хозяйство. Оказалось, что древние отношения «око за око» и «труд за труд» могут потерять свою примитивность и жестокость и превратиться в эффективное средство всемирного производственного объединения людей. Сегодня именно они стали основой всеопределяющих производственных отношений, а коммунизм — сведен до уровня семейного регулятора. Вернет ли он себе главенствующую роль в материальном производстве?

На этот вопрос можно ответить, только уяснив реальный ход развития производства. Пока мы видели только обратное: уничтожение товарно-денежных (некоммунистических) отношений.

Маркс и Энгельс тоже искали ответ в реальном ходе производства и истории, и нам еще придется разобраться в их доказательствах наступления коммунизма:

Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее положение (состояние).

(М. Э., С., т. 3, стр. 84.)

РАБСТВО

До сих пор мы коснулись развития человеческого общества только по горизонтали, намеренно опуская усложнение общественных отношений по вертикали. Конечно, современное общество — это не простая совокупность людей, а современное производство сильно дифференцировано.

Мы не касались до сих пор отношений работы, рабства, производственной эксплуатации человека человеком (или всем обществом). Собственно, уже в самом акте торговли каждая сторона выступает и как производитель (предложение), и как покупатель (спрос) и тем самым взаимно эксплуатирует друг друга. В дальнейшем эти отношения теряют свою равноправность и закостеневают только в одной крайности: на одной стороне — хозяин, эксплуататор, на другой — раб, эксплуатируемый. Такая несправедливость утвердилась с изобретением рабства. Естественное стремление че-

ловека улучшить свою главную силу — орудия своего труда — в свою очередь усиливалось под их влиянием. Необходимость расширения тяжелых и однообразных работ (строительство, рудники, земледелие и т. д.) обусловила появление великого социотехнического изобретения: к «немым» орудиям труда было, помимо «мычащих» (скот), прибавлено и «говорящее орудие» — раб, эксплуатируемый на тех же скотских основаниях. Это величайшая промышленная революция, равной которой еще не было у человечества; то, что ему обещает кибернетика в отдаленном будущем. Разве современная наука может создать машину универсальнее человека, умнее его, расторопнее, сильнее, быстрее и т. д.? — А первобытный человек, изобретший раба, сделал это, изобрел машину умнее, расторопнее, сильнее человека (т. е. хозяина). Раб — это полный, почти абсолютный автомат с недостижимой на сегодня надежностью и гибкостью в работе.

Изготавливались рабы тремя способами, каждый из которых обозначал собой отдельную эпоху. Вернее, имеются три технологических метода производить рабов из людей: 1) из военнопленных, которых раньше убивали, а теперь делали рабами племени-государства (в дальнейшем — частной семьи); 2) из своих собственных соплеменников — путем обособления племенного вождя и превращения его в племенного деспотического царя. Тогда остальные члены племени автоматически становились его подданными, рабами — этот путь феодализма и азиатчины был особенно распространен в средние века и на Востоке; 3) и, наконец, наем рабов из вольных людей за плату (рабочих) существовал всегда, но основой производства стал только в капиталистическое время. Можно легко представить себе, как развивался этот метод. Независимые ремесленники, работающие на рынок, начинают продавать свои изделия определенным купцам, со стороны последних все более развивается система постоянных заказов и обеспечение «своих» ремесленников заготовкой и инструментами. Потом эти ремесленники собираются в одном помещении — а там уже до мануфактуры, этой будущей фабрики, — один шаг. Бывший ремесленник стал рабочим, а купец — капиталистом.

В ходе истории первый технологический способ был вытеснен вторым, а тот в свою очередь уступил дорогу наем-

ному рабству. Соответственно менялось и название общественного строя — рабовладение, феодализм, капитализм. Рассмотрим подробнее причины этих технологических изменений. Это нужно сделать, чтобы стала ясна судьба некоммунистических производственных отношений вообще.

Превращение военнопленного в раба было наиболее простым, эффективным и даже гуманным способом. Простым — потому что войны всегда были, а стало быть, — всегда были военнопленные. Гуманным — потому что оставить пленному жизнь, пусть даже только в виде орудия, — это намного гуманнее, чем убить или съесть его. Наконец, эффективно — потому что раб попадал хозяину целиком, полностью, без всяких обременительных и излишних забот о своей чести, свободе, семье и т. д. . . . Раба можно было заставить работать на полную катушку, на износ — под страхом наказания и смерти. Труд таких полных рабов воздвиг и в полном смысле этого слова создал в короткий период времени великолепные цивилизации Египта, Эллады, Рима . . . Он обеспечивал большому количеству свободных хозяев роскошную и обильную жизнь, но в то же время оказался и непосильной ношей.

Дело в том, что, помимо своих достоинств, прямые рабы обладали и крупными производственными недостатками: они все же оставались людьми, и в силу этого бешено сопротивлялись усечению их человеческих свойств безжалостной эксплуатацией. Главное достоинство этого метода: полное использование раба — превращалось в главный недостаток. Мало того, что рабы постоянно восставали и нуждались в громадной армии надсмотрщиков и солдат, они были постоянной червоточинной, источником военной неустойчивости рабовладельческого общества, — как в борьбе с коммунистическими варварами, так и с феодальными деспотиями Востока. А войн приходилось вести немало — ведь именно в войнах захватывались военнопленные и изготовлялись из них рабы. В конце концов, именно после военных поражений, в ходе естественного отбора, исчезли рабовладельческие государства. Тем более, что рабы были слишком ленивы и грубы, и нужно было слишком много наемных надсмотрщиков, чтобы заставить их хорошо работать и не разбегаться и не ломать сложные орудия.

Все это обусловило переход к феодализму — и путем

освобождения рабов и полувольных «крепостных», и путем военных побед феодальных государств. Положение крепостного крестьянина или ремесленника было несколько другим: если раб вообще не считался человеком (даже без права на семью), то крепостной или просто «государев подданный» в большей части своей жизни оставался человеком, семьянином и даже членом сельской общины — со всеми старыми привычными традициями и моралью.

И только по отношению к высшей власти (царю и его соратникам) свобода крепостного исчезала, и он становился холопом, рабом. Но как только часть продуктов своего хозяйства была выдана наверх (оброк), как только подневольные обязанности выполнены (барщина), а начальство скрылось с глаз, крепостной снова становился нормальным и естественным, т. е. коммунистическим человеком. А сохранял в деревне общинные формы общежития, он как бы не терял всех черт своих вольных предков. Недаром Энгельс в вышеприведенном отрывке упоминал о «коммерческих хозяйствах крепостных семей»... Особенно в России, где в деревнях и земля была общей, и все дела решались сообща на сходках, «миром».

Такое, сравнительно, удовлетворительное положение низших классов обусловило как устойчивость феодальных обществ (хотя крестьянских восстаний тоже хватало), так и постепенное прогрессирование хозяйства. Можно сказать, что феодальный метод эксплуатации во многом вернул раба снова в коммунизм, к естественному образу жизни, и потому добился лучшего использования его способностей (повысил эффективность эксплуатации) и укрепил стабильность общества в целом.

И, наконец, следующий шаг: отмена крепостной зависимости — сперва от местных феодалов, а потом от главного помещика-монарха в ходе буржуазных демократических преобразований нового времени. Новое время еще больше освободило человека, еще больше вернуло его к извечным принципам естественного коммунизма: свобода, равенство, братство! Только новые свободные развитые люди могли успешно работать в новом промышленном производстве с его сложными машинами, образованием и мобильностью. Только когда рабы получили возможность самостоятельно выбирать себе профессию по способностям, получили воз-

возможность искать работу по интересу, а потому уже работать с полной отдачей, — только тогда рабы стали свободными рабочими. И только тогда творческие возможности человека смогли развернуться в такое чудо, как промышленная цивилизация нашего века!

При капитализме коммунистические отношения простого товарного производства слились с отношениями наемного рабства — в одно и то же. Только теперь на рынок, т. е. на общество в целом, работают не простые ремесленники с их немymi и мычащими инструментами, а богатейшие капиталисты со своими фабриками и рабочими. И хотя юридически рабочий только работает на хозяина, на деле он тоже непосредственно работает на рынок (через хозяина) и получает эквивалент своего труда (как зарплату). Рабство в старом смысле слова (внеэкономическое принуждение) исчезло, а вернее стало всеобщим, т. к. теперь все, не исключая и капиталистов, должны работать на рынок.

Конечно, нынешнюю работу на производстве совершенно справедливо именуют наемным рабством. Но если брать за исходную точку отсчета первоначальное прямое рабство, то человечество сделало большие шаги в освобождении и возвращении к коммунистическим отношениям: 1) завоевание права на семью и свободное время, 2) завоевание личной свободы и юридического равенства.

Однако остается главное — отчужденный труд. Необходимость ежедневной работы на производстве, работы не свободной и творческой, а строго регламентированной и обязательной — и потому принудительной. «Отчуждение труда проявляется в том, что когда он кончается, от него бегут, как от чумы» (Маркс).

СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

«Царство необходимости» — этот страшный термин в устах позднего Маркса, удивительно точно характеризует область материального производства, где господствуют машины и точность, где все подчинено целям обслуживания и управления «механическими рабами» и которое невозможно без усилий, без труда людей — и не просто каких угодно случайных людей, а специалистов, знатоков данного произ-

водства. И работать эти люди должны не когда им захочется, — а когда нужно машинам, строго поделенным сменами рабочего времени. Это время зависит от ритма работы машин. Это время, когда люди не могут поступать только по своей воле (т. е. случайно с точки зрения производства), когда они обслуживают машины, как бы находясь у них в подчинении. В этом естественная необходимость и принудительность рабочего времени, неизбежность «царства необходимости». Сегодня люди и машины включены в производство, как одинаково необходимые элементы. Они действуют, работают, трудятся согласно естественному разделению труда — в основном, грубая и стереотипная работа; человеку же приходится делать то, что пока не может быть выполнено машиной. Человек сам выбирает себе работу — но на деле этот выбор довольно ограничен. Несколько раз в жизни можно выбрать место работы и один раз — профессию. В большинстве случаев работа выбирается не из-за творческих склонностей, а из соображений заработка, престижа, долга и пр. Сколько угодно профессий и видов работы, которые никак не подходят свободному человеку, но нужны производству и обществу, — и потому регулярно находят своих исполнителей. Люди вербуются и материальным поощрением, и отсутствием другой работы, и недостатком образования, которое тоже планируется будущим спросом на рабочую силу, моральным воздействием, предоставлением жилья и т. д., и т. п. Да что говорить, даже в «хорошей работе» сама необходимость строго регулярной и специфичной возни с машинами — противна вольному духу коммунистической психики людей. Вот машины — те прямо созданы для роли «винтиков» производства, как пчелы и муравьи приспособлены к своим обязанностям. Люди же от рождения запрограммированы на другой — на свободный коммунистический быт, перспектива вечного обслуживания машин их не устраивает.

Все это уже отмечено еще Марксом: «Сокращение рабочего дня — главное условие!»

Сокращение рабочего дня — главный результат забастовочной борьбы прошлого века, главный результат технического развития. Это итог роста производительности труда — более быстрого, чем рост потребностей людей. Это результат прогрессирующей замены труда людей работой машин,

итог вытеснения человека из производства. Главная причина сокращения рабочего времени — это, конечно, борьба людей за свое свободное время, т. е. за реальный коммунизм сегодня, за увеличение его доли в жизни.

Когда в прошлом веке промышленность вынуждала людей работать по 80 часов в неделю — это было невыносимо. И потому одним из главных требований было требование физиологически нормального рабочего дня в 8 часов. Когда эта борьба завершилась победой почти во всех странах мира, забастовочная борьба стала вестись в основном за повышение заработной платы, т. е. за повышение стоимости рабочей силы относительно стоимости машин, что естественно в условиях свободного рыночного хозяйства ведет к расширению области применения машин. Сегодня технический прогресс ведет не к соответствующему сокращению рабочего времени, а, в основном, к расширению производства. Высвободившиеся в результате очередной автоматизации рабочие через некоторое время переквалифицируются и снова находят работу на новых предприятиях, ибо производство (в лице своего денежного воплощения — капитала) проявляет непреодолимую жажду роста и производительного использования всей наличности денег и свободной рабочей силы. Естественная борьба за дальнейшее сокращение рабочего дня задерживается погоней рабочих за большей зарплатой.

Распространение сверхурочных работ или, дополнительно, второй работы красноречиво свидетельствует о том, что сокращение рабочего дня идет совсем не пропорционально расширению действия машин, хотя несомненно идет сегодня. Это выражается в двух выходных днях, расширении летних отпусков (особенно для рабочих, занятых в тяжелой промышленности, например, в сталеварении), уменьшении числа работающих женщин и детей, снижении пенсионного возраста и т. д. Но идет этот процесс очень медленно, как будто против желания граждан. Кажется, что люди еще больше ценят материальные блага, чем свое собственное время, которым просто не умеют пользоваться. И, наверное, в этом — действительно главная причина.

Лишь по мере того, как производству будет нужна все более образованная и культурная рабочая сила, лишь по мере того, как люди будут расти духовно и нравственно, бу-

дут учиться ценить и уметь использовать свободное время — не только для пьянок и драк, но и для любимого труда — не обязательно хобби, для своего гармоничного и универсального развития, — лишь когда эти человеческие качества станут весомым критерием в общественном соревновании, только тогда сокращение рабочего дня и соответствующее увеличение свободного времени пойдут более быстрыми темпами.

Объективная тенденция научно-технической революции заключается в росте автоматизации грубого физического труда, выполняемого малообразованными людьми и, следовательно, в росте спроса на образованные универсальные кадры. США ярко демонстрируют эту тенденцию — ростом числа студентов: 1949 г. — 1,5 млн. студентов, 1961 г. — 2,5 млн. студентов, 1967 г. — 7 млн. студентов. Рост же образования и творческого характера работы неотделим от жажды культуры и необходимого для нее свободного времени. Чем малолюднее будет производство, тем больше свободного времени потребуют работающие на нем люди; чем больше развитыми и культурными они станут, тем ближе и реальнее будущий коммунизм.

Попытаемся рассмотреть конечный результат такого развития. Можно ли допустить, что рабочее время сократится до минимума — скажем, до 2-х часов в день, до 1 месяца обязательной работы и 11 месяцев свободного творческого отпуска в год? Может ли при этом наступить наш искомый коммунизм? Разве стоит обращать внимание на какую-то каплю отчужденного труда в целом море коммунистического времени? Однако, как ни странно, такое «море коммунизма» останется все тем же капитализмом, как и современное общество, члены которого $\frac{3}{4}$ своего времени совершенно свободны от эксплуатации.

Давайте трезво смотреть: раз существует принудительный труд (пусть даже небольшой по своей продолжительности), значит есть деньги, которые могут к этому труду принудить или им заинтересовать. Моральные стимулы мы должны сразу отбросить, как ненадежные и неэффективные в современном хозяйстве, так же, как трудовые молодежные армии и прочие утопические выдумки. Сверхсложному производству будущего понадобятся, конечно, усилия только

широко образованных и эрудированных в узких областях специалистов, что потребует от них несомненно большой работы над собой, подготовки и опыта. Ведь эти люди должны будут выполнять такую работу, которую неспособна выполнить никакая, даже самая умная машина будущего (между прочим, возможность 11-месячных перерывов в работе специалистов весьма сомнительна — из-за потери квалификации). Но раз остается разделение труда, денежное стимулирование, значит остается товарное производство с его «социалистическим принципом разделения по труду» (буржуазному праву). И вот из-за одного месяца обязательного труда общество должно будет сохранить на весь год буржуазные отношения. Должно остаться, по сути дела, прежним некоммунистическим.

Однако рассмотрим другой вариант, который выдвинула сегодня кибернетика: человек может быть полностью вытеснен из производства, борьба за сокращение рабочего дня может быть доведена до нулевого рабочего дня. Мы не будем доказывать это положение, хотя и знаем, что оно совсем не популярно сегодня. Это слишком революционный поворот в мышлении, чтобы можно было надеяться его свершить с помощью нескольких строк. Просто примем за основу утверждения кибернетики, что человек и машина подчинены одним и тем же законам передачи и переработки информации, и что в принципе возможно создание такой материальной системы, которая была бы способна выполнять любые человеческие действия и быть даже универсальнее и умнее. Переведа же это положение на язык техники и экономики, получаем следующее: неизбежно время, когда будут созданы машины, способные выполнять любые производственные функции *везде, где человек работать не хочет*. Тогда экономика заменит в производстве последние необходимые человеческие звенья на искусственные, и тем самым завершит эпоху автоматизации производства. Необходимым следствием этого будет ликвидация зарплаты — поскольку отпадет необходимость в наемном труде и во всей товарной форме хозяйства. Вот тогда-то и наступит время утверждения доброго старого («архаичного», по выражению Маркса) коммунизма.

БУДУЩИЙ КОММУНИЗМ

Наконец-то мы добрались до описания «светлого будущего». Но оно оказалось не столько светлым, сколько туманным и неопределенным. Если придерживаться традиционных убеждений о вечности работы и труда, то от капитализма не избавишься и в «светлом будущем». Если же принять постулат кибернетики, то хоть в будущем действительно и намечается что-то похожее, но оно связано с такими сомнительными явлениями, как «обезлюдивание производства» или «умничание машин». Да и то только намечается возможность осуществления коммунизма. Но ведь возможность может реализоваться? — Машины освободят человека от обязательного труда, но ведь можно государственным законом заставить людей продолжать обязательную работу — для тренировки, для воспитания и т. д. Машины сделают все товары бесплатными, но ведь можно организовать их распределение по карточкам . . . и т. д.

Поэтому сегодня можно только надеяться, что стихийное стремление к естественному коммунизму у людей возьмет верх, как только технический прогресс подготовит для него почву. И, конечно, если люди будут иметь в своих руках рычаги управления производством и государством, как его главным представителем. Именно сегодня надо налаживать контроль людей над государственной машиной, которая в будущем может украсть у народа коммунизм. Отношения народа и государства не составляют темы данной работы, но следует отметить, что в будущем государственная машина станет еще более опасной для людей — ведь она уже получила в свое распоряжение смертельное для всей земли оружие, а в будущем получит и управляющие машины умнее людей. С помощью последних любая диктатура, любая правительственная машина способна будет упрочить навеки свою власть над людьми и превратить «светлое будущее» в мрачный фашистский застенок.

Поэтому коммунизм завтра неотделим от демократии сегодня. Поэтому преступен народ, который работает сегодня над сверхмощным оружием и сверхумными машинами и не борется одновременно за полный контроль над правительством, за демокра-

тию и свою свободу. Преступен перед своими людьми и перед детьми других народов!

Но это не наша тема, и потому займемся выяснением облика будущего, если в нем все же осуществится коммунизм.

а) «От каждого — по способностям».

«Ликвидация производственной необходимой работы, как основное условие деятельности людей по их способностям» — такое парадоксальное предложение не снилось сегодняшним «коммунистам» и зачастую вызывает яростные возражения.

«Разве можно лишать человека, — спрашивают они, — целесообразного труда — деятельности? Что же будет воспитывать и формировать его характер? Что же даст ему стимул к жизни? Зачем тогда жить? Неужели вы хотите ввергнуть человека в беструдовое животное состояние?» — Если вдуматься, то людям, которые называют себя коммунистами, такие возражения очень смешны: ставить себе определенную цель, а потом ужасаться, когда цель оказывается достигнутой. Разве объективное развитие общества зависит от чьей-то воли, чтобы стоило возмущаться людьми, которые предвидят его результат? — Это все равно, что возмущаться безответственностью ученых, предсказывающих наводнение, — лучше трезво посмотреть, что выйдет из кибернетической революции и как люди смогут выкрутиться из этого нового счастья.

Во-первых, вытеснение из производства совсем не означает абсолютного изгнания. Ведь производство должно удовлетворять все потребности людей. И если есть потребность в производственном труде, то она будет удовлетворяться, как потребность в хлебе. Всегда можно найти полезное применение рабочим рукам. Наконец, можно предусмотреть даже право на труд, хотя в общем — это довольно жалкое право — как право пенсионера заходить на «родное предприятие».

Во-вторых, человек является главным заказчиком производства, а следовательно, его главным руководителем, генератором цели и смысла существования всего громадного машинного комплекса. Без цели, без человека — все огромное здание автоматизированного производства рухнет с такой же легкостью, как разлагается любое живое тело, кото-

рое покинуто жизнью. Оно просто станет грудой камней и металлолома.

В-третьих, — это самое главное, — выполнение ряда производственных функций носит исключительно творческий характер и потому требует только человека (или равную ему машину), человека со всеми его достоинствами и недостатками, способностями и отрицанием принудиловки. Но такой труд вполне соответствует человеку, его потребности в деятельности и не будет нуждаться в принуждении или стимулировании (наоборот, явится первой потребностью) и, конечно, потеряет стоимостное выражение. Все творческие профессии — артисты, художники, литераторы, философы, ученые и т. д. — сегодня дело имеют с деньгами, только как с данью общему порядку вещей. На деле же они — пример вечных профессий и не зависят от технического прогресса.

В-четвертых, уже сегодня в свободное время занимаются люди творчеством, как выражением своих склонностей и способностей. Сегодня «хобби» — редко выходят за пределы взрослых чудачеств и временных увлечений, но роль их растет и будет расти, как отличный показатель, на что человек способен, показатель силы, богатства, его развития и культуры: смелый охотник, великолепный спортсмен, выносливый турист, тонкий знаток, вдумчивый исследователь, поэтический ценитель, находчивый конструктор, золотые руки и т. д. Сегодня ему еще не придают большого значения, но это — очень перспективный вид человеческой деятельности, средство гармонического развития.

Думается, что опасения за человека, освобожденного от тирании производственного труда и живущего в изобилии потребительского рая, совершенно напрасны. Природа заложила в нас как стремление к безграничному росту потребностей, так и стремление к бесконечному расширению своей власти — как внутрь мира, так и в ширь Вселенной. Эта жажда экспансии, уже одна она, заставит человека не выпускать из своих рук контроля над производством, не отдаваться под мягкое убаюкивание его бесплатного обслуживания, а держать все в напряжении, как держит в напряжении военачальник свои заводы и силы. Разве возможна, допустим, настоящая космическая экспансия, если воцарится коммунизм в его старой, первобытной (архаической) форме? Когда люди ведут естественный образ жизни в приро-

де, потребляя все блага из внимательной, неиссякаемой и невидимой общественной кормушки — от работающих под землей заводов, и заботятся лишь о своем гармоничном развитии и нравственном самоусовершенствовании? Такая идиллия, хоть и кажется логичным следствием из факта отказа производства от принудительного человеческого труда, вряд ли окажется возможной. Слишком уж долго человеческий ум и активность развивались в достижении ведущих целей, чтобы не выдвинуть себе новых задач. Нет, к счастью или к сожалению, но человек-романтик, борец и мечтатель, — никуда не денется. И ради своей «великой цели» (как он сам ее понимает) будет жадно домогаться и власти над производством, и власти над людьми. Не к чему беспокоиться, что их не будет, они будут обязательно. Напротив, при любом обществе и в любом будущем — их придется охлаждать и обуздывать, возвращать к реальности (а для этого, между прочим, нужно государство).

б) «Каждому — по его потребности»

Сумеет ли обеспечить и автоматизированное производство полное изобилие или нет?

Конечно, полное изобилие (абсолютно полное) представляется странным и невозможным, как невозможно представить себе все то огромное количество желаний, что могут возникнуть только у одного человека. Потребности безграничны всегда, но производство (даже будущее) — всегда ограничено. Всегда будут находиться новые продукты и услуги, которые производство еще не успело, не может выдать в массовом порядке (для этого нужно время). Как в этом случае будет осуществляться распределение по потребностям? — Кто успеет вперед пролезть? Выстраиваться в очереди, с утра пораньше? (Это можно сравнить с бесплатным распределением растущих в лесу даровых грибов и ягод — коммунистический ли это порядок?) Ответить на это все довольно трудно. Видимо, не обойтись без системы индивидуальных заказов с определенным сроком их выполнения, с определенными лимитами на объем заказа и т. д. — А главное не обойтись без принуждения воздействия производства на сами потребности людей — путем изучения спроса, с одной стороны, и рекламы предложения — с другой, т. е. механизма, который и сегодня обеспечивает изобилие товаров (но относительное).

Итог: будущее производство осуществит принцип «каждому по потребности», но отнюдь не мгновенное исполнение любых желаний.

в) Свобода, равенство, братство.

Отмирание принудительного труда ликвидирует последний экономический вид несвободы. Но вернется ли общество в состояние свободного хаоса случайных действий и свободных воль? Ну, хотя бы как и было при стадном коммунизме? — Или дальше — в распад всех общественных связей? — Вряд ли!

Ведь, кроме необходимости решения экономических задач, существует масса других общественных проблем, постоянное разрешение которых необходимо! Человек — существо общественное, коллективное, политическое. А коллективные действия требуют организации руководства, дисциплины и т. д., — т. е. государства. Само наличие автоматического производства не определяет однозначного отмирания государства или даже его конкретную форму. Наоборот, если вчера и сегодня формы экономики в существенной мере определяют формы государства и культуры (базис определяет надстройку), то теперь, когда производственные отношения просто исчезают, снимаются все ограничения с разнообразных надстроек. Теперь только от самих людей будет зависеть — будут ли они жить без государства, при демократии, или при кровавой диктатуре. Зависит только от самих людей, их традиций, стремлений, ума и воли.

Будущий коммунизм — это несомненно увеличение свободы для развития всей гаммы человеческих свойств, и плохих и хороших, и величайшего добра и низкого злодейства. Ведь если из списка злодейств будет выброшена производственная эксплуатация людей, разве на ней кончается злодейский перечень?!

Сегодня можно только надеяться, что задачи контроля всемирного производства и цели космической экспансии потребуют всемирной общественной организации, всемирного государства, преемника ООН, построенного на началах допустимой демократии и свободы.

Будущий коммунизм обещает и максимально достижимое равенство людей. Но ликвидация классов — деления людей по количеству доходов от места в производстве — со-

всем не означает ликвидацию различий, способностей и качеств человека. Даже наоборот, будет выявляться и углубляться разнообразие человеческих свойств не столько в вертикальном, сколько в горизонтальном измерении. Это несомненно. Будущее равенство — это скорее равенство возможностей для всех людей, отсутствие нивелирующих влияний производства и собственности, и развитие на этой основе многообразия и первенства человеческих способностей. Когда исчезнет значение классовых различий, у человека останется только одно «богатство» — богатство его способностей.

Что же касается «братства», то если под ним понимать установление родственных семейных отношений между всеми людьми, то оно так же несбыточно, как и надежды монахов на исправление грешных, или утопистов — на моральный коммунизм. Невозможна любовь без ненависти. И в будущем человеку представится немало случаев сказать такие слова: «брат мой — враг мой».

г) «Труд, счастье, мир»

Эти лозунги предлагает последняя программа КПСС в дополнение к трем первым лозунгам старого коммунизма. Однако это прибавление совершенно необосновано.

«Труд» — это понятие работы, создающей товарную стоимость, совершенно несовместимо с коммунизмом, так же, как и общее понятие «работы» (рабская принудительная деятельность). Помните определение раннего Энгельса: «Коммунизм уничтожает труд»? С коммунизмом совместимо только творчество, только свободная деятельность, как первая потребность человека.

«Счастье» — само это понятие относительно и покоится на относительности добра и зла. То, что сегодня кажется пределом мечтаний и счастья, завтра будет выглядеть обыденностью и скукой. А счастье человеческих взаимоотношений всегда соседствует с несчастьем, и каждая эпоха имеет свою долю счастья и свою меру горя. В том числе, конечно, и будущая эпоха.

«Мир» — это мечта человечества, но ее осуществление не зависит прямо от наступления коммунизма. Мир на земле зависит от создания на земле единого государства . . .

Таким образом, кибернетическое будущее обещает нам коммунизм — изобильный и свободный, но окрашенный не только светлой краской чистой морали и достоинства, но и краской неизвестности и вообще всей суммой страха, которым может поразить человека.

Пользуемся нашим основным приемом и посмотрим иллюстрацию этого коммунизма в реальной жизни. Как ни странно, но именно такой вид коммунизма давно существовал в цивилизованном обществе. Правда, лишь для небольшой, высшей части общества.

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

Если кибернетика обещает освободить все человечество от принудительного труда только в будущем, то введение рабства освободило от такого труда лишь касту (общество) хозяев, т. е. превратила их в первобытный коммунизм — в коммунизм изобильный, могущественный и раскованный. Племена типа греков и римлян, став обладателями рабов, ничего не изменили в своем коммунистическом быте, только избавились от собственного тяжелого и ежедневного труда. Наверное, тогда моралисты ужасались: «Что же будут делать свободные?», но дальнейшее развитие показало не упадок, а развитие и расцвет культуры хозяев — их сил и способностей. Отрыв от «низкого» производственного труда пахарей и ремесленников за хлеб насущный позволил расцвести античной науке и культуре, подняться до вершин искусства и философии, физической красоте и военной доблести. Мы, скептики, в итоге оказались правыми: презрение свободных к «низкому труду» сыграло с ними плохую шутку, обессилив их в борьбе с рабами и варварами. Но причина гибели античных цивилизаций — в строптивости рабов (и воинственности варваров), а не в самой культуре, выросшей на почве их труда. Аристократическое общество при феодализме или капитализме также существует на базе использования крепостных или наемных рабов, т. е. людей в качестве нелюдей, а потому в свою очередь обречено на гибель.

Будущая кибернетическая революция, этот итог современного технического прогресса, обещает создание механи-

ческих рабов, нелюдей, абсолютно приспособленных к условиям производства: естественных в производственной среде и потому не нуждающихся ни в профсоюзах, ни в классовой борьбе, ни тем более в восстаниях. Отсутствуют те тяжкие проблемы нравственности, с какими сталкивался свободный человек, превращая в автомат-орудие нормального человека, производя эту грубую и насильственную операцию усе­чения всех человеческих способностей, кроме одной — ра­бочей . . . Да, если бы была настоящая операция над созна­нием! — а то один варварский наркоз страха и пряника! А какие угрызения совести испытывает владелец автомобиля или будущего «робота»? — Да никаких! Наоборот, если бы автомобиль был бы способен иметь свое мнение, то ничего бы не переживал, кроме благодарности за работу — этот единственный для него способ существования.

Однако отвлечемся от сферы производства. Если отде­лить общество свободных в рабовладельческих республиках от деморализующего влияния контактов с рабами, то мы по­лучим приблизительно модель нашего будущего коммуниз­ма, который уже не раз в истории расцветал, но для ограни­ченного слоя людей.

Подчеркиваем наш последний тезис:

Идеал, который постепенно вдохновлял всех револю­ционеров, повстанцев и коммунистов-утопистов раз­личных школ и который действительно осуществит­ся в будущем, уже осуществлялся в обществах ари­стократов.

В целом рабовладение не дожило до нашего времени. Мо­жет, где-нибудь, на окраинах мира, оно еще есть, но неиз­вестно миру. Только рабовладельческие штаты Америки и в какой-то мере расистское общество Южной Африки мо­гут нам живо напомнить рабство. Правда, это не столько остатки рабовладельческого коммунизма, сколько реликто­вые формы самого рабства, приспособившегося к современ­ной капиталистической эпохе. Но ведь нас интересует не са­мо рабство, а отношения людей, пользующихся «рабской автоматикой».

Труд зеков в современных лагерях — также прямой на­следник рабства в государственном масштабе, особенно, ког­да он применяется не для исправления и наказания, а для

решения чисто экономических и производственных задач и осуществляется как важная отрасль народного хозяйства. Однако использование рабского труда зеков совсем не делает быт их начальников и конвоиров свободно-коммунистическим. Нет, они сами в свою очередь являются наемными рабами, винтиками государственного механизма.

Так же, как рабовладельцы-плантаторы южных штатов или Южной Африки были лишь рычагами в общем товарном производстве страны, использующими вместо машин редкую по своей податливости и пассивности рабскую силу.

Переходом в средневековье и к феодальному способу эксплуатации был разрушен и рабовладельческий коммунизм в античных республиках. Воцарение вместо них монархий было равносильно закреплению всех свободных, превращению их в «подданных монарха». Однако в целом дворянскую верхушку феодального общества, особенно на Западе, где было слабо развито холопство перед королями, можно охарактеризовать понятием «дворянского коммунизма».

Этот знаменитый «высший свет», блистающий знатностью и родовитостью, красотой и ученостью, весь переплетенный родственными связями (прямое братство) и дружескими отношениями, вся эта жизнь с охотами, литературными вечерами, политическими заговорами и заумной философией, — в общем, тот «высший свет», который нам так хорошо знаком по книгам русских классиков, являет собой пример свободно-коммунистического общества, избавленного автоматикой и крепостными доходами от повседневности «низкого труда» ради культурных и светских обязанностей... Конечно, богатые материальные условия давали этим людям отличные условия для развития и раскрытия всех своих способностей, для «воспарения» в самые высшие сферы человеческого духа и героических подвигов. Но в то же время это материальное благополучие и изобилие хотя и обеспечивали коммунизм отношений, но совсем не застраховывали «высший» и тем более «провинциальный свет» — ни от несчастий, ни от глупости или тоски, ни от несвободы под пятой царя, ни от всех черных человеческих качеств. В общем, этот «барский коммунизм», вызывавший такую зависть у крепостных рабов, демонстрировавший повсеместно и зримо образец «земного счастья», осуществленного рая,

— настолько реального и простого, что казалось: стоит только захотеть освободить и занять помещичьи хоромы — и тогда можно зажить «как баре», — нам этот образец показывает все недостатки и черные стороны нашего «светлого будущего», настоятельно требует не забыть трезвости и не тонуть в розовых иллюзиях.

Несомненно жизнь дворянина была много лучше жизни крестьянина, что бы ни расписывали сентиментальные радетели «народно-крестьянской жизни». Так же, как и наша жизнь наемных рабов несомненно хуже будущей свободы и изобилия.

КОММУНИЗМ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Буржуазно-демократические революции уничтожали словенную аристократию. Во властители и богачи теперь полезли «трудяги» и «хамы» из «черни». И каждый, даже наследственный аристократ, был вынужден заняться наемным трудом, участвовать в общественном производстве — «работать». Каждый стал наемным рабом, и в этом смысле аристократический коммунизм официально исчез, подорвав тем самым базу для массовых коммунистических движений. Чем больше ушла сегодня страна от феодально-советского великолепия в трезвую работу накопления и промышленного роста, тем меньше у людей осталось иллюзий, тем меньшей популярностью пользуется компартия.

Однако, несмотря на официальное исчезновение наследственной аристократии, классовое расслоение осталось, а вместе с ним и различные уровни жизни.

Рабочий эксплуатирует машину, капиталист эксплуатирует рабочего, но эту цепочку легко продолжить: мелкого капиталиста эксплуатирует крупная компания, а последнюю — банковское объединение. В этой взаимосвязи эксплуататоров и эксплуатируемых, в этой круговерти социальных ролей имеются четкие вертикальные классовые разграничения, обладающие громадным престижным значением в обществе. Они определяют полноту и уровень изобилия коммунизма каждой семьи. Рабочий может, например, позволить себе коммунизм только в пределах своего скромного заработка и отпуска, но он уже не может устраивать охо-

ту в Африке, иметь личный самолет. В то время, как капиталисту доступно и много большее. Капиталист может даже сравнительно легко сменить профессию, перебросив свой капитал из одной отрасли в другую, или вообще временно отстраниться от работы и ограничиться только самым общим наблюдением за ходом дел в своей фирме, и тем самым перейти на коммунистическую жизнь тунеядца (но это рискованно для делового человека).

Рабочий же, который себе такого позволить не может, естественно чувствует себя ущемленным, не полным и не изобильным.

Каждый круг лиц с определенным уровнем дохода образует не только абстрактную социальную или классовую группу, но и совершенно реально формирует в каждом городе или районе своеобразные дружеские компании, общины равных. Каждый такой круг, коммунистический внутри себя, есть объект ненависти и зависти со стороны нижестоящих «нищих» кругов, но сам по себе является субъектом ненависти к вышестоящим «паразитам и богатеям».

Таким образом, аристократия и ее коммунизм при капитализме как бы размываются по всему обществу в нечто относительное, но для каждого конкретного круга людей всегда есть пример вышестоящей «аристократии», что снова создает почву для восприятия коммунистической идеологии.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Раньше уже мы подразделяли ее суть: инстинктивное стремление людей к естественным (коммунистическим) взаимоотношениям, недовольство принудительным отчужденным трудом и завистливое чувство попорченной справедливости при взгляде на высшие классы.

Конечно, эти причины объективны и весьма уважительны. И человечество усилиями всех людей движется к осуществлению своих требований.

Рабочие — бастуя и тем повышая стоимость своей рабочей силы, создают мощный стимул к замене ручного труда — машинным, к росту автоматизации производства и материальному изобилию.

Научная техническая интеллигенция — познанием мира

природы и мира производства осуществляет научно-технический прогресс, эту главную предпосылку автоматизации производства.

Капиталисты — организаторы производства — своим ненасытным стремлением к большим деньгам и прибыли, делают все для экономии человеческого труда, т. е. вытеснения его машинами.

Политики и гуманитарная интеллигенция — своим стремлением к популярности у народа, стремлением служить ему и повышать его культуру, благосостояние и демократические традиции, — способствуют подготовке народных масс к новому обществу.

Человечество неустанно работает над осуществлением своего неосознанного коммунистического идеала. И выразителями этого прогрессивного движения являются социал-демократические воззрения. В большинстве развитых стран они поэтому господствуют. Нам же внушают совсем иное: построение коммунистического будущего объявляется не только и не столько естественным итогом технического прогресса и развития капитализма, сколько плодом организаторской и строительной деятельности коммунистической партии во главе остальных людей. В этом случае коммунизм начинают строить не с экономического базиса, а сверху или сбоку, т. е. с политических надстроек: 1) установления власти одной коммунистической партии, 2) по возможности, разрушения капиталистических производственных отношений, 3) внедрения единообразной компартийной идеологии (вроде Программы и Кодекса) и т. д. . . .

И вот мы видим, как эта идеология сливается с утопическими и реакционными устремлениями людей назад, к первобытной старине, к семейной морали в мировом масштабе. Это моральный коммунизм, который вместо монастырей и отдельных коммун занялся теперь всемирным братством. Но, конечно, ничто кроме временного разрушения производительных сил в результате таких попыток невозможно. (Большевизм первой поры и маоизм сегодня.)

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

Это необходимо выяснить, поскольку официально считается, что строй, господствующий в нашей стране, является

первой фазой коммунизма, почти коммунизмом, но с пережитками. Можно принять следующее рабочее определение социализма: *«Социалистическим называется устойчивое общество, которое возникает в результате единовластия коммунистической партии».*

Раньше, по смыслу самого слова, социализм сливался с олицетворением справедливого и счастливого общества, а его отличительной чертой от других идеальных обществ было отсутствие частной собственности на средства производства (коллективизм). А отличие от морального коммунизма состояло в отрицании уравниательства людей и большой неопределенности в конкретных принципах организации будущего.

В эпоху Второго интернационала понятия коммунизм и социализм путались и зачастую употреблялись одно вместо другого. Пока Ленин, провозгласив Октябрь 1917 г. — социалистической революцией в России, а Россию — социалистической республикой, не определил социализм, как первую стадию коммунистического будущего, в отличие от второй стадии — самого коммунизма. В этой трактовке социализм представлялся неким переходным периодом, некоторой смесью коммунизма и капитализма, вернее даже — коммунизмом с неопределенной величины родимыми пятнами капитализма. Все сходилось: Россия была социалистической республикой, а коммунизм Ленин обещал молодежи через 10—15 лет.

Следующим этапом в понимании слова «социализм» явились дискуссии после гражданской войны. В это время Ленин называет крупные предприятия — социалистическими, а будущие коллективные хозяйства крестьян — тоже социализмом. Так выявилась суть социализма, как строя, при котором государству принадлежит все производство: и оно, от лица народа, управляет им, нанимает работников и платит им зарплату. Именно такой социализм был осуществлен в Советском Союзе под руководством Сталина к 1936 г. И именно такое понимание социализма утвердилось с тех пор в наших головах.

Пусть будет так. Но является ли наш социализм действительно первой и развитой стадией коммунизма? Приложимы ли к нему наши принятые коммунистические принципы?

1) *«Труд по способности».* Этот принцип осуществляется

лишь в рамках свободного выбора работы за деньги и согласно образованию, т. е. ничем не отличается от нормального трудового права в любой капиталистической стране и не делает шага к коммунизму. Напротив, широкое распространение законодательных или неофициальных мер по закреплению рабочей силы в определенном месте — уменьшает свободу выбора по сравнению с капиталистической нормой. В этом плане социализм не дорос до капитализма. Действительно, запрет свободного увольнения с предприятий, практиковавшийся ранее, невыдача паспортов уезжающим из колхозов, затруднение с пропиской в любом месте — это прямые феодальные пережитки, остатки того времени, того древнего права, по которому верховная власть распоряжалась жизнью и свободой своих подданных, как рабами. Эти меры увеличивают степень принудительности труда, его отчужденности и низкой производительности.

Другим ущемлением свободы труда является знаменитое: «Кто не работает, тот не ест!», репрессивно направленное против «тунеядцев». В число же последних могут быть зачислены все, кто не служит на государственной службе или на производстве, т. е. этот принцип направлен как против свободного, частного и зачастую творческого труда, так и против людей, действительно не участвующих в общественном производстве и уже сегодня ведущих «свободно-коммунистический образ жизни».

2) «Каждому по потребности» — этот ключевой коммунистический принцип при социализме официально не действует и заменен: «Каждому по его труду», что определено было и Марксом и Лениным, как «буржуазное равноправие», как выражение рыночных отношений спроса и предложения работы, закрепления практического неравенства в уровнях жизни людей. Каждый работник социалистического производства получает зарплату от государства или от колхоза (что в сущности одно и то же), и уже этим определяется главная суть социализма: это недоразвитый и принудительный труд, и классовое деление, и неравенство, и буржуазное государство для охраны всего этого (см. Ленин, С., т. 25) и пр., и пр.

Да это и понятно, ведь современным производительным силам необходим принудительный труд образованных и культурных рабочих, — т. е. совершенно необходимы капи-

галистические производственные отношения. Ведь надо же когда-нибудь усвоить коренное положение марксизма о необходимом соответствии производительных сил и производственных отношений. А если вспомнить, что в современных социалистических странах уровень развития производительных сил стоит на уровне капиталистических стран или даже на ступень ниже, то получается неоспоримое равенство социализма-капитализма.

Конечно, равенство это очень грубое, не учитывает всем известных различий между этими формациями. Однако, если внимательно взглядеться в эти отличия, то все они сведутся к «своеобразию» феодальных пережитков! Возьмем злополучный буржуазно-социалистический принцип оплаты «по труду». Он выглядит очень просто и красиво, но настоящая его цена выявляется только в практическом применении. Довольно просто определить количество затраченного человеком «количества труда» — по рабочим часам, но как определить «количество абстрактного общественно-необходимого труда»? Все различия в тарифах, ставках, разрядах, окладах, премиях и т. д. определяются руководством, исходя из неопределенных «высших» соображений, никому не понятных, в том числе и самим руководителям. На деле же все уровни зарплаты определяются фактическим рынком труда: если на какую-то работу никто не идет, то привлекают повышением зарплаты. Оплату же хорошо оплачиваемых рабочих постоянно снижают, — если не абсолютно, то относительно (как ростом цен на товар, так и снижением расценок при увеличении производительности труда). В конечном счете все сводится к игре спроса и предложения рабочей силы на неофициальном рынке труда. Однако этот естественный капиталистический рыночный механизм не может работать, ввиду его замаскированности под социализм, ввиду всех ограничений в свободе выбора, — но главное, из-за субъективизма в определении стоимости рабочей силы.

3) «Свобода» — как важный коммунистический принцип, который явился главным завоеванием буржуазно-демократических революций, при социализме сильно ограничен — фактически отсутствием демократических свобод, руководством одной партии и одной идеологией, что также является пережитком (самодержавия и религии). В той мере, в какой социализм лишен демократических свобод (и является

«казарменным капитализмом»), — в той же мере он близок к самодержавному феодализму и обладает его чертами.

4) «Равенство» (в коммунистическом смысле) — не признается при социализме даже официально. Есть разделение труда, есть различия зарплат, есть классы. Правда, признавая профессиональные и классовые различия по горизонтали (рабочие, интеллигенция, крестьяне), обычно осуществляют вертикальные различия: интеллигенция признается только прослойкой (непонятно между чем), а наличие необходимого класса руководства (номенклатурной верхушки государства) вообще замалчивается. Как будто его и нет, — вернее, как будто говорить о нем неприлично. Этот класс напоминает древнееврейского бога Ягве, которому все без исключения молились и поклонялись и несли жертвы, но упоминать его имя не смели.

5) «Братство» — этот призыв к возрождению родственной любви между людьми всего общества, как дань мечте о родовом коммунизме, фактически отвергнут капитализмом. Но в этом отношении социализм устроил не менее решительную чистку, оставив тему братства только в пропаганде.

6) «Отмирание государства». Этот вопрос мы рассмотрим подробнее. Общественная собственность на средства производства при нашем социализме выражается в форме государственной собственности. На первый взгляд, государство, через выборы олицетворяя волю народа и управляя всем от его имени, действительно имеет право называть свою собственность общенародной. А национализация всех средств производства тогда выглядит как главное условие социализма и коммунизма. Однако уже Маркс и Энгельс различали государственную и общенародную собственность и считали их даже противоположностями:

Коммунизм есть положительное выражение упразднения частной собственности, на первых порах выступает как всеобщая частная собственность . . . , как обобщение и завершение отношений частной собственности . . .

. . . Равенство заработной платы, требуемое Прудоном, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение нынешнего рабочего к труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслится, как абстрактный капитализм . . .

. . . Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выпла-

чиваемой общинным капиталом, общиной, как всеобщим капиталом. Обе стороны взаимоотношений, поднятых на ступень представляемой всеобщности: труд, как предназначение каждого, а капитал — как признанная всеобщность и сила всего общества. Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности, дающей утвердиться в качестве положительной собственности . . .

(М. Э., «Из ранних произведений», стр. 570, 587.)

Спустя 30 лет, Энгельс уже прямо отвергает любые попытки уравнивать огосударствление производства (национализацию) и социализм:

В последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, проявился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим любое огосударствление, даже бисмаркское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполен и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма . . . Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевское торговое общество, королевские фарфоровая мануфактура и даже ротные шквальни в армии, или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме II каким-то умником огосударствление домов терпимости . . .

Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожает капиталистического характера производительных сил . . . Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист.

(М. Э., т. 19, стр. 222.)

Ленин, сделавший крупный шаг к нынешнему пониманию социализма, никогда не считал государственную собственность главной основой социализма, даже когда такое «социалистическое производство» начало при нем работать. В своих теоретических статьях 1917 г. Ленин действительно называл социализм — государственным монополистическим капитализмом, но оговорился, что этот капитализм должен

быть поставлен на службу народа, и именно поэтому превращается в социализм. Этим он подчеркнул, что по технике и организации самого производства социализм почти равен государственному капитализму, а единственное решающее отличие — только в характере самого государства-собственника. Тем самым все различия между капитализмом и социализмом были перенесены Лениным в область политики, в область рассуждений — народно ли данное государство или нет? И это понятно. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не могли себе конкретно представить производительные силы, которые бы с необходимостью требовали не капиталистических, а только коммунистических или социалистических производственных отношений. Они не знали и не могли знать ничего, кроме современного им производства, и могли только догадываться о его движении к коммунистическим производственным отношениям и свести вопрос только к козням капиталистов, которые мешают свершиться победоносной коммунистической революции. Это была вполне простительная ошибка! Ведь не могли же они тогда догадаться о тезисе второй промышленной революции и владеть всеми выводами кибернетики. У них просто не было другого выхода: или признать, что современное им капиталистическое производство способно работать при коммунистических отношениях, или отказаться от коммунистической перспективы вообще, перестать быть коммунистами (что собственно и случилось с социал-демократами). Тогда подобные заблуждения были простительны, но сегодня — в ясном свете кибернетических перспектив — они возможны лишь по невежеству или по лицемерию, известному лицемерию правящих классов. Классики марксизма-ленинизма, одновременно с естественным заблуждением, сознавали, что простая передача производства в руки государства и объявление последнего — рабочим или народным — не даст ничего кардинального. Это будет еще одной формой капитализма, и даже низшей формой. Последнее особенно интересно показано Энгельсом в полемике против социалиста Гейнца:

Все мероприятия с целью ограничения конкуренции . . . , всякая государственная организация труда и т. д. — . . . в качестве революционных мероприятий не только возможны, но даже необходимы. . . Они возможны как

подготовительные мероприятия, как промежуточные ступени к упразднению частной собственности, но только в качестве таковых. Но г-н Гейнцен требует этих мероприятий как неизбежных и вечных мероприятий... Но в силу этого эти мероприятия становятся невыполнимыми и в то же время реакционными... по сравнению со свободной конкуренцией... Свободная конкуренция есть последняя высшая, наиболее развитая форма существования частной собственности. Все мероприятия, следовательно, имеющие своей предпосылкой сохранение частной собственности (даже государственной), и все же направленные против свободной конкуренции, — *реакционны и клонятся к восстановлению низших ступеней развития собственности.*

(М. Э., С., т. 4, стр. 272—273.)

Выходом из этих противоречий могла стать только кардинальная революция, которая смела бы не только частный капитализм, но и государство. Вернее, устроила пролетарское государство, которое тут же начнет отмирать, сливаясь с всенародной волей. И в той степени, в какой будет отмирать пролетарское государство, в такой же степени будет совершаться переход от капитализма к коммунизму. Называется этот переход (по книге Ленина «Государство и революция») — *социализмом.* Всякое же иное мнение на этот счет Ленин считал «оппортунизмом и опощлением марксизма».

Что же такое «отмирающее государство» пролетарской демократии или диктатуры? Это — когда каждая кухарка управляет государством, когда все функции контроля и учета выполняются обычными рабочими и крестьянами по очереди или помимо основной работы. Это — когда все руководители (если они еще имеются) должны быть полностью подотчетными массам, получать не выше среднего заработка рабочих и не выделяться из их среды... — т. е. отмирающее государство — это комплекс всех форм *прямой примитивной демократии,* которая должна стать переходом к ликвидации всякой демократии, всякой государственной организации. Чем же они будут заниматься в будущем, классики марксизма-ленинизма никогда и не пытались формулировать. Несмотря на все нынешние легенды об их удивительной прозорливости и творческой плодовитости, они на удивление скупо и расплывчато говорили о конкретном устрой-

стве будущего, возлагая все надежды на революционный инстинкт и инициативу народных масс, на их «историческое творчество», на народные решения, которые заранее невозможно предвидеть.

Эта неопределенность цели и это упование на народный инстинкт — это способствовало тому, что борьба за коммунизм начиналась как борьба за власть под коммунизмом, начиналась как борьба за власть под коммунистическими лозунгами, и кончалась тем же самым — борьбой за удержание власти, несмотря ни на что.

Практика нашего социалистического государства заменила все иллюзии о возможности отмирания государства концепцией постоянного укрепления социалистического государства и укрепления роли правящей партии. Всякая связь с дореволюционными марксистскими теориями социализма давно порвана.

Поскольку государство существует, поскольку оно фактически отделено от народа и подчинено ему лишь декларативно, постольку наш осуществленный социализм является не стадией коммунизма, а государственной формой капитализма, предкапитализмом феодально-восточного типа. Только в феодальных и восточных обществах можно обнаружить те черты, которыми отличается наше общественное устройство от нормального капитализма: сильно развитое самодержавие (культ личности), слабое развитие частнособственнического хозяйства в пользу государственной собственности, широкое использование принудительного труда, слабое развитие товарных отношений, ограничение демократических свобод и т. д.

Заканчивая этот раздел, еще раз подведем итог: социализм есть неразвитый капитализм — его государственно-феодальная форма, а не первая фаза коммунизма.

На пути к коммунизму социалистическому обществу придется пройти через стадию демократизации своего капитализма, через стадию устранения всех феодальных («социалистических») пережитков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечислим, как это делается в добропорядочных работах, все, что мы попытались здесь выяснить: коммунизм, который был в прошлом, и те реальные формы коммунистических отношений, которые существуют в современном обществе. Общая тенденция развития производства и всего общества к коммунизму выражается как:

1) борьба людей (почти инстинктивная) за полное осуществление естественных коммунистических отношений;

2) приспособление материального производства в ходе технического прогресса к самому человеку, к его нежеланию работать принудительно.

Выяснена реакционная сущность утопически-коммунистической идеологии и социализма, как суммы феодальных пережитков в капитализме. Итак, сущность коммунизма можно считать выясненной. Как прошлого, так и настоящего (реального и идеологического), так и будущего.

Теперь следовало бы заняться выяснением оптимальных путей развития общества к коммунизму и конкретных действий, способных помочь его быстрейшему наступлению, т. е. что надо делать, чтобы быть настоящим коммунистом.

Однако этот анализ должен сделать каждый самостоятельно, и нужно самому выбрать свою позицию и долю своего участия в работе и борьбе мира. Нам же остается только надеяться, что помочь в этом может данная работа — пусть примитивная и плохо написанная, но стремящаяся к объективности, попытка разбора краеугольного человеческого понятия.

Мы только должны отметить несомненную и важную роль *коммунизма и демократии!* Без борьбы за демократизацию социалистического общества, за освобождение от феодальных самодержавных пережитков невозможно быстрое развитие производства к полной автоматизации, невозможно создание материальной базы коммунизма.

Без борьбы за свободу и демократию невозможно в будущем создание настоящего естественного коммунизма. Без борьбы за демократический контроль за современной государственной машиной невозможен в будущем прочный контроль над производством (с машинами «умнее человека»).

Сегодня у нас только демократы являются настоящими коммунистами.

Но в то же время борьба за демократию и свободу не может быть полной и действенной без коммунистической перспективы, без учета стихийно-коммунистических стремлений людей, без воплощения в своей программе коммунизма — этого прирожденного человеческого идеала человеческого общежития! Сегодня борьба за демократию и борьба за коммунизм — в сознании людей существует как два совершенно разных и даже противоположных движения. Но это только пережиток истории. У коммунистов должны быть выявлены прогрессивные черты, и движение за воплощение в реальность будущего коммунизма должно слиться с демократическим движением.

Только сливаясь, эти два великих течения современности могут стать непреодолимой формой человеческого мировоззрения и преобразовать нашу жизнь!

Февраль 1970 г.

ОТКЛИК

НА СТАТЬЮ А. А. АМАЛЬРИКА
«ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ДО 1984 ГОДА?»

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ А. А. АМАЛЬРИКА
«ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ДО 1984 ГОДА?»

Уважаемый Андрей Алексеевич!

Откликнуться на Вашу работу мне кажется совершенно необходимым. Во-первых, потому, что в потоке Самиздата впервые так резко и логично Вы поставили вопрос: «Быть или не быть нашей Родине?» Ваша работа должна превратиться в широкую дискуссию, где каждый обязан внести свой вклад — обсуждением устным или письменным.

А во-вторых, во многом я просто с Вами не согласен.

1. Ваш анализ истории зарождения и социального состава участников демократического движения у меня лично не вызывает возражений, так же, как и вывод о том, что современное движение опирается почти исключительно на средний класс (класс специалистов, или, в просторечии, на интеллигенцию).

Однако этот вывод Вы распространяете 1) на весь мир, 2) на все наше будущее, — и с этим уже надо спорить. Вы считаете, что во всех странах только средний класс в основном и нуждается в свободе для своей работы и в правопорядке для охраны своего имущества. Тогда выходит, что демократия всегда была и есть — чужой для низов общества, — для «деревни» по Вашему выражению, — т. е. антинародной, ибо низы ведь всегда составляли большинство народа.

Демократия — антинародна!

Как Вам нравится это предложение? — Но ведь оно логически следует из Вашей экстраполяции. Может, я неправильно Вас понял? Может, Вы хотели сказать, что средний класс — не основная, а только *лучшая* опора демократии? — С этим безусловно трудно не согласиться.

Но нет, последние строки Вашей работы свидетельствуют, что понял я Вас правильно. Опора демократии (равная среднему классу) именуется здесь уже как «социальная база науки» и сводится к «ничтожному меньшинству» в бур-

ном и бескрайнем океане «деревни». Судьба этого меньшинства — вместе с его науками и демократией — предсказывается Вами мрачно и решительно. Полный и окончательный крах. Непонятно только одно — откуда вообще взялась вся наука и цивилизация? Как из темноты средневековья инквизиции и феодалов, т. е. 100%-ной деревни, вдруг засиял свет? И как вообще могло это сияние увеличиваться, а сегодня вдруг неожиданно и необъяснимо закончиться крахом? Почему?

Все это выглядит очень иррационально в Вашей передаче. Конечно, легко предположить, что Вас охватывает невольное чувство недоумения и боли при виде, допустим, распространения фактического коммунизма и маоизма в демократических и развивающихся странах, или при виде молодежных и студенческих бунтов там, где, казалось бы, достигнут максимум возможной свободы и благоденствия. Легко наполниться мрачностью по этому поводу. Но нельзя же идти на поводу чувств и серьезно выдвигать их вместо конкретного анализа причин!

Мне кажется, что *устойчивая демократия может быть только народной*, что она должна опираться только на весь народ в целом (или мелкобуржуазные массы, по марксистской терминологии) — при всех внутренних противоречиях общественных классов и групп. Устойчивой демократия может стать только тогда, когда весь народ или по крайней мере его подавляющее большинство начнет ценить свободу и закон; и мы видим, что современные рабочие и фермеры США — такие же ярые защитники демократии, как и интеллигенция.

Вы правы, заявляя, что сегодня мы опираемся только на интеллигенцию, что фактически мы «страшно далеки от народа», и уж потому можем выглядеть *антинародным движением*. Ну и что же прикажете делать в этой ситуации? — Презирать невежественные низы? Гордиться сознанием своей правоты и только? — По-моему, только одно — сблизиться с низами и искать у них понимание и опору.

2. Вы специально останавливаетесь на кардинальном вопросе: «Может ли демократическое движение найти опору в нашем народе?» — и для этого проводите анализ настроений русского народа и его основного антидемократического содержания: идеи сильной власти и идеи справедливости.

Анализ идеи справедливости кажется мне особенно удачным. Однако Вы напрасно отрицаете ее связь с уравниловкой. Справедливость — это именно модификация древней, идущей от нищей, первобытно-коммунистической практики распределения всех благ в племени-обществе — по справедливости, т. е. по «правде» (корень слова), по знанию главой племени истинных потребностей и заслуг каждого, что на деле сводилось только к коммунистической уравниловке, к этой правде нищих. Так же и идея сильной власти — лишь модификация представления общинного крестьянства о грозном в добром царе, абсолютном монархе, феодале-сеньоре. Но я не думаю, что Вы со мной согласитесь, Ваша оговорка, зачеркивающая связь уравниловки и справедливости, не кажется мне ни случайной, ни маловажной.

Ведь по существу эти и другие оговорки (к сожалению, в поддержку Фетисову) утверждают «оригинальность и чистоту русский характер» идеи справедливости (в противовес общим для всех народов пережиточным идеям уравниловки и абсолютизма) и, следовательно, *исключительно прирожденную антидемократичность русских низов*. Только если «средний класс» сумеет вырасти в большинство и поглотить низы, возможно, по Вашему мнению, утверждение демократизма в России. А так как всем ясно, что до свершения такого чуда очень далеко не только у нас, но даже на Западе, и во всяком случае оно не произойдет до 1984 г., то Вы предсказываете только взрыв антидемократических низов общества и неизбежный крах страны до 1984 года.

Я понимаю, Андрей Алексеевич, что Вы глубоко убеждены в правоте своих слов, но подумайте, к каким выводам Вы подводите людей:

- 1) всё равно все погибнут, борьба бессмысленна;
- 2) тем, кто не может бездействовать, следует организовать средний класс, — хотя шансов на его успех тоже никаких (до 1984 г. он останется явным меньшинством), и кроме того он обладает рядом врожденных и почти непреодолимых недостатков — таких, как пассивность, вытекающая из научных занятий, и чиновничья психология . . .

И весь этот пессимизм вытекает из одного предрассудка — о биологической недемократичности русского народа. Но это же неверно! Мы ничем не отличаемся от других наций — разве только запоздалым развитием (и то по отношению

к Западу, но не к Востоку). Разве не было «уравнителей» в Англии эпохи Кромвеля? А «бешеных» или «справедливых» — во Франции, а коммунистов всех мастей и эпох в Европе?! А тайпины Китая? А Иран, Турция и пр. — они что — обходились без крестьянской уравниловки, без коммунистических восстаний? Может, остальные народы со дня творения были демократами и с коммунизмом никогда не имели ничего общего? И о самом слове «справедливость» ничего не слышали?

Нет, не нужно нам придавать такую исключительность. Наука и демократия возникли несколько столетий назад из недр феодальной общины в ходе буржуазного демократического преобразования. Процесс медленный, но неуклонный. Англия пережила свою революцию в XVII веке: конец абсолютизма — террор Кромвеля — реставрация монархии, но уже конституционной. Франция: революция конца XVIII века — террор якобинцев — и последующее столетие революционно-реакционных колебаний в сторону медленного роста демократии и усвоения народом ее идеалов. Германия, Италия, Япония — революции и преобразования XIX века — последующие диктатуры с переходом к сегодняшней неустойчивой демократии и т. д. . . .

Почему же Россия, правда, сильно затянувшая свой отказ от абсолютной монархии вплоть до XX века, но уже пережившая революцию 1917 г., террор Сталина и начало медленной либерализации, — почему именно Россия должна избежать этой общей участи?

У демократов нет повода для уныния и мрачности. Весь опыт истории, по крайней мере, новой — говорит за нас. Ссылка же на крах древнего Рима, при всей ее эффективности, меня не убеждает. В те далекие времена Рим был одиноким островом в море бурного кочевого варварства, под ударами которого он погиб как государство, а совсем не как цивилизация. Она была разжижена, она остановилась в своем развитии и почти тысячу лет пережевывалась и усваивалась завоевателем, но когда все-таки усвоилась, то дала миру новую Европу! Ни каменное строительство, ни первые машины, ни письменность и культура — все это не было навсегда забыто, сохранилось, легло в основание Европы и победило.

Сегодня же весь мир почти — сплошная цивилизация. Последний оплот крестьянского варварства — бунтующий Китай — находится в изоляции и скоро сам станет на пути прогресса.

Так что для нового Апокалипсиса нет никаких оснований.

3. О России прошлого века Маркс писал, как о стране с громадным преобладанием общинного, т. е. древне-коммунистического крестьянства. Это обстоятельство, между прочим, и обусловило такую «неожиданную» поддержку коммунизма в 1917 г. со стороны православного крестьянства. Сегодня такого крестьянства в стране уже нет. Есть только полукрепостные рабочие на государственных предприятиях в городе и деревне, и есть остатки общинной психологии в сознании, вроде идей справедливости и сильной власти. Это своеобразное идеологическое запоздание, правда, усиленно разлагается всей современной обстановкой.

Да Вы и сами отметили, что в народе утверждаются новые понятия: «выгодно» и «опасно». Но разве это не основа «прагматизма» и «законности»? Пусть примитивная, пусть только для низов выраженная, — но основа? Разве это не зачатки разумного, рационального отношения к миру, разве это не отказ от различного рода мифов, засилья религии и старых моральных норм? Но почему-то Вы с осуждением называете нас «народом без веры и морали» и, перенося это на всю русскую историю, пишете о стране «без веры, без традиций, без культуры и умения делать дело», о ее неблагодарности своим очередным созидателям и властителям: скандинавам, византийцам, татарам, немцам, евреям, об ее постоянном коварстве и вероломстве. — Трудно даже понять, как могло Вас толкнуть в эту яму необъективности чрезмерно сильное желание увидеть наш крах и конец. Разве можно всерьез говорить об отсутствии в русском народе веры и традиций? — В России, с ее жизнью «по старине» и раскольниками, с ее «справедливостью» с седых времен и извечной покорностью, с ее твердокаменным православием и коммунизмом? Разве можно говорить о нас, как о народе без моральных традиций — с нашими заветами домостроя и строгого отца, с культом монастырей и подвижников, героев и мучеников? С нашим презрением к «немецкой аккуратности и расчетам»?

— Полноте, беда наша совсем в ином: в слишком боль-

шом засилье отживших религиозных и моральных норм, этих антагонистов разума и расчета, терпимости и законности. И если снова придет 17 год, то вешать и «ликвидировать» нас будут совсем не дачники-спекулянты или халтурщики-рабочие, а так называемые «моральные и принципиальные» хранители революционных заветов — может, называться они будут не только ленинцами, но и «фетисовцами», и радеть будут не столько о «пролетарской солидарности», сколько о «русской справедливости» или еще как.

Конечно, Вы правы, говоря об антидемократичности нашего сегодняшнего большинства и, следовательно, об «антинародности» современного демократического движения. Это — факт не прирожденный, не биологический, а временный. И он должен звать не к унынию и обреченности, а к активности и работе над демократизацией народного сознания. От успешности этого зависит будущее нашей страны. Да Вы и сами, Андрей Алексеевич, так живете. Но зачем же тогда неправдоподобными преувеличениями отталкивать от активности и лишать надежд людей, которые могли бы пойти с Вами?

4. Не могу я согласиться с Вашим термином «дряхление режима», — т. е., конечно, режим дряхлеет, но не сам по себе, а только под давлением общества. Пусть это давление стихийно и бесплано, но оно растет и действует. «Свободу не дают, ее завоевывают» — этот девиз справедлив и в наше время. И если у общества сегодня нет плана, то это не беда — дайте срок, появятся и планы, и программы, и организации. У меня нет сомнений, что свобода демократии неизбежна (пусть даже в будущем веке), и что когда режим полностью «одряхлеет», народ будет достаточно зрел и сознателен, чтобы установить и удержать демократическое правление. Если . . . если только процесс нашего развития не будет сорван предупреждающим возмущением антидемократическим масс — то ли из-за явных глупостей или провокаций режима, то ли из-за тягот внешней войны.

Тогда возможно повторение 1917 года, разрушение производительных сил в гражданской войне, избиение интеллигенции, в том числе и демократической, и возрождение режима — на новой и усиленной основе. Террористическая яма, в которой мы тогда окажемся, может быть даже глубже 1917 г.

Но как для других народов опыты их революций оказались весьма памятными, так можно надеяться, что опыт 17—37 гг. не будет забыт и нашим народом.

Если народ созрел для демократии, он легко вынудит правительство пойти на уступки и преобразования, а если даже в дело вступает насилие, гражданская война, — то и это не означает, что бо́льшая часть, если не весь он, отрицает демократические методы разрешения проблем и, победив, установит диктатуру над собой (видимо, пародию вначале). Нет злейшего врага для демократии, чем насильственные революции (и люди, увлекающие на них народ) и . . . конечно, войны.

5. Исходя из опыта русских революций, наиболее вероятным поводом для срыва демократического развития страны будет война. Конечно, при этом режим погибнет, идя на непосильные внешние авантюры при внутренней слабости, но в общем плане — после революционного потрясения и кровопускания — режим вновь возрождается молодым и сильным. И если в 1984 г. Вы нам предсказываете подобие 1917 года, то я с неменьшим основанием могу предсказать последующую диктатуру и воцарение Иосифа II — и, чем черт не шутит, может он окажется еще более жестким и талантливым, и не только восстановит Россию в ее царских границах или Советский Союз в его социалистическом лагере, а еще более расширит и приумножит? Ведь логично же?

Так что не будем окончательно хоронить в 1984 г. пятисотлетнюю русско-татарскую империю — эту птицу Феникс. Она может сгореть, но и тогда вряд ли погибнет. Оставим себе только одну реальную надежду — на ее мирное и естественное самопревращение в обыкновенную демократическую ворону. Для нас одинаково не подходит ни процесс сожжения, ни тем более — возрождения усиленной империи из пепла.

Мне война с Китаем кажется весьма возможной — и даже не столько из-за позиции СССР, сколько из-за агрессивности Китая.

Что делать, если война будет нам навязана? — Вне всякого сомнения, стать на позицию обороны отчества, но только обороны. Не могут получить одобрение никакие ядерные авантюры и любые попытки как-то оккупировать миллионы фанатично настроенных китайцев. Только борьба с

захватчиками, только полупартизанская маневренная борьба на своей территории, в своем климате, ближе к своим коммуникациям, на своей земле и в среде своего народа. Только так 200 миллионов могут победить 800 миллионов. Вести долго современную войну на чужой территории один Китай не сможет, ибо его экономическая база во много раз слабее нашей, и пока жив Председатель Мао и его преемник Линь Бао, она будет постоянно ослабляться строительством коммун и большими скачками экономических провалов. До тех пор фанатичность их голодной пехоты будет компенсироваться технической отсталостью оружия. Главной задачей нашей страны будет тогда оторвать от Китая его естественных союзников — реваншистских Японию и Германию — безусловным возвращением отнятых в 1945 г. земель, в обмен на торговую блокаду Китая. Только при таких условиях союз китайского фанатизма с развитой экономикой СССР, будет расстроен, и война с Китаем будет происходить относительно легко и с минимальными потерями. Наша страна сможет избежать внутренних потрясений, сблизиться с западным миром и даже ускорить процесс либерализации режима. Ваш прогноз не осуществится.

Такова возможная стратегия демократического движения, если рассматривать Ваше предположение о войне с Китаем. Но боюсь, что Вы с нею не согласитесь. А может, даже назовете расовой политикой.

Вообще-то мне было очень странно читать Вашу защиту сегодняшнего Китая. Я знаю, что я — не расист и отнюдь не желтофоб. Было время, когда я хмелел от известий о курсе «ста цветов» и о чудесах коммун 1958 года и море народной инициативы и энтузиазма в Большом скачке. Тогда я таскался с непререкаемым значком Мао Цзэ-дуна на груди и осмелился даже оскорбительно заявить с трибуны о том, что отзыв советских специалистов из Китая — не лучше саботажа французских империалистов в Гвинее. Но ведь времени с тех пор прошло немало, и сущность маоистского Китая стала ясна всем. Достаточно включить радио на китайскую волну. Так при чем же здесь расизм, о котором Вы упоминаете?

В Китае революционный процесс находится еще в зените, у нас же он спадает. Так почему же Запад должен не-

пременно поддерживать именно революционный и агрессивный Китай? Это так же непонятно, как ваша запоздалая рекомендация США поддерживать во время китайской гражданской войны Мао Цзэ-дуна против пусть слабого и в итоге оказавшегося побежденным, но все же буржуазно-демократического режима Чан Кай-ши. Я бы понял Ваш совет США не вмешиваться ни в чьи гражданские войны, ибо любое иностранное вмешательство искажает внутреннюю картину и мешает установлению действительно народного (не обязательно демократического) режима. Но поддерживать Мао только в пику русским? — Это странно. Вы даже незаметно для себя смещаете времена: неожиданно перескакиваете на будущую либерализацию Китая (которая несомненно осуществится позже нашей), лишь бы поженить его с демократической Америкой во время войны с нами. А чего стоит обоснование Вами китайских претензий на Сибирь и Дальний Восток — «потребностями китайского экстенсивного сельского хозяйства»?

Вы слишком увлечены, Андрей Алексеевич, предсказанием краха, пережестываете в русофобство, и потому в Вашем воображении кровавый режим Мао становится либеральным союзником Америки и при этом достаточно сильным, чтобы захватить Сибирь. Но ведь совершенно ясно, что будущему демократическому Китаю совсем не нужны новые территориальные захваты, что ему вполне хватит своей земли, как ее хватает США, Японии и другим передовым странам; что на деле всем странам нужны только мир, свобода экономического развития и торговля: сотрудничество всех народов над развитием всей земли. И я уверен, что будущая демократическая Россия примет любую помощь и сотрудничество для развития своих земель (и особенно Сибири) на основах обычных международных норм.

6. Наконец, серьезное возражение вызывает вся концепция аморальности русского государства. Я не буду Вас уговаривать тем, что подобная концепция не может быть популярна среди наших людей. Видимо, это для Вас неважно. Однако мне она кажется просто неверной.

Да, русский народ позже других европейских народов стал на путь государственного строительства. И, естественно, сразу же испытали на себе влияние более развитых соседей — скандинавов и византийцев.

Но скажите, а разве другие народы не испытали на себе основополагающего влияния Римской империи? И разве норманны не были правителями Англии, Франции и других стран?

Другое дело — иго татар. Этого последнего крупного прилива варварски-коммунистического моря Европе удалось избежать (возможно, за счет русских жертв). С тех пор Россия (как Китай и Турция) стала прямым наследником Монгольской империи, воссоздав в себе и азиатский деспотизм, и стремление к захватам и к внеэкономической эксплуатации и чужих подданных. И эту татарскую основу русского государства, давно сделавшуюся вполне русской традицией, не смогли вытравить пока ни немцы Петра I, ни революционные евреи Ленина. Сделать это смогут, видимо, только сами русские (т. е. большинство живущих в России).

И все же это государство — наша Родина, и это история, — и история нашего народа. И если наши предки не были сплошным дерьмом, и если мы уважаем самих себя, то мы не можем относиться к своей истории так негативно, как это получилось у Вас. Тем более, что даже Российская империя была не самым отсталым и варварским наследником Чингиза. Были и хуже, вроде Турции и Китая.

Неправильно относиться к русскому государству, как к случайной цепи правлений очередных «варягов», а русский народ считать только сборищем покорных рабов. Случайные межнациональные государства, вроде империи Александра Македонского или Чингиз-хана, — рассыпались сразу после смерти их основателей. Национальные же империи — типа Британской, Французской или Российской — существовали веками, хотя сегодня им и приходит конец. И как англичанину нечего стыдиться времен Британской империи, так и русскому нечего стыдиться своего присутствия на востоке и юге (Запад — дело другое).

Конечно, я совсем не одобряю царские захваты. Но я их не стыжусь — такое время было, когда колонии хватили все, кто мог. Это было в порядке вещей. Стыжусь только сталинских захватов, сделанных уже в наш век развала колониальных империй, когда территориальные завоевания перестали быть нормой, а стали лишь признаком дикого невежества и кровожадного варварства. К несчастью, моя ро-

дина здесь отстает от мира. И мало того, судя по августу 1968 г., — снова идет по сталинскому пути.

Конечно, чем быстрее это положение изменится, чем быстрее зависимые от русских народы (неважно, находятся ли они в Союзе или социалистическом лагере) получают подлинную независимость, тем лучше. Но почему при этом должна разваливаться и вся русская Россия? Почему Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток должны или выделиться или отойти к Китаю? — Может, в качестве исторического возмездия за многовековые захваты и заселения? Может, чтобы вернуть «кислое тесто» в его первоначальные рамки (в пределы нечерноземного центра)? Но ведь на *этих землях сегодня живут русские*. Это их земля и земля их предков — Родина . . .

Нет, если уж стараться быть объективным, то не надо впадать в другую крайность. И если моей стране полезно разойтись со всеми жаждущими независимости нациями, то это не значит, что надо одобрять изгнание русского большинства из Сибири и Дальнего Востока!

Сразу же оговорюсь, что был бы рад убедиться, что просто неправильно Вас понял, и что все ранее высказанное — лишь плод моего недопонимания. Но пока мне трудно предположить иное. Во всей статье Вы не смогли сказать о нас ни одного доброго слова, даже зачеркнули русскую литературу — как «описание слабости, отчужденности культурного меньшинства».

Ну хорошо, допустим, Вы презираете Россию, ее культуру, историю и народ. Но живете-то Вы среди нас, и каково читать нам Вашу статью, — нам, обычным людям, которые не могут перепрыгнуть через себя и через свою естественную любовь — и к себе, и к своим предкам, и к своей стране, — и которые не могут видеть в ней только плохое, только дегенеративное . . .

Вы скажете, что писали статью не для нас, а для западных социологов. Но ведь слушая Вас, эту «заговорившую рыбу», они будут судить о нас всех. Зачем же вводить в заблуждение, демонстрируя русофобство, которого, по Вашим же словам, даже у американцев нет?

Конечно, я уверен, что и на Западе, и у нас разберутся в смысле Вашей работы и сумеют отделить и использовать ценный анализ демократического движения, народной пси-

хологии и перспектив развития нашей страны — от Вашей личной позиции, которая не выразила ничьих мнений, а только — Вашу личную и, видимо, вполне законную обиду на режим, незаконно перенесенную на всю нашу историю и весь народ.

В своем прекрасном письме к А. Кузнецову Вы упрекаете его за конформизм и капитулянтство перед КГБ, за нежелание бороться и отстаивать свою свободу — именно здесь, на родине. Так мы Вас поняли, но, к сожалению, наверно неправильно. Ваш пессимизм по поводу нашего будущего и Ваше презрение к нам самим ясно показывают, что главное для Вас — не столько в активности ради цели, сколько в стоическом отстаивании своей личной внутренней свободы, личной совести и независимости от режима.

А может, Вы поставите этим себя в положение чудака-ненавистника, обидчивого оригинала, — и в силу такой самоизолирующей славы достигнете независимости от режима, ибо из-за своей непопулярности будете не опасны? Но если Вы и достигнете такой своеобразной «внутренней эмиграции», — то чем она будет в принципе отличаться от эмиграции Кузнецова? — Только личным риском!

Но если это так, и так случится, то у нас, естественно, вызовет только сожаление о разошедшихся путях, не более.

25 февраля 1970 г.

Я не подписываюсь по массе причин: трусость, нежелание облегчать дело КГБ, чувство сопричастности к своим еще менее смелым товарищам — все это можно объединить одним понятием: я не подписываюсь, потому что принадлежу к наиболее презираемой Вами, но тем не менее поставленной в центр нашей жизни — к описанной Вами конформистско-реформистской идеологии.

Примечание: 1) Данный отклик был написан сразу же после ознакомления с работой Амальрика, поэтому в нем так резко выражен полемический тон. Сегодня только сознание невозможности вычеркнуть то, что уже было рань-

ше сказано, заставляет меня привести этот отклик полностью, особенно последнюю страницу. Жизнь не подтвердила мое предположение о том, что А. Амальрик сможет остаться в стороне — сам факт появления его работы именно в Самиздате говорил о том, что он не отделялся от нас. (В свете этого и следовало многое по-другому истолковать в его работе.) Сейчас, после суда над А. Амальриком, это всем понятно. Поэтому все «упреки» в его адрес следует адресовать не лично А. А., а просто автору работы «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?», если о нем ничего не знать кроме этой книги.

2) Объяснение причин моего отказа от подписи под «Откликом» следует поставить концовкой ко всей этой работе в целом.

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Смирнов. Вместо предисловия	III
Некоторые сокращения в тексте	VI

Очерки растущей идеологии (Антигэлбрейт)

Предисловие	3
Вступление	5

Очерк первый

Эксплуатация людей и машин

Прощение с марксизмом	14
Освобождение труда	22
Проблемы технического прогресса	27
Организованность науки	28
Наука и капитализм	31
Наука и социализм	35
Производство	41
О космической гонке	45
Технологический колониализм	50

Очерк второй

Власть государства. Господство капитала. Засилье монополий

Власть организма	63
Государство как машина	67
Антропоцентризм марксизма	71
Власть денег	72
Власть корпораций-монополий	74
Происхождение монополий	76
Монополия и социалистические теории	77
Антитрестовское законодательство	81

Монополизация капитала в отсталых странах	84
Выводы очерка	87

Очерк третий

О распределении. О ценообразовании. О планировании

Коммунистическое распределение	90
Принудительно-плановое распределение	94
Рыночное распределение	97
Джунгли рынка	98
Доводы Гэлбрейта	101
Кризисы	105
Струмилин против Гэлбрейта	107
Закон стоимости и социализм	108
Рынок — совещание	110
Комитет цен вместо рынка	114
Дискуссия математиков и экономистов	119
Рыночное регулирование производства	123
Социалистическое планирование	127
Социалистическая наука о планировании	131
Югославский вариант	135
О нашей инфляции	136
Всеобщая забастовка	141
Вместо заключения: перспективы НЭП'а	143

Очерк четвертый

Перспективы буржуазной идеологии

Уточнение позиций	146
Анализ идеологической таблицы Амальрика	148
Кто такие буржуа?	152
Старое и новое	165
Социальные низы (рабочий класс)	167
Кардинальный вопрос	174
Второй путь	176
Интеллигенция как класс и как прослойка	182
Вместо заключения	186

Приложение 1

Сущность коммунизма

Введение	191
Кто придумал коммунизм?	199

Коммунизм животных	202
Первобытный коммунизм	207
Семейный коммунизм	213
Обыкновенный коммунизм	215
Моральный коммунизм	220
Неокоммунизм	223
Рабство	225
Сокращение рабочего дня	229
Будущий коммунизм	234
Аристократический коммунизм	240
Коммунизм при капитализме	243
Коммунистическая идеология	244
Что такое социализм?	245
Заключение	254

Приложение 2

Отклик на статью А. А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»	257
--	-----